Освобождение Украины от марионеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее ее окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну – полностью самодостаточную и независимую от Запада.

Виталий Даренский, доктор философских наук,
ополченец Народной Милиции ЛНР

Изображение сгенерированно нейросетью
pixray/text2image – Replicate
по текстовому описанию “Философ на войне” и
“Философское монтеневское общество”

В современном научно-фантастическом легендариуме «Warhammer 40,000» человечество и к сороковому тысячелетию живет только войнами. Ближайшее будущее покажет, на какую сторону склонится чаша весов, каким будет следующее столетие, увидим ли мы войны, затмевающие собой все ужасы войн прошлого вместе взятые, или нашим потомкам предстоит жить в мире, наполненном гармонией мира.

Андрей Кондауров, кандидат философских наук,
гранатометчик Народной Милиции ЛНР

Философское монтеневское общество - 2022

Философское монтеневское общество – 2022

ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ

Сборник материалов
Философского монтеневского общества

Луганск
ЛНР РФ
2022

УДК 140.8
ББК 87
Ф 56

Ф 56 Философ на войне: сборник материалов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н. С., Заславской Е. А. – Луганск, 2022. – 204 с.

Книга «Философ на войне» представляет собой седьмой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Сборник включает в себя прочитанные в течение 2021–2022 гг. доклады, а также доклады, планируемые к обсуждению на заседаниях общества. В книге приводятся рецензии и отзывы читателей на опубликованные книги и доклады ФМО, список докладов за последний год и поэтический комментарий ситуации в Донбассе. Особенность сборника в том, что некоторые из его авторов были мобилизованы в 2022 году, и осмысляют свой живой опыт участия в военных действиях.

Книга будет интересна читателям, которые увлекаются философией, поэзией, а также хотят разобраться в причинах СВО.

УДК 140.8
ББК 87

ЛУГАНСКИЕ ФИЛОСОФЫ НА ВОЙНЕ

От составителей

Книга «Философ на войне» представляет собой седьмой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Особенность сборника в том, что некоторые из его авторов были мобилизованы в 2022 году, и осмысляют свой живой опыт участия в военных действиях.

Сборник включает в себя доклады, прозвучавшие на заседаниях ФМО, а также выступления, планируемые к обсуждению на заседаниях общества. Также в книге есть список докладов за 2021-2022 учебный год и поэтический комментарий Елены Заславской к текущей военной ситуации. Отдельный раздел составляют рецензии и отзывы на шестой сборник ФМО «Донбасс: философия фронтира» (2021).

С началом Специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года ситуация изменилась как для России, так и для республик Донбасса. В феврале республики были признаны Россией, в октябре вошли в состав РФ, их интеграция в российское пространство ускорилась. Все больше людей открывают для себя культуру Донбасса, в том числе философию Луганска, отраженную в сборниках ФМО. Темы, которые разрабатывались на заседаниях ФМО в течение восьми лет Минских соглашений, звучат сейчас на разных уровнях в России.

В шести сборниках ФМО опубликованы тексты, которые обсуждались луганскими философами в военные период. Среди обсуждаемых тем следующие:

«Национальные и имперские проекты в Российской империи, СССР, РФ», «Единство народа как научная проблема», «Донбасский код в русской культуре», «Советский проект в донбасских событиях», «Концептуализация войны 2014 - 2022 гг.: гражданская война, война за территорию, конфликт цивилизаций?», «Коммуникативное действие в информационном поле “Донбасс – Русский мир”», «Образ Другого как структурная характеристика культурной границы», «Дегуманизация как метод информационной

войны», «Новороссийская идентичность народа Донбасса», «Непризнанные государства: проблемы и перспективы» и многие другие.

Осмысление происходящих событий, философия войны и поиск русской идентичности становятся предметом обсуждения философов, писателей, деятелей культуры на всем пространстве Русской мира. Так, летом-осенью 2022 года в Донецке прошел философский собор «Великое русское исправление имен», в котором приняли участие Александр Секацкий, Александр Дугин, Андрей Коробов-Латынцев. Среди участников собора был также постоянный участнике заседаний ФМО Луганска Виталий Даренский, чьи работы представлены и в данном сборнике.

Новая книга ФМО «Философ на войне» является вкладом мыслящих людей Донбасса и России в процессы самоосмысления русского народа в период исторических перемен. Сборник также предоставляет возможность всем интересующимся философией и жизнью Донбасса составить представление об интеллектуальных и культурных процессах в Луганске, увидеть ситуацию изнутри, понять, какие темы волнуют людей Донбасса, и присоединиться к поиску истины!

Нина Ищенко
Елена Заславская

За возможность издать сборник благодарим
Георга Федорова

РАЗДЕЛ 1.

ФИЛОСОФИЯ НА ВОЙНЕ

ЧЕТВЕРТАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА – ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ

Виталий Даренский
darenskiy1972@rambler.ru

Освобождение Украины от марионеточного неонацистского режима на самом деле не сводится исключительно к военным действиям. Это мощное поворотное событие в истории самой России, означающее ее окончательное возвращение в статус великой державы и запускающее процесс внутренних преобразований, в результате которых очень скоро мы увидим уже совсем другую страну – полностью самодостаточную и независимую от Запада.

Экономические санкции Запада столь же необходимы для создания суверенитета российской цивилизации, как и отодвигание фактических границ НАТО от Белгорода до Карпат, которое достигается только военной операцией, поскольку Запад уже не оставил России другого выбора. Наша страна оказалась в отчаянном положении – в стратегическом отношении полностью аналогичном тому, когда враг в декабре 1941 года стоял под Москвой. Западная граница Российской Федерации фактически стоит на рубежах Руси времен Ивана III, а в условиях современной войны это означает почти беззащитность Москвы даже и без применения ядерного оружия. В этой ситуации каждый километр отодвигания на запад территории, фактически контролируемой НАТО, чрезвычайно важен.

Если в военном отношении операция на Украине имеет то же значение, как и контрнаступление под Москвой в 1941 году, то не менее важна она и на других фронтах – экономическом, идеологическом и национальном. Никак иначе невозможно было заставить российскую экономическую элиту стать элитой национальной и прекратить вывод капиталов за рубеж. Теперь это сделает сам Запад даже и без участия нашего государства. И никак иначе невозможно было завершить процессы импортозамещения в важнейших отраслях – но санкции заставят сделать это. Президент

России и его команда нашли гениальный способ завершить суверенизацию России руками самого Запада, который именно этой суверенизации больше всего боится. Заставить врага воевать против самого себя – высшее достижение стратегии. Главный проигрыш Запада от санкций, которые он вводит против России, измеряется не в долларах и евро, а в намного более ценной субстанции – в потере им политических и экономических рычагов давления на Россию.

Исходя из этого, операция на Украине имеет характер отечественной войны – пусть и далекой по масштабам (к счастью) от тех отечественных войн, которые приходилось России вести ранее, однако стратегический и исторический ее смысл именно такой. Этот факт следует положить в основу публичного дискурса о современных событиях.

Как и следовало ожидать, ныне публичное пространство заполнено потоками русофобской лжи и мерзости, которым противостоит только официальная позиция России. В публичном пространстве до сих пор не выработан алгоритм уничтожения русофобской лжи. Легко уничтожать ложь в конкретных ситуациях, но этого еще недостаточно – нужно уничтожить само ее основание. Подобно тому, как перед атакой наземных войск ракетные войска и авиация уничтожили военные базы и инфраструктуру, точно так же нужно было и в публичной сфере сразу уничтожить аргументы так называемых «антивоенных акций». Самый простой и эффективный аргумент против них такой: «Россия ведет войну за само свое существование – войну отечественную. Поэтому все, кто выступает против этой войны – выступает против России, является ее врагом и предателем». Что было бы с теми, кто вышел бы с лозунгами «Нет войне!» во время Великой Отечественной войны? Вопрос риторический.

Аргумент второй. На Украине Россия не ведет войну против этой страны, а проводит освободительную операцию – подобно тому, как в 1945 году русская армия брала Берлин не для того чтобы захватить Германию, а для того чтобы уничтожить нацизм. С этой же целью российская армия берет Киев в году 2022-м. К сожалению, в данный мо-

мент не только среди явных русофобов, но и среди некоторых «патриотов» есть очень наивные люди, которые тоже требуют «как можно быстрее начать переговоры», «чтобы не проливалась кровь». Этим инфантилам следует настоятельно объяснять, что для того чтобы больше действительно никогда не проливалась кровь, нужно взять Киев и заставить нацистов капитулировать. А если этого не сделать, то не только зря погибнут те, кто сейчас героически воюет, но и потом война неизбежно возобновится и крови прольется намного больше. «Блаженны миротворцы»: но миротворцы – это те, кто уничтожает сам источник войны, а не те, кто предательски плюет им в спину. Миротворцы – это те, кто штурмует Киев, а не лицемерные тыловые крысы, блеющие «Нет войне». Когда в 2014 году Украина уничтожала Донбасс, они были на ее стороне.

Это касается третьего, национального аспекта войны. Отечественные войны России приводили к огромному подъему национального самосознания и консолидации народа. Точно так же будет и в этот раз, даже несмотря на намного более скромные масштабы происходящего. Но и их оказалось вполне достаточно для того чтобы разворошить русофобский гадюшник и максимально высветить врагов России внутри страны. Естественно, что не будет по отношению к ним никаких «репрессий», но клеймо пораженцев они поставили на себя навсегда, и его никогда не забудут. Это огромный шаг к очищению российского культурного, информационного и образовательного пространства от явных и скрытых врагов России. Однако в этом вопросе нам нельзя надеяться только на государство, но следует активно проявить гражданскую инициативу – создать общественные организации, которые бы зафиксировали всех, кто идеологически поддерживал врага и плевал в спину русской армии во время новой отечественной войны. Нельзя допустить, чтобы эти люди и в дальнейшем «промывали мозги» народу, занимая почти все информационное и культурное пространство России.

Происходящие события консолидируют народ не только внутри самой России, проведя четкий водораздел

между подлинными патриотами России и «нерусью окаянной» (независимо от их национальности). Такой раздел уже происходил в 2014 году, но сейчас он стал еще более четким и глубоким. Консолидация теперь вышла за рамки России и фактически разделила весь глобальный мир на наших друзей и врагов. Даже на Западе оказалось много адекватных людей, которые понимают причины действий России. Но за пределами коллективного Запада – почти весь мир фактически сейчас на стороне России, поскольку она борется за общее дело разрушения мировой диктатуры Запада и построение справедливого мироустройства.

Для православных людей эта четвертая отечественная война имеет вполне определенный религиозный и даже эсхатологический смысл. Как бы ни относиться лично к В.В. Путину, но объективно, то есть в соответствии с православным пониманием истории, Россия В.В. Путина в данный момент ведет войну против апостасийной цивилизации антихриста, защищая само существование Катехона – «удерживающего», каковым в настоящий момент является Россия. И каким бы далеким от Церкви ни было большинство народа в современной России вследствие большевистского ига XX века, но совершенно очевидно, что Россия как государство в настоящий момент осталась последней защитой Православия в современном мире. Без России весь остальной православный мир беззащитен и обречен на быструю гибель, которая уже и началась в виде Константинопольского раскола. Нынешняя операция имеет и прямой смысл русской реконкисты – спасения Киевской митрополии от затягивания ее в раскол и отпадения от Православия.

В свое время статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» появилась неожиданно и сразу же заставила многих теряться в догадках – какие именно будущие стратегические проекты и решения во внешней и внутренней политике она предвещает? В свете происходящих событий это стало понятным. Стоит напомнить, что тезис о том, что «русские и украинцы – это один народ» на официальном уровне не звучал уже более 100 лет. До событий 1917 года в русской и мировой классической

науке (историографии, этнографии, лингвистике и т.д.) было аксиоматическим положение о том, что русский народ состоит из трех этнических групп – великороссов, малороссов и белорусов. Отличия между ними – этнические, а не национальные. Именно по научным, а не каким-то идеологическим критериям. Идеология пришла уже в XX веке и заслонила собой научный подход к этой теме. Большевики создали идеологию «трех братских народов», а украинские националисты («мазепинцы», как их называли сто лет назад) внушали своим адептам, что это не только не «братские», а изначально враждебные народы. Но в обоих этих случаях произошел отход от многовекового сознания единства русского народа.

Для сравнения также стоит напомнить, что 100 лет назад на землях основных европейских стран проживали народы, почти не понимавшие языка друг друга, но благодаря очень жесткой ассмиляторской политике теперь мы имеем практически однородные в языковом отношении массивы немцев, французов, британцев, итальянцев и т.д. Но 100 лет назад языки баварцев и саксонцев различались между собой намного больше, чем малороссийский и великороссийский диалекты русского языка, а например, большая часть жителей Италии тогда вообще не понимала итальянского литературного языка и т. д. Тем самым процессы в Европе и в России в XX веке текли в противоположных направлениях – унификация в Европе и искусственный этнический раскол в России, в результате которого были сконструированы «украинцы» и «белорусы», а русскими стали считаться только великороссы. Но по европейским стандартам «украинцы» и «белорусы» – это нонсенс.

В настоящий момент (весна 2022 года) на Украине начался социальный хаос, бегство «элиты» и реальное безвластие. «Упоротые» националисты опираются на определенную часть населения, которая хотя и является меньшинством в стране, однако весьма активна, агрессивна и консолидирована. Кроме того, многие из них имеют опыт карательных операций на Донбассе. В этой ситуации после пере-

учреждения нового государства на территории Украины будет необходимой специальная политика денацификации страны, которая должна проводиться на уровне государственной программы.

В истории имеется ценный прецедент проведения денацификации в послевоенной Германии. В восточной ее части, находившейся под контролем СССР, она проходила в более жесткой форме, чем в западной, которая позже стала называться ФРГ. Однако в обоих случаях этот процесс был достаточно безболезненным и не сопровождался массовыми репрессиями. Наказания нацистских преступников имели «точечный» характер лишь на основании судебных расследований, а основная масса населения при этом никак не была затронута, хотя формально можно было считать, что с нацистским режимом сотрудничали все без исключения. Благодаря такой аккуратной политике процесс денацификации был осуществлен быстро и эффективно. Важную роль в нем сыграло и новое законодательство, запрещавшее нацистские организации и пропаганду их идеологии. То же самое необходимо будет сделать на Украине с учетом того, что многие из укронацистов попытаются замаскироваться под весьма нейтральными политическими «вывесками».

Второй аспект состоял в работе с массовым сознанием, которое перед этим много лет подвергалось массированной нацистской пропаганде. Весьма похожая ситуация в настоящее время имеет место и на Украине, где уже de facto официальной является бандеровская идеология, которая в 1940-х годах фактически была разновидностью нацизма и гитлеризма. Тем самым, на Украине придется повторить тот же самый путь культурной денацификации, который в свое время прошла Германия. Тот немецкий опыт нужно будет использовать и в сфере антинацистского законодательства, и в сфере культурной политики, в первую очередь, в сфере перестройки образования. В политической и административной сферах совершенно необходимой будет люстрация кадров – запрет на эти виды деятельности тем лицам, которые работали на ответственных должностях в администра-

тивной сфере и в политике после 2014 года, либо были активными пропагандистами. Без проведения денацификации Украина будет всегда оставаться в состоянии латентной гражданской войны и политического хаоса.

После завершения операции по демилитаризации и денацификации Украины перед Россией встанет весьма сложная задача обустройства этой территории. Хотя Президент России В.В. Путин ранее неоднократно напоминал, что агрессия Украины против Республик Донбасса приведет к ликвидации украинской государственности, однако это не означает, что это произойдет одномоментно. Операция по демилитаризации и денацификации Украины ликвидирует нацистский марионеточный ражим на ее территории, но до полной реинтеграции этих территорий в состав единого Российского государства еще должен пройти определенный переходный период, на протяжении которого Украина будет восстанавливаться как дружественное России государство, а политической интеграции будет предшествовать интеграция экономическая. Но для этого должна произойти полная смена политической и экономической элиты на украинской территории.

Государство «Украина» представляло собой весьма специфическое явление даже на фоне остальных современных failed state – «несостоявшихся государств», которые не в состоянии поддерживать свое существование в качестве жизнеспособной политической и экономической единицы. Эта специфика состоит в том, что нынешняя Украина как государство, с одной стороны, было изначально нежизнеспособно и обречено на вымирание и распад, но с другой – активно использовалось для нанесения максимального вреда России как главному геополитическому конкуренту Запада.

Смысл создания Украины как государства для Запада изначально состоял именно в этом, включать Украину в «европейское сообщество» и тем более в «золотой миллиард» изначально никто не собирался. Украина изначально была для Запада своего рода «инструментом одноразового применения» по принципу – «использовал и выбросил». И это

естественно, поскольку Украина как инструмент геополитической войны Запада против России сама является частью исторической России. Тем самым ее кураторы из Вашингтона рассчитывали достичь одновременно сразу двух целей: с одной стороны, сначала создать для России разнообразные проблемы с помощью этого враждебного ей государства, а с другой – параллельно привести к ничтожеству само это государство, чтобы его территория в будущем не стала для России фактором ее усиления. Запад понимает, что Украину рано или поздно придется вернуть в качестве исконной русской территории, но он рассчитывает вернуть России территорию Украины только как пустыню, а не как развитый регион. Происходящие ныне события перечеркивают этот гнусный план, который был бы наихудшим и для России, и для Украины.

Естественно, что такая стратегия не может быть озвучена ни в каких официальных документах, однако она легко прочитывается аналитически, исходя из общих процессов, происходящих на Украине после 1991 года. Если бы Запад действительно хотел включить Украину в свое цивилизационное сообщество (в «Европу», как это называют на Украине), то его политика по отношению к ней была бы примерно такая же, как к Польше – она включала бы в себя реальные инвестиции на сотни миллиардов долларов, включение Украины в европейские структуры, НАТО и т. д. Но ничего подобного с самого начала Запад делать не собирался, а от самой Украины ничего не зависело. Внутренние инвестиционные возможности страны мизерны и в основном принадлежали местным олигархам, а к настоящему времени уже практически исчерпаны. Западные инвестиции в основном шли в банковскую сферу – т. е. в реальности были не инвестициями, а как раз наоборот – каналами выкачивания из страны основной части прибылей. В этой ситуации Украина уже обречена была всегда оставаться бедной страной «третьего мира» с полностью коррумпированной государственной системой.

В таком состоянии страна могла существовать достаточно долго, но ее неизбежный крах приблизили два новых

фактора: 1) внутренний – старение и вымирание населения и бегство из страны самой трудоспособной его части, что привело к катастрофической депопуляции, еще большему обнищанию и уничтожению экономики; 2) два государственных переворота в виде так наз. «майданов», которые уничтожили остатки государственного суверенитета и привели к власти в стране полностью управляемую извне колониальную администрацию и установили авторитарный режим, полностью уничтожив всякую возможность мирной смены режима и возрождения страны.

Единственным условием выживания и возрождения народа, живущего на территории современной Украины, является переучреждение государства. Сохранение того государства, которой существует на данной территории в настоящее время, неизбежно привело бы к почти полной депопуляции этой территории и как следствие – раздел ее на зоны ответственности между сопредельными государствами. Учитывая темпы депопуляции, это может произойти в ближайшие 20-25 лет. Единственной возможностью избежать такого развития событий является не просто смена правящего режима, а полное переучреждение государства на этой территории. Новое государство может иметь иное название, но суть дела не в этом, а в том, что в его основу должен быть положен новый реальный общественный договор между народом и новой властью, основанный на интересах народа, проживающего на данной территории. Если же такая власть, основанная на новом договоре, не возникнет, то переучреждения государства не произойдет. А это, в свою очередь, будет означать только одно – дальнейший безальтернативный путь вымирания и бегства народа и крах нынешнего антинародного государства.

Государство, возникшее на территории нынешней Украины в 1991 г., изначально не было самостоятельным политическим субъектом и пыталось выстраивать свою политику, ориентируясь на своих западных покровителей. С другой стороны, ему приходилось поддерживать нормальные отношения с Россией, от которой Украина была и остается

экономически зависимой по объективным причинам. В таком положении Украина некоторое время даже имела возможность небольшого экономического роста в начале 2000-х годов, но этот процесс был насильственно прерван первым «майданом» 2004 г. Как известно, Украина является единственной из всех стран бывшего СССР, которая так и не смогла восстановить уровень советского ВВП 1990 года. Второй «майдан» 2014 г. сделал процесс разрухи уже необратимым. Этот процесс будет идти до своего логического завершения в виде разрушения экономики и государства, обвальной депопуляции и социальной катастрофы – в том случае, если не будет реализован альтернативный вариант будущего в виде переучреждения государственности на этой территории.

Каким образом это может произойти? Объективной основой бытия любого государства является общественный договор между ним и народом, проживающим на его территории. Понятие «общественный договор», как известно, появилось в эпоху Просвещения и обозначает четкий критерий жизнеспособности и легитимности любого государства. Только до тех пор, пока выполняется общественный договор между обществом и государством, государство живет и развивается, а когда государство этот договор нарушает, оно обречено на разрушение. Это разрушение может быть не быстрым, т.к. государство может долго существовать и без поддержки его народом, по «инерции», просто потому что его пока нечем заменить. Официальная часть общественного договора сформулирована в Конституции государства, но его неофициальная часть на самом деле еще важнее – это соответствие ожиданий и интересов народа, с одной стороны, и действий государства – с другой.

Общественный договор, на котором было основано государство на территории Украины в 1991 году, базировался на обещании государства обеспечить народу не только развитие, но и вхождение в новую общность, которую на Украине называют «Европой». За прошедшие 30 лет оба эти обещания не только не выполнены, но процесс идет вообще в прямо противоположном направлении. Вместо развития

Украина быстро вымирает, а вместо «Европы» она стала одной из отсталых стран «третьего мира». Этот факт власть на Украине традиционно объясняет якобы «неготовностью» страны к интеграции «в Европу». Такое «объяснение» ориентировано на невежественного обывателя, является обманом и манипуляцией сознанием масс. На самом же деле интеграция «в Европу» не зависит от чьей-то готовности, а является «техническим» процессом, который обеспечивается мощными инвестициями и включением страны в евроструктуры. Если этого не происходит, то сама «готовность» не играет никакой роли. Как видим, на протяжении 30 лет Евросоюз никогда не собирался запускать этот процесс, а от самой Украины здесь ничего не зависело. Тем самым, в основу договора, на котором основано существование современной Украины, с самого начала был положена ложь и откровенный обман проживающего здесь народа.

Отмеченное в 2021-м году 30-летие «независимости» Украины позволяет сделать выводы относительно целой исторической эпохи. Эти выводы достаточно очевидны. Став марионеткой Запада, Украина все равно объективно остается частью русской цивилизации – и не только по языку и остаткам культуры, но и по абсолютно объективным экономическим критериям, поскольку Запад рассматривает Украину в своем экономическом пространстве только в качестве пустой сырьевой периферии. Никаких инвестиций, которые могли бы подтянуть ее хотя бы до уровня Польши, туда изначально делать не предполагалось – планировалась лишь долговая удавка, которая и работает весьма успешно, убивая остатки экономики.

Все это прикрывалось невероятно лживой и лицемерной фразой о том, что «Украина должна сначала сама построить у себя Европу» – то есть в условиях, когда в стране не остается ни копейки на какие-то инвестиции, поскольку всю прибыль через свои банки отсюда высасывает тот же Запад, строящий на этом грабеже нищих стран свое воровское «благополучие».

Запад понимает, что, убивая Украину, на самом деле он убивает часть не своей, а именно русской цивилизации – со

своими так не поступают. Давно известно интервью Дж. Сороса, в котором он проговорился о целях Запада на Украине: по его словам, Украина Европе не нужна, она останется России, но в итоге Россия получит пустыню, которая станет для нее лишь обузой. То есть, уничтожая Украину, «хозяева мировых денег» на самом деле уничтожают Россию – по частям, сначала расколов ее на «независимые» государства, как они к этому всегда и стремились.

Обычно спорят о степени достоверности упомянутого интервью, однако, по сути, это даже неважно, поскольку к точно такому же выводу приводит и объективный анализ происходящих процессов. За 30 лет Украина потеряла треть населения и почти всю промышленность, не говоря уже о территориях – Крыме и Донбассе. Никаких предпосылок к тому, чтобы повернуть вспять процесс деградации и вымирания – нет и не предвидится. Еще через 30 лет территория Украины превратится почти в пустыню, которая при наихудшем сценарии развития событий будет разделена на сектора, контролируемые соседними государствами. Единственный шанс у этой территории не быть в перспективе заселенной иммигрантами – выходцами из Азии и Африки – это полная смена государственности, без которой невозможно изменение этой катастрофической ситуации. Нет сомнений, что весь нынешний правящий класс Украины прекрасно осведомлен об этой перспективе. Поэтому все они, начиная с самого президента Зеленского, имеют иностранные паспорта и недвижимость за рубежом. Украину они рассматривают исключительно как удобное временное место ведения своего полукриминального бизнеса, но в перспективе жить здесь не собираются (а их дети давно уже учатся и живут на Западе). Это оккупационная власть в самом буквальном смысле слова. Они уедут, оставив здесь умирающее население, которому уже скоро нечем будет платить пенсии. Тем самым, без радикального изменения государства в ближайшие десятилетия Украину ждет только медленная смерть.

Поэтому совершенно закономерно, что уже в 2021 году руководство Российской Федерации озвучило принципиально новые тезисы относительно взаимоотношений с Украиной. В частности, Президент В.В. Путин озвучил тезис о том, что жители Украины и России являются одним народом, искусственно разделенным в результате катастрофических событий XX века. Это тезис всегда являлся аксиомой в среде академических ученых, но в качестве политического тезиса это озвучивается впервые после 1917 года (как известно, в царской России русская нация понималась как состоящая из трех этносов – великороссов, малороссов и белорусов).

Статья В.В. Путина об Украине означает фундаментальный поворот в политике России: если ранее речь шла сотрудничестве братских народов и, более того, часто даже и о безвозмездной помощи Украине (еще ранее президент также озвучивал цифры фактической донорской помощи России Украине в виде низких цен на газ и др.), то теперь ситуация принципиально изменилась. После того как Украина, полностью находясь под внешним управлением, развязала войну на Донбассе против проживающего там русского населения и позиционирует себя как страну, находящуюся в состоянии войны с Россией, эта политика, ориентированная на братскую помощь, стала невозможной. Теперь речь идет только о том, что Российская Федерация берет под защиту проживающее на Украине русскоязычное большинство ее населения. Это уже было сделано по отношению к народу Донбасса и является последним предупреждением.

В свою очередь, недавняя статья Д.А. Медведева «Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством» стала уже логическим завершением публичного формулирования новой стратегии России по отношению к этой стране. Основной тезис этой статьи о полной невозможности иметь дело с той властью, которая сложилась на Украине под внешним управлением, и о том, что Россия будет ждать столько, сколько нужно, пока на этой территории возникнет уже новая, договороспособная и вменяемая власть, означает начало принципиально нового периода истории. Фактически сказано о том, что Украина в том виде, в

котором она сейчас существует, не является для России серьезным политическим партнером и грядущая «перезагрузка» власти в этой стране абсолютно неизбежна.

Вернемся к вопросу о том, каким образом может происходить переучреждение государственности на территории Украины как конкретный политический процесс. В условиях мирного развития событий, то есть медленного гниения, «пусковым механизмом» этого процесса стал бы крах ее экономики и политической системы, что неизбежно приведет к социальному хаосу. Крах экономики уже неизбежен как следствие ее долгой деградации и катастрофического сокращения доли трудоспособного населения. Уже в ближайшие годы на Украине стала бы невозможной полная выплата пенсий из-за старения населения, а трудовая миграция за рубеж еще более усилилась. Потеря «кормовой базы» полукриминального бизнеса, за счет которой существует украинская так называемая «политическая элита» также достигнет критического уровня, который заставит большинство этих людей эмигрировать и выводить свои капиталы за границу. В условиях общего экономического и политического коллапса начались бы выступления населения во главе с бывшими боевиками, воевавшими против Донбасса, у которых на руках имеется большое количество оружия. В этой ситуации неизбежно были бы попытки переучреждения государства, исходящие от этих боевиков, исповедующих неонацисткую идеологию. Но поскольку эти люди не способны ни к какой созидательной деятельности и не имеют поддержки у основной массы населения, то они не имели бы успеха, но только дальше раскручивали сценарий гражданской войны. Однако события последних дней, к счастью, остановили этот наихудший для Украины сценарий развития событий и создали совсем иную перспективу.

Однако проблема современной Украины состоит в том, что в ней нет никаких альтернативных общественных сил, которые могли бы осуществить переучреждение государства в столь сложной ситуации. Эти силы были полностью подавлены после государственного переворота 2014 года. Тем самым переучреждение государства на территории

Украины произойдет иным путем. Вероятнее всего, временно власть перейдет в руки той части украинских военных, которые ведут себя адекватно, отказываясь от ведения боевых действий против братского народа и не подчиняются диктату нацистов. Эти военные могут подписать официальную капитуляцию и сформировать временные органы управления на период до проведения новых выборов. До выборов должна быть осуществлена полная люстрация лиц, связанных с предшествующей властью, и любые русофобские силы на Украине запрещены законом. Очевидно, что если не будет «обнулена» украинская государственность, то в противном случае на ее обломках уже легально создадут вооруженный до зубов форпост НАТО. Очень важно и поменять официальный дискурс: главное – отказаться от оперирования понятием «Украина» как чем-то целостным и природно данным. Украина – это конгломерат искусственно оторгнутых от России русских территорий, и не более того. И сейчас происходит их естественное возвращение.

ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ

Андрей Кондауров
moregoods@mail.ru

Юношество, погибшее на войне, –
как изъятая из года весна
Перикл

Древнейшие мифы народов мира часто указывали на войну как на средство творения Космоса из Хаоса. Вся история человечества может быть представлена как череда мира и войн. Я хотел бы поразмышлять о том почему это так и что есть на самом деле война сегодня глазами философа.

Будучи не первым и не последним, кто стал на путь данных размышлений, хотя я и не думаю, что смогу сказать что-то по-настоящему новое (уж слишком сильна конкуренция

в данном вопросе среди мыслителей), однако данная задача не лишена смысла и во всяком случае всегда лучше делать что-то созидательное, чем бездействовать, особенно если это касается философствования. Рассмотрим геометрию отношений между философом и войной. Мне интересно посмотреть на то, как два эти феномена взаимодействуют друг с другом сегодня, в тех условиях в которых мы живем в 2022 году, в особенности смотря на это сквозь экзистенциональную призму пережитого личного опыта.

Для начала давайте дадим базовые определения этих двух понятий. Пифагор, подаривший нам слово «философ», говорил о философе как о контр-мудреце. Обычно мудрец обладает большим опытом в силу возраста, а философ любит и дружит со знанием сразу, не зависимо от того, сколько ему лет. Сегодня в обыденном языке словом «философ» маркируют человека, отрешенного от земных дел, это человек, который относится спокойно к происходящему, по смыслу это близко к академическому понятию «атараксия», то есть внутреннему спокойствию. Выражается это, например, в часто произносимой нами фразе «Отнесись к этому философски».

Для меня самого, начиная с 2010 года, когда я учился на философском факультете и постигал основы этого дела, философ стал означать человека, который посвятил себя деятельности по определению сущностей. Раскрыть сущность чего бы то ни было значит понять, что есть эта сущность на самом деле (или хотя бы что есть каждая сущность для человека). Ответ на это вопрос, на самом деле, дает ответы на центральные вопросы в каждом из направлений современной академической философии: метафизики, гносеологии, философии истории, логики, этики и так далее. Отсюда сущность философии, сущность войны и даже сущности сущности есть непосредственно философские вопросы. Вспомним, например, главный вопрос гносеологии: возможно ли познание? Что это, если не вопрос о том, в чем есть сущность познания?

Те способы, к которым прибегает философ, является средствами философской деятельности или ее методами.

Поскольку всецело вопрос о сущностях есть вопрос об абстрактном и касается всеобщего, очевидно можно сказать что общим методом философии является умозрение. Оно в свою очередь распадается на тысячи методов, таких, например, как, диалектический, аналитический, дедуктивный, анархический, дхьяна, интеллектуальная интуиция, феноменологическая редукция и другие. Методов существует довольно много, соответственно количеству всех тех вызовов сложности многообразия существующего. Таким образом философия – это деятельность по познанию сущностей, а философ – это человек, который занимается познанием сущностей. Так я вижу философию и философа. Сущность же есть то, уникальное, чем обладает рассматриваемый философом объект мысли. Кем может быть абсолютно все: вещь, язык, бытие, сознание, благо, мораль, красота и даже сам человек.

Что же такое есть война?

Общеизвестное определение гласит что война есть вооруженное противостояние двух или более сторон. Осталось только понять границы смыслов «вооружения» и «противостояния», а также что такое есть «сторона». Разберемся с этими вопросами.

Этимологически «вооружение» есть нахождение с оружием, то есть когда сторона находится «в оружии». Оружие – это средство, функция которого направленна на поражение противника. Важным моментом тут является то, что оружие бывает летальным и нелетальным, то есть вооружение, как атрибут войны, может быть направленно как на уничтожение, так и на не уничтожение другой стороны. В этом заключается вилка поражения противника.

Противостояние есть нахождение сторон в состоянии оппозиции. В смысле войны это указывает не просто на различные, а именно на противоположные позиции сторон. Для состояния войны противостояние является необходимым атрибутом, однако не достаточным. Противостояние может быть так же атрибутивно конкуренции или спору, которые не есть война. То, что превращает нечто с противостоянием в войну, сердце войны, именуется конфликтом.

Латинское слово conflictus дословно переводится как «столкнувшийся», то есть противостояние как стояние на разных позициях переходит в состояние войны при «столкновении». Столкновение сторон – это событие появления войны. Хоть в обыденном словоупотреблении возможно использовать слово «война» и в других смыслах, это не замывает заданных выше границ смысла феномена войны. В качестве примера такого употребления можно привести выражение «война Монтекки и Капулетти». Отсюда важным условием войны и так же атрибутом этого феномена нужно назвать политическую составляющую.

Политика – это общественное дело. Я бы определил политику как коллективную деятельность по целесообразному распределению ресурсов. Безусловно целесообразность – это политическая идеология. Отталкиваясь от наиболее известного определения и проведя анализ его составляющих понятийных частей, соберем все в единое целое. Война есть форма идеологически обоснованного распределения ресурсов орудий, направленных на поражение противоположной стороны в процессе конфликта.

Теперь, когда мы определили, что есть понятия философа и войны, мы можем приступить к их соотнесению.

Чем отличается философ до войны, философ в войне и философ после войны? Конечно, проходя через реальный факт войны помимо умозрительного опыта в биографию философа добавляется еще и эмпирический. Именно поэтому относительного нашего вопроса, философов, рассуждающих о войне можно разделить на три группы.

1. Группа, обладающая чисто теоретическими измышлениями.

2. Группа успевших побывать на войне, оставивших некоторые наблюдения, но не успевших вернутся с войны.

3. Побывавшие и вернувшиеся с войны, имеющие достаточную дистанцию осмыслить пережитое.

Разделяя на эти три группы, стоит сказать, что каждая из них в своем составе не пришла к общим выводам как внутри себя так и между собой. Философов всех трех групп можно грубо разделить на три части: оправдавшие войну,

осуждающие войну и безразличные к ее моральной оценке. Вспомним для иллюстрации этой мысли позиции двух немецких титанов. Согласно Канту, война – это пережиток прошлого, классик считал, что все войны неизбежно исчезнут и настанет время «вечного мира», армии всего мира прекратят свое существование, а человечество обретет единство на основе «духа сотрудничества» и «духа торговли». Кант видел в войне только проявления зла. Она состоит из разрушений, страха, потерь и безусловно не окупает тех приобретений, которые достигаются в случае победы.

Оппонирует этой позиции другой немецкий гений Георг Гегель, считавший войну формой проявления Абсолютной Идеи, необходимым инструментом движения истории. Он видел в войне форму общественного блага и сводил доказательства этого статуса войны к трем аргументам.

1. Война есть необходимое орудие самозащиты государства. И действительно, если мы предположим чистое и светлое государство с высокими духовными достижениями, разве не будет оно в опасности рядом с другими, менее развитыми внутренне и воинствующими государствами?

2. Война способна сохранить нравственное здоровье нации, так как открывает путь к реальным практикам героизма. Только состояние предельной опасности закаляет индивидуальный характер человека-гражданина и не позволяя обществу «гнить» в состоянии рассеянного мира.

3. Война не только может спасти государство от внешнего врага, но она же необходима, так же и для борьбы с внутренними врагами, то есть война укрепляет государственное власть, в чем Гегель видит важную миссию. Кант и Гегель, говоря о войне, говорят о разном, поэтому так сильно отличаются их конечные выводы. По-своему меня убеждаю и те, и другие аргументы в правоте каждой из сторон. Сложно представить войну без присутствия зла, однако если война направлена не на нападение, а на защиту, разве это не делает ее необходимой причиной будущего мира и избегании большего зла?

Фундаментом этой аргументации является нечто похожее на логическую проблему вагонетки, сформированную

философом Филиппой Фут. Войны оборонительные ведутся, так как ценой жизни малого количества людей спасается большее. Осталось только понять относительно конкретной войны, действительно ли достоверно то утверждение что данная конкретная война приведет к гибели всех или большего числа людей? Поскольку если ответ нет, то возникает возможность усомниться в необходимости данной конкретной войны. Поскольку история не имеет сослагательного наклонения, подобные вопросы остаются открытыми.

Независимо от того, одобряем или не одобряем мы данности войны, неоспоримым фактом остается одно: человечество воюет всю свою историю. Похоже, что на данном этапе развития цивилизации война все еще остается обязательным инструментом. Мы как человечество еще не знали длительного периода истории того или иного крупного человеческого общества, при котором не происходили бы войны. Война менялась как система инструментов поражения противника, но война не меняла своей сути.

Война сегодня приобрела форму мегамашины (термин введен философом техники Льюисом Мамфордом), она стала частью техносферы, будучи перенасыщена в составе своего инструментария техническими устройствами. И как техносфера приобретает сегодня автономию, убирая из технологического цикла человека, так и война получает свою автономию. Несомненно, войны ближайшего будущего будут ткать специальные системы искусственного интеллекта, генерируя бесконечные стратегии борьбы с противником, сооружая тем самым цифровой Апокалипсис. Далекие перспективы будущего не ясны. В рамках искусства, не скованного рамками физических законов, мы видим художественные воплощения военных перспектив как для Канта, так и для Гегеля.

В книге «Роза мира» писателем Даниилом Андреевым обоснована мистическая позиция приведения человечества в единое духовное братство без войн. А в современном научно-фантастическом легендариуме «Warhammer

40,000» человечество и к сорок первому тысячелетию живет только войнами. Ближайшее будущее покажет, на какую сторону склонится чаша весов, каким будет следующее столетие: увидим ли мы войны, затмевающие собой все ужасы войн прошлого вместе взятые, или нашим потомкам предстоит жить в мире, наполненном гармонией тотального мира. Истина, похоже, как всегда будет посередине.

И что же говорит философ на войне? Древнейшие мифы народов мира часто указывают на войну, как на средство творения Космоса из Хаоса, и наверное не случайно поэтому из того же рождаются и Боги, ибо война – отец всего.

КАННИБАЛИЗМ КАК СРЕДСТВО УКРАИНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Ольга Бодрухина
bodrukhina@gmail.com

С того момента, как зародилась антропология, одной из наиболее парадоксальных сфер ее интереса стал каннибализм. Не как апокалиптичный признак ввиду безвыходности ситуации – такой, например, как длительный голод, стихийное бедствие или популяционная катастрофа [1]. А именно как то, что отражает и выражает определенные верования человека, его представления о душе и мироустройстве, о законе и морали.

Запад открывает окно Овертона для каннибалов

Казалось бы, что там, где начинается каннибализм, заканчивается все человеческое и человечное, заканчивается сама цивилизация. Там копошится что-то мрачное и зловонное, что-то чудовищное и холодное, там хтоничные злые боги и безжалостные планетарные катастрофы, такие, как Сатурн, пожирающий своих детей «живцем»... Словом, там «Всяких полно. Живых мало» [2]. Ан нет – нынче эта «радость» архаичных и темных сообществ вполне успешно

взята на вооружение теми, кто позиционирует себя авангардом прогресса. Сегодня каннибализм – это прорезание истинного лица трансгуманизма, пункт алгоритма расчеловечивания и виртуализации сознания. Будь то приключение немецкого людоеда Армина Майвеса 20-летней давности, благодаря громкому делу которого совершенно неожиданно общественность узнала, что сие явление в благополучных странах уж более не табу, о чем свидетельствует само существование каннибальских сайтов с нормальной такой их посещаемостью. Или уже созданное и презентованное пару лет назад мясо из человеческих клеток, проект Ouroboros, «Уроборос» – с благой якобы целью поставить крест на животноводстве.

Каннибализм как технология

Возможно, в это трудно поверить, но каннибализм сосуществует с самыми современными технологиями – политическими, рекламными, производственными – более того, сами эти технологии осознанно становятся его инструментами, его медиумами, проводниками из мира нелюдей в мир людей. Таким образом, происходит не только переписывание реальности, но и само формирование нового мифа, на основе которого наша реальность, собственно, и переписывается. И если каннибализм и любые его формы, включая символические, поощряется существующими культурными нормами (или как минимум ими не отрицается), то мы уже не можем говорить о нем, как о патологии. Он становится именно практикой.

Украина догоняет Запад

Конечно, Украина никак не может себе позволить отставать от этих эскапад цивилизованного мира. Являясь трансгуманистическим полигоном для любых, не побоюсь этого слова, технологий, Украина – в лице той нелюди, которая годами держала страну и население в заложниках – радостно встречает и поддерживает каждое проявление «пер-

вого мира»: как аборигены с религиозным трепетом встречают приземляющийся на их землю вертолет. Подобострастными усилиями этой нелюди, удивительным образом сочетающей махровый нацизм (без приставки «нео») с претензией на некий аутентичный креатив, сознание украинцев годами обрабатывалось настолько нечеловеческими способами, что в какой-то момент никого почти не шокировало появление печально известной стойки с шаурмой из «москальских детей» в комбинации с американским флагом на выставке современного украинского искусства.

Личность, соединяющая в одну кулинарную концепцию детей и шаверму, как минимум, должна быть изолирована. Но если речь идет не об отдельном больном человеке, а о технологии, формирующей образ мышления, построенный на каннибализме, пусть пока и символическом, – то это всего лишь вопрос времени, когда она из точечной станет массовой, а затем, возможно, и вовсе не символической.

Украинский каннибализм как тенденция

Украинская общественность, будучи уже достаточно ослабленным организмом, проглотила и это. Как проглотила и торты из русских младенцев, запив компотом из «крови». Многие, наверное, запомнили мерзкий эпизод с ярмаркой в Николаеве, репортаж с которого стал украшением украинского телеканала «Инше.ТВ»: «Бойче всего торговля шла за столом, где девчонки в вышиванках и с веночками на голове продавали «Сырники с москалем», пирог «Бандеровский», «Сладкий Ляшко на Донбассе», а «Кровь российских младенцев» (вишневый компот) наливалась бесплатно, в довесок к вкусняшкам».

Видимо, политтехнологи-каннибалы, не встретив особого возмущения и сопротивления в виде порицания и вполне реальных исков, оценили свою перспективу. И вот уже в 2020 году в Виннице был налажен выпуск консерв с названиями «Сепар в сметане», «Сепар Луганский» и прочей людоедской эстетикой – под чутким руководством «хэроя» Александра «Грома» Грамарчука и его единомышленников. Того самого, который был кандидатом в депутаты от «Европейской солидарности»

Петра Порошенко [3]. Консервы, ко всему прочему, украшены стилизованными свастиками.

Религиозно-мистический каннибализм

Можно сказать, что в данном случае, помимо античеловеческой – безотносительно какой-либо нации – пропаганды, издевательства над памятью предков и человеческим достоинством, мы имеем дело с символическим религиозно-мистическим каннибализмом.

Именно поедание частей тела и внутренних органов убитых врагов, военнопленных – как и умерших сородичей, относится к этому виду каннибализма. Подобная практика основана на архаическом убеждении в том, что сила и мастерство убитого переходит к тому, кто его съел. Тем самым, конечно, прибегающий к ней автоматически расписывается в несостоятельности собственной силы и смелости.

Кроме того, здесь одновременно присутствует и мотив так называемого карательного каннибализма – как разновидности ритуального. Смысл в том, что поедание человека происходит в знак наивысшего наказания, унижения и презрения к нему. Как правило, жертвой карательного каннибализма становился чужеземец-иноплеменник, но, в некоторых случаях, и обидчик из числа соплеменников [4]. Что сказать – карателями они и являются, то есть самой презираемой во всех обществах прослойкой, паразитирующей на народном теле, убеждающей всех, что без нее жизни нет.

Естественно, мотивы производителей таких консерв, помимо мистических, включают в себя и возможность на них неплохо подзаработать. Ведь, как минимум, они разойдутся на сувениры… Вряд ли бы создатели стали выпускать свой продукт, не будучи уверенными в своем покупателе, не ориентируясь на бытующие в обществе настроения. Хочется верить, что это всего лишь полит-технология, навязываемая нелюдью людям, не соответствующая реальному состоянию общества: точечная, обреченная на фееричный провал, вызывающая у большинства украинцев рвотный рефлекс и позыв написать заявление. Но, к сожалению, в 2022 мы уже наблюдаем массовую реализацию консерв «Кадыровцы в

собственном соку. Дон-дон» через сеть супермаркетов «АТБ», которая, собственно, и занялась их выпуском и раскруткой. По данным из «Википедии», в 2022 году ООО «АТБ-Маркет» принадлежит в равных долях трем днепропетровским бизнесменам, основателям группы «Агротехбизнес» – Геннадию Буткевичу, Евгению Ермакову и Виктору Карачуну.

Каннибализм как инструмент расчеловечивания

Удивительно, что в мировой практике мы как раз наоборот, сталкиваемся с тем, что пропаганда приписывает каннибализм целым народам с целью их расчеловечивания и последующего праведного доминирования над ними. Так, еще в античное время греки упоминали о людоедстве удаленных не-греческих варварских племен, которые в основном такими не являлись. В Европе с XV по XIX века цыган и евреев нередко обвиняли в похищение людей из числа национального большинства стран, в которых они проживали, с целью поедания или кровавого ритуала. Иногда такая клевета была неосознанной: из страха Другого, из мистических предубеждений и религиозной нетерпимости. Но в основном – продуманной и целенаправленной. Западный мир веками в ярких красках рисовал образ людоедской Африки, но вот что заявляет Александр Желтов, заведующий кафедрой африканистики СПбГУ: «В Африке нет людоедских племен – там не существует народов, для которых подобный обычай был бы институционализирован, то есть соответствовал бы местной традиционной культуре» [5]. Как вам это? На этом фоне представители нации, которые бравируют каннибальскими практиками, выглядят, мягко говоря, цивилизационными камикадзе. Ведь в конечном итоге авторы стоек «шаурмы из детей», «консервный лыцарь» Александр Грамарчук и троица владельцев «АТБ-Маркет» дружно участвуют в расчеловечивании не столько «москалей», сколько самих украинцев. Людоедский «креатиффчег» приводит к инфернализации всей нации, которая невольно оказалась втянутой в эту страшную игру. Упомя-

нутые лица являются в первую очередь предателями собственного народа, создавая из мирного украинца имидж кровожадного каннибала. Кому они так стараются услужить? Вероятно, таким образом они мечтают встать в один ряд с великими трансгуманистами? Так может, и начать стоит с того, чтобы, в лучших традициях трансгуманизма, поменять пол – по примеру создателей «Матрицы» братьев-сестер Вачовски? И наконец оставить свой народ в покое.

Украинцы в заложниках у каннибалов

В список необходимых «де-» жутко вставлять «де-каннибализацию» – ведь как минимум сперва нужно было бы признать сам факт ее существования.

Кто проживает в Одессе, те, наверное, в курсе, что в 2019 году во дворе Дома профсоюзов, где 2 мая были сожжены десятки человек, открылась шашлычная [6]. Здесь уже поздно говорить о совпадениях. Откровенное глумление над жертвами не продолжалось даже после их мученической смерти. Ранние христиане считали своих гонителей-римлян каннибалами как раз на том основании, что те карали смертью через сожжение [7]. Украина, невольно погрязшая в нечеловеческих, нехристианских практиках и ритуалах, заслужила лучшего, чем медленно тлеть в этом макабрическом аду, вытягивающем из нее душу и пьющем кровь ее собственных – не «москальских» – детей.

Примечания

[1]. Примером каннибализма, вызванного популяционной катастрофой, можно считать переход в Новой Зеландии племен маори на человеческое мясо, когда оказались истреблены все страусы Моа. Подобная ситуация привела к дефициту в рационе питания местного населения и, вероятнее всего, спровоцировала людоедство. Источник: Словарь терминов агрессии и насилия. https://vocabulary.ru/ termin/kannibalizm.html

[2]. Цитата из фильма Д. Зодчего «Замысел», 2019 https://www.youtube.com/watch?v=Fu6kqH4mvMk&vl=ru

[3]. «Сепар в сметане». Как «людоеды» борются за души жителей Донбасса. Украина.ру, 2020

https://ukraina.ru/exclusive/20200110/1026259233.html
[4]. Каннибализм в Океании. Сайт Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. https://mikluho-maclay.ru/kannibalizm-v-okeanii/
[5]. Официальный сайт СПбГУ
https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/izuchaya-afriku-my-mozhem-mnogoe-ponyat-i-pro-samih-sebya
[6]. В Одессе появилась шашлычная во дворе Дома профсоюзов, где погибли 42 человека https://focus.ua/ukraine/427805-v-odesse-poyavilas-shashlychnaya-vo-dvore-doma-profsoyuzov-gde-pogibli-42-cheloveka-
[7] Lindenbaum S. Thinking about Cannibalism
http://web.archive.org/web/20120111230113/http://www.lucina.ca/plresearch/Thinking%20about%20Cannibalism.pdf

ТОЧКА СБОРКИ РУССКОГО МИРА – ДОНБАСС

Наталья Макеева
nmakeeva2007@yandex.ru

С началом Специальной военной операции объединенных подразделений ВС России, ДНР и ЛНР мы оказались в другом измерении русской истории. Фантасты так долго упражнялись в фантазиях на эту тему, так много сочинили про иные измерения… Им многое открылось, но никому из них не смогло прийти в голову то, что произошло ранним утром 24 февраля 2022 года.

Это не стало шагом вперед и уж тем более – шагом назад. Наконец-то мы перестали топтаться на месте. Закончились «партнерские» игры с Западом и жуткий беспросветный «Минск». Мы смело ворвались в другое измерение, и теперь русское «Да!» звучит на весь мир, грохочет, берет города, берет целые области. Не просто возвращает территории! Возвращает свое место в мире. И мир при этом содрогается, постепенно смиряясь с нашим «Да!», с нашим «аз есмь!» Мы вернулись, и это – навсегда.

Но нам предстоит очень большая работа. В первую очередь – над собой. Как это ни странно, мы еще не все поняли о

происходящем. Уже несколько месяцев идет Спецоперация. Но была бы она, был бы наш фантастический русский прорыв без трагических, грозных, великих событий в Новороссии, без восьми лет кошмара, без жертвы Донбасса? Без его героев – живых и павших смертью храбрых, известных каждому и остающихся в тени? Без ребенка, складывающего, укрываясь от обстрелов в подвале, слово «Вечность» из гильз и осколков снарядов...

Даже дорога в Новороссию – нечто почти инициатическое, то, после чего трудно остаться прежним. Не важно, произойдет что-то внешне или нет. Пересечение границы с одной из республик – не просто бюрократическая процедура, долгая, утомительная. Это переход символической границы, за которой все по-другому, за которой ты сам – другой.

В масляном свете, под злобные визги на всех частотах, сквозь лукавую патоку пробок выбраться из больного тумана и провалиться в ночь. Перед рассветом сгущается тьма. Сны повторяют явь. Нужно приклеить на машину силуэт летучей мыши – он разгонит мелких, пришлых бесов, вечно норовящих проникнуть сквозь дребезжащий металл. Слышишь: кто-то бьется в стекло, несется по обочине, издавая звуки, пульсирующие на грани слышимости!

И этот яркий свет. Солнце, от которого некуда деться. И не надо. Ловить его глазами и шапкой, пить, запасать впрок в огромные расписные торбы.

– Где мы?

– Донецк.

– Так вроде ж в Луганск ехали... Изварино когда было?

– Да это ж наш Донецк.

– Ну, что наш, это ясно...

Бесконечная степь, терриконы – «Ростовские горы» – так называют их нелепые заморские карлики. Донбасские горы, внутри которых идет своя жизнь. Десятки лет внутри террикона порода горит жаром, уничтожающим все живое. Но внутри старого террикона может найтись что угодно. И возможно, тот самый Священный Грааль тоже здесь. Остался пустяк: отыскать того, кто сможет его найти. Чистого, а может, и наоборот, – страшного человека, который ударит палкой по пахнущей серой разноцветной горе и скажет: «Здесь!»

Ну а пока Новороссия – это неразгаданная тайна. И чем больше пытаешься вникнуть в ее суть, в ее смыслы, тем больше запутываешься. И невольно задаешься вопросом: а мне ли откроется? А пришло ли время... Новороссия – это вопросы без ответов.

И свет, очень много света. Здесь он имеет объем и вкус, он живой и иногда говорит. А под землей снуют бесчисленные твари – плотные и бесплотные. Любят, играют, поют, плачут, молятся, убивают, воют, хохочут, ходят по всем временам и мирам. Без них никому не выжить. Без них сердца людские покроются коркой и замолчат, превратившись в мясные моторы.

Строгая полная девушка с черной челкой в окошке выпускает гостей из Российской Федерации в Большую Россию. Русский мир – матрешка, вы разве не знали? За КПП – тоже Россия.

Выходит пограничник с внешностью ополченца. Внимательно смотрит в лица и документы. «А они точно достойны войти в Новороссию?» – читается в его глазах. «Похоже, достойны», – шепчет ему кто-то из глубины ближайшего терикона, и нам разрешают проехать. Страж порога вежливо исчезает.

Пролетаем сквозь Краснодон. Здесь от рук... нет, не СС или Гестапо, а местных отморозков – сторонников «цэЕвропы», страшной смертью погибла «Молодая гвардия». И вдруг становится до какой-то крайней очевидности понятно, что Россию спасет в конечном итоге такой же заговор детей. И не важно, победят ли они в конкретной временной точке, потому что Победа все равно будет за ними, этими детьми. И лишь немного – за нами.

Здесь люди, встречаясь и прощаясь, обнимают друг друга, соприкасаясь щеками. Здесь просто другая тактильность, и значит она – другое, нежели в вечно на что-то намекающей, лукавой Москве.

В Луганске на площади перед Русским драматическим театром стоит ставший знаменитым забор с надписью «Луганск – русский город». Зимой здесь сама себе поет о чем-то яркая высокая елка, а грустный ополченец с круглым лицом не хочет фотографироваться, потому что съемка крадет часть его души. «Ну, в таком случае все мы – давно бездушные»...

Идет Последняя битва, мир исчерпал себя, и эта исчерпанность глушит все на корню, и в том числе – творчество. Но если понять, зачем все, становится понятно, что´ должно быть сделано. И тогда мы и отвоюем, и построим, и родим, и напишем, и прочтем столько, что мало никому не покажется. Ради Русского мира, ради нашей Последней битвы.

Смысл и правда – ключевые слова. Без них не стоит ни о чем говорить, по крайней мере, именно здесь и именно сейчас. Стиль и фантазия – это прекрасно, это было, есть и будет, но когда через пару кварталов стоят развалины еще недавно целого дома, когда линия фронта в пятнадцати минутах езды на машине, – смысл не может идти от стиля, а правда – от фантазии. Стиль рождают смыслы, правда – фантазию. И только так!

Нам еще только предстоит раскрыть тайны этой земли. Раскрыть тайны души живущих здесь людей, те тайны, о которых они и сами в лучшем случае лишь догадываются, страдая, выживая, но оставаясь на своей земле. Фактически – страдая за всех нас, пока еще – россиян, пока еще – не достаточно русских.

Донбасс – это невероятно сложно. Здесь столько внешне противоречивого, что, кажется, уже не распутать, не расплести. Это и переплетения судеб, крови, семей, это и маршруты воинств, прошедших по Донбасской степи. Разбойники и герои, причем часто – это одни и те же люди. Скифские курганы, окаменевшие бабы, вопрошающие у терриконов тайны мироздания. Это и совсем странные, невербальные вещи, понять которые дневным сознанием невозможно в принципе. Но придется.

Мы просто обязаны сначала принять, что именно эта земля стала нашей точкой сборки, а потом – обязательно понять, почему, ведь все то же самое есть и во всей остальной Большой России. Все то же самое должно проснуться, и пробуждение это началось в Донбассе в 2014 году.

В Новороссии воздух, свет, земля, люди – все уже содержит в себе метафизику, наполненность, мистику, реализм, поэзию, прозу. «Здесь все по-другому, здесь даже воздух другой», – поет Юлия Чичерина и признается, что когда-то искала счастье в далеком Тибете, но не нашла. А нашла в Донбассе. «Я поняла – люди не знают, что такое счастье», – признается она.

Здесь источник вдохновения и откровений. Именно здесь происходит все. Здесь, а не в Москве с ее «пятыми» и «шестыми» колоннами. Сейчас точка сборки Русского Мира – Донбасс. Москва пусть пока подождет, разберется с собой, изгонит из себя бесов и снова станет русской столицей. Москве нужна дисциплина и строгий пост.

В 2014 году тысячи добровольцев, часто – бросая все, что было их жизнью, приезжали в Донбасс. Никто с уверенностью не скажет, сколько их было, сколько погибли, пропали без вести, были тяжело ранены…

С уверенность можно сказать одно – на тот момент это была война поэтов, вне зависимости от того, писали они стихи или нет. Именно поэты тонко чувствуют и реальность, и то, что за ней, то о чем невозможно сказать «языком фактов». Кто-то, конечно, мог сформулировать четко. «Русские здесь, вот и приехал», – так объяснил Моторола. Но всегда остается что-то, что невозможно облечь в слова. Что-то еще, невероятно тонкое, нить истории, еще не ставшая чем-то очевидным, паутинка, видимая не всеми. Та самая паутинка, которая в конечном итоге и выводит прямо сейчас, в эту минуту, русский народ из небытия в Историю.

Люди слова – в основном поэты – мгновенно распознали истинную суть войны за Новороссию. Именно поэтому весной 2014 года, без грантов и иных поощрений, сам по себе, как цветущая степь, вырос литературный процесс, который, конечно же, когда-нибудь изучат, опишут, каталогизируют, причешут биографии, составят монографии… И это будет хорошо и правильно. Но сейчас это – бьющий из народных недр творческий неукротимый родник, именно его никакие темные силы так и не смогли «слить» за все прошедшие восемь лет, он живой, он расцветает тысячами цветов, он кричит о боли и восторге, о победах и трагедиях, он кричит о любви, проснувшейся в русском народе, казалось бы, заснувшем тяжелым богатырским сном.

Квинтэссенцией этой любви и стал подъем, потрясший в 2014 году Русский Мир, 24 февраля вылившийся в Спецоперацию. Без 2014 года не было бы 2022-го. И это, конечно же, не фигура речи. Если бы после «майдана» не встал бы Донбасс, существование не то что Большой России, но даже

Российской Федерации на сегодняшний день было бы под большим знаком вопроса. Уже не говоря, что ни о каком возвращении нас в Историю речь бы просто не шла. Именно искра, вспыхнувшая той весной в краю терриконов, и стала катализатором необратимых процессов, благодаря которым мы вернулись и прокричали свое «Да!» бытия.

Именно отсюда, из Новороссии, пришло Событие, изменившее мир. Не только Русский.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Андрей Коробов-Латынцев
a.k-l@mail.ru

Философ испытывает профессиональный интерес к феномену войны. Чтобы понять эту фразу, которая многим людям, чуждым философии, покажется дикой, следует для начала понять онтологию войны. Войны случаются не просто так, не из одних лишь корыстных человеческих интересов или жажды крови и славы, хотя это все также имеет место на войне, ведь неслучайно Гераклит назвал ее отцом всех вещей. Но подлинная причина войны вовсе не в этом. Война как таковая существует в мире постольку, поскольку этот мир, наш земной грешный и онтологически ущербным мир, все еще сохраняет связь с миром идей. Эта фраза покажется еще более странной для человека, далекого от философии: как же так, мир идей – это ведь идеальный мир? Как же тогда связь нашего мира с миром идеальным может быть причиной войны? Отвечу. На самом деле идеальный мир, т.е. мир идей – это не мир идиллии, идеи не существуют в гармонии, идеи существуют в пространстве агона, вечного состязания. Идеи сталкиваются друг с другом, противоборствуют. В мире идей – вечная война. Эта война проецируется и на наш земной мир, ведь, как говорили отцы Церкви, что наверху, то и внизу – что на небесах, то и на земле. Поскольку мы все еще не потеряли связи с миром идей, постольку существует война.

Подчеркну: война существует потому, что существуют люди, имеющие связь с миром идей, т.е. имеющие свои идеи и готовые эти идеи отстаивать, воевать за них, умирать за них и – да – убивать за них, если придется. Человек, не имеющий никакой идеи, – о чем с ним воевать? Для него война всегда будет чем-то случайным, непонятным, у него не будет решительно никакого инструмента, чтобы осознать войну. Он будет всегда против войны, будет всегда прятаться от войны, поскольку у него не будет ничего, что нужно было бы защищать.

Опыт Донбасса хорошо проиллюстрировал это тезис: те люди, которые были равнодушны к идейному контексту противостояния, просто взяли и уехали из своих городов (в Россию, в Польшу, на Украину – без разницы куда), потому что им нечего было отстаивать. Ими двигал лишь животный инстинкт самосохранения, который ничем не отличает их от животного, которое также стремится сохранить себя самого и своих щенят. Но человек – не животное. У него помимо своей шкуры и своего потомства есть своя идентичность, своя культура, язык. И если они действительно его, т.е. если он действительно человек, то он не окажется от них по первому же требованию.

Так и поступили донбассовцы. Они могли бы ради сохранения существования отказаться от своей идентичности (от культуры, языка), но тогда они отказались бы и от жизни, променяв ее на существование. Они так не поступили, и вот уже восемь лет идет война, война за русскую речь, за великое русское слово, за русскую культуру, за русскую жизнь. Причем эта война сейчас пришла даже к тем, кто убежал от нее, отказавшись от своей идентичности и отказавшись от жизни взамен на существование.

Поэтому можно смело сказать, что война – судьба человека. Если он смел, он сам идет к ней навстречу, потому что не может иначе, ведь ему надо защитить себя, свой выбор, свои идентичность и своих близких. Если же он трус, то он бежит от войны, но война все равно нагонит его. Неудивительно, что такое тотальное явление как война интересовало и интересует философов всех времен и народов.

В войне сопрягаются ключевые для человека экзистенциалы, такие как судьба, свобода (выбор), смерть, любовь, Родина и др. Свободное избрание своей судьбы позволяет человеку с достоинством встретить смерть, ведь именно смерть всегда маячит на горизонтах любой судьбы. Можно бежать от нее, но встреча с ней неминуема. Практики античных философов-стоиков, выраженные в афоризме «мудрого судьба влечет, дурака тащит», особенно пригождаются на войне как топосе границы и риска (речь о тех самых пограничных ситуациях, о которых любят говорить экзистенциалисты). Именно в сопряжении свободы, судьбы и смерти дается еще одна возможность, а именно возможность встречи с Родиной. Отсюда уже выходим к следующей экзистенциальной возможности – возможности подвига, в том числе самого великого, а именно подвига смерти за Родину.

Без этих вещей, понятых не просто умом, но пережитых самим существом человека, человек как таковой просто немыслим, т.е. он не может состояться именно как человек. Для человекосозидающей функции философии война оказывается самым благодатным топосом. Парадоксальный этос войны, смыкающий любовь и смерть, свободу и судьбу, страх и мужество, нуждается в пристальном философском внимании. И если взглянуть на историю мировой философии, то мы увидим, что философы всегда уделяли должное внимание войне в этом смысле.

Обыкновенно вспоминают огненного эфесского философа – Гераклита, с его знаменитым фрагментом «Война – отец всех вещей»[1], но помимо Гераклита, который онтологизировал войну, можно припомнить и Сократа, который не только рассуждает о войне (в пересказе Платона), но и непосредственно принимает участие в сражениях (причем это был единственный раз, когда афинянин Сократ покинул свой родной город, именно по случаю войны). О философии войны Платона можно говорить долго. Скажу лишь, что философия войны у Платона является самостоятельной частью его философии, подобно этике, гносеологии или онтологии. Но Платон указывает

[1] Гераклит Эфесский. Все наследие. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 350 с. С. 187.

и на особое отношение философа к войне (противопоставляя, по своей традиции, философа софисту): «Что касается рода софистов, – говорит Сократ в платоновском диалоге, – я, разумеется, всегда считал его весьма искушенным в составлении разнообразных речей и в других прекрасных вещах, но из-за того, что эти софисты привыкли странствовать из города в город и нигде не заводят собственного дома, у меня есть подозрение, что им не под силу те дела и слова, которые свершили и сказали бы в обстоятельствах войны, сражений или переговоров как философы, так и государственные люди»[1]. Итак, философу «в обстоятельствах войны» принадлежит не только особое слово, но и особое дело. Этим особым философским делом может быть и осмысление войны (от интерпретации войны зависит и ее исход, и послевоенное устройство), и непосредственное соучастие в войне (по примеру того же Сократа. Или по примеру ученика Сократа Ксенофонта, который не просто принимал участие в военных действиях, но командовал целым войском[2]).

Профессиональный интерес и экзистенциальная тяга философов к войне проявилась уже в античное время. Затем можно привести примеру из прочих эпох – скажем, из философии европейской. Однако мы обратимся к русской философской традиции. России на протяжение всего своего исторического существования приходилось много воевать, при этом ни нашу психологию, ни нашу этику нельзя назвать воинственными. Это очень интересная особенность нашего русского бытия: постоянное воевание при абсолютной миролюбивости.

Действительно, философия войны, создаваемая русскими мыслителями, далека от апологии войны. Реакция русских философов на войну – это реакция неоднозначная, в которой встречается и стоический фатализм как свободное принятие своей судьбы, и подлинный пацифизм, и переживание за судьбу России, и стремление осмыслить

[1] Платон. Тимей. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/27timei.htm (дата обращения: 12.12.2019).

[2] Ксенофонт. Анабасис Греческая история. Москва: Издательство АСТ: Ладомир, 2013. 640 с.

столкновение мировых антагонистичных начал, как это делал Владимир Эрн в своей книге «Борьба за Логос».

В. Ф. Эрн писал о том, что в истории враждуют два начала – Логос и Рацио, которые воплощаются в двух интеллектуальных традициях – логизме и рационализме (соответственно Россия и Запад), и конфликт между двумя этими началами в конечном итоге может быть разрешен только в схватке двух противоположных начал[1]. Как видим, мышление Эрна полагает войну как разрешение споров не только политических или геополитических, но, прежде всего, духовно-интеллектуальных, и даже не споров, но самого главного Спора. Коллеги Эрна по философскому цеху все очень живо откликнулись на Первую мировую войну; те, кто дожил – на Вторую. Весь XIX век русская философская мысль была немало занята войной и как событием в духовно-интеллектуальной области, и как конкретным событием в нашей общественной жизни. Русские философы мыслили о войне, воевали, собирали деньги для народного ополчения (как сейчас бы сказали – финансировали сепаратистов).

Николай Бердяев, например, откликнулся на Мировую войну целой автоматной очередью статей, в которых в контексте войны затрагивал самые разные темы: народную психологию, польский вопрос, судьбу славянофильства и взаимосвязь между принятием или непринятием войны с верой в бессмертие души и т. д. Бердяевские статьи военного времени затем были объединены в сборник «Футуризм на войне». К теме войны Бердяев затем будет обращаться и в других своих работах, например, в знаменитой книге «Философия неравенства», но для нас представляет интерес именно статьи военных лет как непосредственная философская реакция на событие войны.

С началом СВО многие мои коллеги по прошлой университетской жизни начали пенять на войну, которая якобы не дает им мыслить. Отчего-то они решили вдруг что «во время войны невозможно мыслить», война этому мешает. Это поистине удивительное признание. Платону Пелопонесская война, которая пришлась на его детство и юность,

[1] Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Издательство Правда, 1991.

не мешала мыслить. И Сократу не мешала. Не мешала она ни Фихте, ни Ницше, ни Юнгеру, ни Хайдеггеру с Виттгенштейном, не мешала ни отцу Павлу Флоренскому, ни Федору Степуну (которые непосредственно находились на фронте, кстати, один как лекарь и полковой священник[1], другой как прапорщик-артиллерист[2]), но нашим современным изнеженным коллегам отчего-то мешает.

На мой взгляд, дело в подмене понятий (а заодно и научных степеней), потому что многие, кто сегодня называется философом, в действительно является историком философии: он может прекрасно ориентироваться в истории философии, однако самого философского логоса в нем нет, дух философский в нем не дышит, поэтому он не способен на те самые особые слова и дела в обстоятельствах войны, о которых говорил Платон. Степень кандидата философских наук этим людям следовало бы сменить на кандидата наук исторических. Ничего постыдного в этом нет – должны быть знатоки истории философии, просто не надо путать их с собственно философами. Все-таки философ – это особый онтологический и этический статус человека. Философия призывает к пределу, к предельному риску осмыслить мир в его границах. Если же учитывать, что ничто в мире (а тем более сам мир) не желает быть осмысленным в своем пределе, становится понятным, почему философ как персонаж в культуре всегда вызывал неосознанное отторжение как человек, который указывает на проблемность, необеспеченность нашего бытия, иными словами – как тот, кто производит проблемы, в то время как от него все ждут решения проблем.

Философ постулирует неизбежность войны. Пока существуют идеи и пока мы сохраняем связь с миром идей, нам придется воевать. Прощание с миром идей в перспективе обеспечит нам спокойное существование «последних людей». Другой вариант – окончательная победа одной идеи с

[1] Флоренский, свщ. Павел. В санитарном поезде Черниговского дворянства // Новый мир. 1997, № 5.

[2] *Степун Ф. А. (Лугин Н.)*. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. С

последующим «концом истории», при котором будет доминировать одна идея и господство его будет безраздельным: «только либерализм, только капитализм, только хардкор», а если вы все еще против, то мы летим к вам – с «гуманитарными бомбардировками», как в Сербии в 1999 году…

Собственно, те люди, которые выступают сегодня «против войны», просто не имеют ни умственной смелости («интеллектуальной совести», как называл это Ницше), ни необходимого философского инструментария. Они живут в виртуальном мире «конца истории», описанным Ф. Фукуямой. В это «матрице» никто никогда не даст им инструментов для понимания происходящего, в частности для понимания СВО. Поскольку в этой «матрице» уже нет идей – в том смысле, что есть лишь одна, окончательно победившая идея, тотальный диктат которой в нашем земном мире разрывает связь человека с миром идей. Человек замыкается в той самой платоновской пещере, и ему нужен проводник, чтобы выбраться оттуда – к свету солнца (у Платона – идея идей, или идея Блага), в котором можно видеть реальность как таковую. Но люди не готовы к реальности, ворвавшейся в мир вместе с СВО, и поэтому агрессивно и истерично отрицают ее, ведь их счастье в неведении. Самая главная проблема всех тех, кто кричит лозунг «нет войне» (переводящийся на философский язык как «нет идеям») состоит в том, что эти люди просто оказались не готовы к реальности…

В 1915 году С. Н. Булгаков читает лекцию «Война и русское самосознание», в которой проговаривает все вышеизложенное. Главный посыл лекции – война дает откровение смерти. Откровение же смерти позволяет состояться духовному освобождению, воскресению. «…Пусть странно, – говорит философ, – а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над міром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. … Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. … У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услыхать ее открове-

ния, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами"[1]. Война, по Булгакову, возвращает Смерть в поле человеческого существования, а вместе со смертью возвращает и подлинную реальность, в которой возможны любовь, жертва, мысль, подвиг и т.д. Источник смерти, вызыватель Смерти, призыватель ее в мир, потонувший в мещанстве и позабывший о Смерти, война парадоксальным образом является благодетелем человечества, утверждает Булгаков.

Война, пишет Булгаков, предстает как катастрофа, она меняет все, и мещанское сознание разрушается войной, потому что оно планирует жизнь, а война и смерть могут сорвать все планы в одно мгновение. Война и смерть проверяют земные ценности, утверждает философ. В сходном духе Владимир Эрн называл войну «большим экзаменом»[2].

Сегодня мы в очередной раз сдаем этот страшный экзамен. Как народ, как граждане, как люди. Как философы. И как это всегда бывает – кто-то готовился к нему, а кто-то занимался посторонними и ненужными делами.

В заключение приведу цитату Н. А. Бердяева из статьи 1915 года «О духе уныния»: «Последние истины, – пишет философ, – всегда приоткрываются в повышенных, а не в пониженных восприятиях жизни, в активных восприятиях, вносящих смысл и свет. Для духа подавленного тайны жизни бывают закрыты – они открываются лишь подъему духа. И я верю непреложно, что настоящую правду о войне знают лишь натуры героические. Война должна быть воспринята творчески-духовно. Само восприятие войны есть делание, активность духа»[3].

Именно такое творчески-духовное восприятие происходящего сегодня необходимо, чтобы понять происходящее и действовать. Примеры такого творчески-духовное восприятия войны явили нам русские философы рубежа веков. Имеет смысл у них поучиться.

---

[1] Сергий Булгаков, Война и русское самосознание – М., 1915. С. 23.

[2] Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Лекция вторая // Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Издательство «Правда», 1991.

[3] Бердяев Н.А. Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). – М.: Канон+, 2004. С. 159.

РАЗДЕЛ 2.

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ

«ПОТЯНУЛИСЬ ПУШКИ ЧЕРЕЗ КРАСНОДОН»

Елена Заславская
zaslavskaja@gmail.com

Образ Родины в военной лирике Александра Сигиды-отца и Александра Сигиды-сына

Вопрос о том, что такое Родина, поставил в своем стихотворении известный советский поэт Михаил Матусовский, родившийся в Луганске и служивший военным корреспондентом в годы Великой Отечественной войны.

Как же отвечают на этот вопрос современные донбасские авторы в условиях новой войны, идущей с 2014 года в Донбассе? Рассмотрим образ Родины в произведениях поэтов, отца и сына, Александра Ивановича Сигиды и Александра Александровича Сигиды.

В русской культуре сильны две тенденции конструирования образа Родины. Одна из них – это географическая конкретность, привязка к реальному месту, индивидуализация образа России в отдельном городе, пейзаже, ландшафте. Вторая тенденция заключается в стремлении найти иные элементы образа Родины, помимо географической реальности.

Два поэта, которых мы рассматриваем, являются представителями этих двух тенденций.

Александр Иванович Сигида-отец (1963 г.р.) – поэт, публицист, член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального Союза Писателей. Автор 12 книг поэзии.

Печатался в альманахах творческого объединения СТАН и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», антологии «15 веков русской поэзии», сборниках, посвященных войне в Донбассе: «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса», в журналах «Молодая гвардия» «Родная Ладога», «Невский

альманах», «Александръ», «Петровский мост» и других. Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского и «Молодой гвардии»; лауреат международных фестивалей поэзии; основатель творческого объединения СТАН (Луганск). Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», Республиканского фестиваля «Муза Новороссии» (2014-2020).

Александр Сигида-отец – руководитель проекта «Территория слова». Литературный альманах «Территория слова» выходит в Краснодоне (ЛНР) с января 2016 года. На страницах журнала публикуется гражданская поэзия, проза, публицистика, посвященная военным событиям в Донбассе. В числе авторов альманаха «Территория слова. Славяносербия» – писатели ЛНР, ДНР, РФ и Сербии. Живет в поселке Атамановка в Луганской Народной Республике.

В 2018 году в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Александра Сигиды «Легенда к карте».

Сигида-отец пишет: «Надо показать человеку (и – прежде всего – ребенку), самые «простые» вещи – откуда берется хлеб (пища), как строится дома, как растет дерево – «с чего начинается Родина»)».

Его Родина очень конкретна. Большая часть его военных стихов из книги «Легенда к карте» привязана к конкретным локусам к конкретным временным точкам на донбасской карте.

В стихотворении «5 июля 2014» читаем:

лица соседей суровы – тут по-другому нельзя;
(дети, родители, вдовы, да ополченцы-друзья.)
слезы смахнули подруги – нервы запели струной;
«за боевые заслуги перед родной стороной»

А вот стих, который называется «6 июля 2014»:

это не игрушки и давно не сон…
(потянулись пушки через Краснодон)
душу рвет на части евро-гуманист.
(обстреляли Счастье – прут на Металлист)

В стихотворении «Братские могилы» поэт задается вопросом:

бомбовоз уводят на второй заход
на Донбасс вернулся сорок первый год?

Стих «17 июля 2014»:

современные зомби над лугами парят,
прямо в купол часовни направляя снаряд.

Стих «По словам очевидца»:

нет ни Варяга, ни Грека
Ялта убит разрывной
(чтобы достать человека,
нужен тебе позывной?)

И все-таки поэт настроен оптимистически:

будем рыть землянки и стараться жить –
миром в Атаманке надо дорожить.

Александр Александрович Сигида-сын (1986 г.р.) – поэт, переводчик с французского и испанского, член Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в семье поэта и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. Сигида-сын в совершенстве владеет французским, испанским, английским, немецким языками. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилев, Честертон, Киплинг.

Сигида-сын является лауреатом литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (Москва, 2015); обладатель серебряной

медали Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Алушта, 2016); участник III совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский и семинара военных авторов в Москве (Переделкино). Участник фестивалей «Большой Донбасс», «Муза Новороссии». Печатался в журналах «Роман-газета», «Александръ», альманахе «Территория слова».

В 2014 году Сигида-сын принял активное участие в народно-освободительном движении Донбасса: участвовал в военных действиях в рядах ополчения в батальоне «Оплот». Проходил службу в ДНР как минометчик (2015-2016), затем служил в спецназе (2017-2018), в танковом батальоне отдельной мотострелковой бригаде имени Ворошилова, в настоящее время в 2022 году служит в армии ДНР.

В 2019 году в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Сигиды-сына «Орфография ненависти».

Сигида-сын в своей военной лирике описывает Донбасс как часть разнообразных культурных миров: античного, библейского, европейского, американского. Он вписывает Донбасс в мировой культурный контекст.

В стихотворении «Стены Илиона» читатель погружается в атмосферу античной культуры, прародительницы всех европейских культур, повлиявшей также на русскую культуру после крещения Руси Византии.

У них разведки были, заграждения,
Траншеи, патрули, ночные бдения,
Военный аналитик звался Нестор,
А вся война из-за одной невесты.

Конфликт на Донбассе в этом стихотворении расписан по модели троянской войны.

В стихотворении «1916» описаны добровольцы Первой Мировой войны, которые пошли на войну *«с богом в душе и винтовкой в руке»*. Таким образом, события современной войны в Донбассе моделируются по образцу сражений первой мировой: *«Мы желали погибели гуннам»* (гуннами тогда называли немцев).

В стихотворении «Герои Лотреамона» лирический герой признается, что *«Не раз от Седово и до Краснодона бывал я с героями Лотреамона»*. Лотреамон (Изидор Дюкасс) – французский романтик XIX, предтеча символизма и сюрреализма. Работал в направлении темного романтизма, соответствующем готицизму в широком смысле.

Блистали зарницы на небе Донбасса,
и я шел путем Исидора Дюкасса.

События войны Украины с Донбассом поэт описывает в эстетике французских декадентов, и таким образом вписывает военные действия в Донбассе в общеевропейский контекст конца XIX века.

В стихотворении «Эшли ЛИЯ» присутствует отсылка к конкретному локусу в Луганске – Лицею иностранных языков. В стихотворении описано, как лирический герой и его одноклассники ставят пьесу по роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», и все персонажи воплощаются в конкретных жителях Луганска. Автор идентифицирует себя с Эшли, мятежным сепаратистом, членом «Ку-клус-клана», стойкость жителей Донбасса в борьбе сравнивается с поведением южанина-сепаратиста:

Он пепел стряхнет, улыбнется
В рыжую ирландскую бороду,
И снова готов
К картофельному голоду,
Гражданской войне,
Работе на лесопилке,
Расставанию со Скарлетт.

В одном из финальных стихотворений «Люди икс» автор описывает донбасские реалии – шахты, проходчиков – в терминах американской массовой культуры как персонажей голливудских блокбастеров. В то же время он соединяет эти два культурных пространства с античными и библейскими образами:

Они черны, как люди Икс
И не отмыть частицы сажи
Они качают воду в Стикс
Из черных, сатанинских скважин.

В отличие от отца Сигида-сын рассматривает реалии не от земли, от конкретной местности, а извне, с позиций мировой культуры. Изображение Александром Сигидой-сыном своей творческой миссии совпадает с творческим вектором проклятых поэтов, разрушителей европейской классической культуры, маргиналов, которые философствуют молотом:

Он собирал стихи и прозу
Индустриального некроза;
И все-таки в тротил
Он тексты превратил.

Сигида-отец пишет: «В XXI веке, благодаря компьютеризации и интернету, человечество совершило настоящий мультикультурный скачок (подобный изобретению книгопечатания), способный объединить всех людей доброй воли. Но суровая правда войны не дает забыть, что рождение нового – это всегда «кровь, пот и слезы», это тысячи и тысячи смертей во имя торжества идей Воли и Труда. «Новороссийская литература» («неолит») – это литература Победы. Все только начинается!»

Итак, оба донбасских поэта, хотя представляют разные тенденции в поэтической традиции изображения Родины, осмысляют на самом деле единый образ, одно и то же культурное пространство. Это пространство – русский Донбасс, который изображается не только как земля Воли и Труда, но и как часть универсума мировой культуры.

РОКЕР-ПРОМЕТЕЙ ПРОТИВ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЗЛА В «ПЕСНЕ ПРО СОВЕТСКУЮ МИЛИЦИЮ» ВЕНИ ДРКИНА

Нина Ищенко
ninaofter@yandex.ru

Процесс включения культуры Донбасса в русское культурное и литературное пространство, активно идущий с 2014 года, делает особенно актуальным изучение литературы Донбасса, выражающей общие с Россией культурные коды, проявляющие общую культурную идентичность. Одним из поэтов Луганщины, известным далеко за пределами ЛНР, на всем постсоветском пространстве, где поют на русском языке, является Александр Литвинов (известный под псевдонимами Дрантя, Веня Дркин). Актуализацию поэтики русской народной сказки в культурно-исторической ситуации общественных трансформаций конца XX века рассмотрим на примере «Песни про советскую милицию», колыбельной, пародирующей русские народные сказки.

Актуальность выбранной темы для сегодняшнего дня усиливается тем, что в Луганске, в Академии Матусовского в последние годы жизни работал преподавателем кафедры кино-. телеискусства Олег Владимирович Ивашов (1965–2021), упоминаемый в песне, в припеве колыбельной:

Баиньки-д-баиньки, дурак!
Не спи, мой маленький!
Постучится мусорок,
Скажет: «Я от Ивашова».
А ты добрый и счастливый
И не свяжешь слова.
И затащит в воронок,
Страшный, злой и кровожадный,
Скажет: «Вот тебе за сырок,
Вот за «Перекресток»...»

Итак, рассмотрим лингвостилистические особенности пародии «Песня про советскую милицию» Вени Дркина и проследим литературный диалог в ситуации социокультурной трансформации.

Веня Дркин (1970–1999) – поэт, музыкант, бард, рокер, руководитель рок-групп. Родился в поселке Должанский (ныне на территории ЛНР), похоронен в Свердловске (ЛНР). Литвинов жил в разных городах СССР и Донбасса, последние годы его жизни прошли в Луганске [3, с. 235–240]. Стиль творчества Вени определяется как бард-рок или пост-бард. В его работах соединяются различные музыкальные направления, характерные для конца 1980 – 1990-х гг. Подавляющее большинство записей, кроме «Крышкин дом», «Все будет хорошо» и нескольких бутлегов, вышли после смерти Дркина на лейбле «ДрДом».

Песня «Про советскую милицию» написана в 1995 году, в период творческого расцвета поэта [4]. Песня популярна до сих пор. Так, только на хостинге youtube можно найти каверы песни в исполнении Павла Фахртдинова (2013) [9], Александра Морозова (2018) [1], DackFax (2018) [2] и других исполнителей. Популярность этой песни, на наш взгляд, объясняется тем, что она является пародийным произведением, вовлекающим советскую и фольклорную русскую культуру в межкультурный диалог с советским андеграундом.

Литературный диалог является основной целью пародийного произведения. Как замечает в своей докторской диссертации И. Г. Лушникова «языковая игра, используемая литературной пародией, служит способом ведения литературного диалога (в свойственной пародии комической форме) между культурами прошлого и настоящего, между представителями разных литературных направлений, разных социально-политических взглядов» [7, с. 11]. По мнению исследователя, «пародия представляет собой когнитивную метафору пародируемого объекта в том смысле, что она преобразует, трансформирует прототекст, репрезентируя его ведущие черты в критически-комическом свете. Пародия дает новый взгляд, новое видение пародируемого

текста, она подразумевает сравнение пародирующего и пародируемого, в результате которого создается комический образ прототекста» [7, с. 10].

Ситуация межкультурного диалога разных эпох и поколений, моделируемая художественными средствами в русской литературе конца XX века, отличается полипарадигматичностью. Как показывает П. А. Ковалев, полипарадигматичность современной литературы постмодерна проявляется в попытках деконструкции классической модели поэтического текста и особенно характерна для смены культурных эпох [6, с. 38–39].

«Песня про советскую милицию» в высшей степени полипарадигматична. В ней создается художественное пространство, объединяющее как минимум пять парадигм: советскую, фольклорную, библейскую, античную, рок-музыкальную, задействуя несколько прототекстов.

В «Песне про советскую милицию» присутствуют пять прототекстов, которые поэт вовлекает в межкультурный диалог с рок-андеграундом: фольклорная песня, советская песня, народная сказка, библейский текст, античный миф о Прометее. Само произведение построено как русская народная колыбельная песня. Начало песни прямо отсылает к темам советской культуры, к прославлению человека труда. Кроме того, в тексте задействованы образы русского фольклора, персонажи народных сказок – Кощей Бессмертный, Баба Яга, Змей Горыныч, Иванушка. В песне также упоминается Адам, причем в контексте рождения главного героя, что делает его появление структурно и семантически значимым. И наконец, все эти парадигмы объединены и обработаны с использованием тем современного автору рок-андеграундного движения: столкновения с милицией, запрещенная музыка, передача друг другу запрещенных записей, подпольные рок-фестивали. Рассмотрим ближе динамику этих прототекстов.

«Песня про советскую милицию» по форме – колыбельная. Она поется на мотив колыбельной и использует традиционный припев «баиньки, баиньки». Однако уже на этом уровне можно заметить пародийную постмодернистскую

игру с текстом: в припеве после «баиньки, баиньки» идет резкий выкрик «Дурак! Не спи, мой маленький!». Традиционная форма колыбельной взламывается новым содержанием. Объяснение того, почему нельзя спать, раскрывается в каждом куплете песни. Смысл конфликта заключается в том, что адресат песни, которого она должна убаюкать, существует в пространстве противоборства рок-андеграунда, дающего музыкальную и исполнительскую форму песне, и советской милиции, которой и посвящена песня.

Песня начинается как произведение советской музыкальной культуры:

Много песен о шахтерах было сложено,
Много песен о монтажниках-высотниках.
А про нашу про советскую милицию
Кроме этой песни верной ни одной...

Важное место в советской культуре занимало прославление человека труда, в этой парадигме написаны такие песни, как «Спят курганы темные» о шахтерах, «Не кочегары мы, не плотники» о монтажниках-высотниках, к которым отсылает зачин песни. Характерно, что обе песни относятся к раннему периоду развития советской культуры, к эпохе так называемого сталинского ампира, когда новая монументальность строилась на создании образа человека труда – наследника титанов и Прометея, несущего огонь творчество в созидательном труде. К концу советского периода эти образы были давно дискредитированы и безнадежно устарели, хотя и входили в обязательную часть официальной советской культуры. Песня, которая по логике создания образа человека труда, должна возвеличить еще одного представителя трудового народа – милиционера, оказывается резкой сатирой, деконструирующей свой объект. Таким образом автор показывает внутреннюю пустоту поздней советской культуры, идейную систему, в которую не верят даже те, кто ее насаждает с помощью героя – советского милиционера.

Главный герой изображается средствами народной сказки. Время сказки – длящееся, несовершенное прошедшее время, хотя обычные для сказки глагольные формы грамматически ставятся в прошедшем совершенном [8, с. 92]. Это сказочное время резко отделено от настоящего времени, в нем происходят события, в образной форме описывающие смысл бытия, а не просто ряд событий, в которых может принять участие читатель. Время песни также является временем мифопоэтическим, автор приводит нас к началу времен, к той сакральной точке, из которой начинает разворачиваться любая частная человеческая история. Мы попадаем в точку начала любой сказки, сказки как таковой, что подчеркивается отсылкой к сказочным персонажам. В русских народных сказках Змей Горыныч, Царь Кощей, Баба Яга – это ужасные монстры, силы зла, представители мира мертвых, с которым должен сражаться главный герой. Но в песне Дркина эти же персонажи предстают малыми детьми:

Когда Баба-Яга была девочкой,
Чудо-Юдо еще было маленьким,
Змей-Горыныч был птенчиком немощным,
Царь Кащей был мальчиком-паинькой…

Автор создает образ такого давнего времени, которое не зафиксировано и в сказках, это точка подлинного начала. В этой точке присутствует топографическая локация, где и появляется на свет главный герой:

На болоте что у озера Тихого,
Народился на заре добрый молодец.

Текстовая парадигма народной песни и русской народной сказки настраивает читателя на восприятие добра молодца в контексте русской сказки, как богатыря и героя, побеждающего чудовищ, однако в этой точке сюжет резко ломается, фольклорный сюжет сменяется сатирой:

На болоте что у озера Тихого,
Народился на заре добрый молодец,

У Адама и инспектора Тихона,
И прозвали его Васька-омоновец.

Здесь в полной мере реализован эффект обманутых читательских ожиданий: вместо героя – борца со злом, в начале времен появляется какое-то чудовищное противоестественное порождение. Упоминание в этом контексте Адама отсылает нас к библейской истории, образ первого человека Адама подчеркивает, что перед нами мифологическая история, рассказывающая о начале не только времени, но и человека как такового, и вот в этом начале стоит Васька-омоновец.

Пародия сказочного прототекста продолжается, набирая силу, вовлекая все новые элементы в страшный сюжет:

Он лишил Ягу невинности девичьей,
Он Горынычу срубил буйны головы,
Он Иванушку повесил на фенечках,
И смотрел, как его кушают вороны.
А Кащею он яичко иголками
Истыкал, а после вовсе кастрировал.
А потом яйцо засовывал в уточку,
А ее потом засовывал в зайчика.

Если герой сказок, чудесно родившийся богатырь борется со злом, то герой «Песни про советскую милицию» наполняет этот сюжет совершенно противоположным содержанием. Он тоже борется с Бабой Ягой, Змеем Горынычем и Кащеем Бессмертным, но его действия приводят не к восстановлению природной гармонии, которую в сказках нарушают персонажи-чудовища из другого мира, а к нарушению существующего нормального порядка вещей. Герой не побеждает зло, он насилует, кастрирует, срубает головы. Финалом этой античеловеческой деятельности становится история с Кощеевым яйцом – известная с детства сказка о Кащеевой смерти (игла в яйце, яйцо в ларце, ларец в утке, утка в зайце) становится историей об извращенном издевательстве над человеком, природой и сутью вещей.

В этом куплете встречается единственная в песне отсылка к античной мифологии – к истории Прометея. Прометей, титан, похитивший огонь для людей, является знаковым персонажем как в европейской истории Нового времени, так и в советской культуре. Первым автором, истолковавшим миф о Прометее в духе утверждения человека полиса, свободного гражданина, был Эсхил [10, с. 134].

В классической античности и эпоху буржуазных революций этос гражданина, связанный с образом Прометея, мотивировал активность рядовых граждан в реальной политической жизни. «Начиная с Ренессанса образ Прометея все более связывался с идеей человеческого прогресса. Он стал символом культуры, созидательных сил человечества, а похищение огня – символом веры в человеческий разум, науку, будущее. Примером может служить драма Кальдерона «Прометей». Классицизм, Просвещение и Романтизм привнесли в этот образ богоборческие и антирелигиозные мотивы («Пандора» Вольтера, К. Маркс), темы борьбы с тиранией религиозных и светских властей. Прометей стал символом мятежного духа, вмещающего целый спектр чувств от гнева и ненависти к тиранам до любви к свободе, правде, справедливости, равенству, братству. У романтиков (Шиллера, Байрона, Гете, А. В. Шлегеля, В. Мюллера) этот образ стал олицетворением духа революционной борьбы с тиранией, наполнился смысловым многообразием и разной идеологической окраской – от либеральной до социалистической. Последнюю воплотил П. Шелли в лирической драме «Освобожденный Прометей», где под освобождением Прометея подразумевалось будущее раскрепощение человечества» [10, с. 137–138].

В этом контексте образ Прометея был воспринят и советской культурой. Прометей становится символом нового человека, нового состояния человечества, которое возникнет как результат осмысленного творческого труда каждого члена общества. Творческий труд шахтера и монтажника, а не только представителя творческой

профессии, музыканта и поэта – это отблеск огня Прометея, как он трактовался советской культурой.

В «Песне про советскую милицию» главный герой народных сказок – Иванушка – становится протагонистом мифа о Прометее. История Прометея заканчивается тем, что непокорного титана Зевс велит приковать к скале, и наблюдает, как орел каждый день клюет его печень. В «Песне...» роль Зевса, неправого тирана, властителя бесчеловечного анти-космоса, играет советский милиционер Васька-омоновец, который «Иванушку повесил на фенечках, и смотрел, как его кушают вороны», принимая классическую позу Зевса, наблюдающего за мучениями своего врага.

В этом конфликте Иванушки-Прометея и Васьки-Зевса воспроизводится в новой социокультурной ситуации позднего советского времени парадигматический для советской культуры сюжет о Прометее-тираноборце. Сюжет инвертирован: в роли борца за творческую свободу выступает рокер, представитель андеграундной культуры, на идентичность которого указывает фенечка, атрибут рокеров того времени. В роли же тирана выступает советский милиционер, человек, который в согласии с официальной культурой, должен защищать и поддерживать прометеевские порывы в стране победившего социализма, но на деле является их гонителем. Реалии времени отразились в этом сюжете, революционная форма официальной риторики включает противное творчеству и борьбе содержание, выдвигая милицию как репрессивный аппарат, уничтожающий Прометеев современности.

Рассмотренные прототексты вовлекаются в диалог культур с современным рок-андеграундом. В припевах даются реалии настоящего, с которым мифическое время сказки связано фигурой главного героя-антигероя. Противостояние в начале времен продолжается и сейчас, наследуя мифический первообразец. Иванушка-Прометей – это современные рокеры, которые противостоят пустой внутри официальной культуре, защищаемой антигероем, советским

милиционером, перевернувшим мировой порядок и уничтожившим не только сказочных героев, но и современных поэтов и музыкантов. Именно в этом слое текста мы встречаем имя Олега Ивашова, яркого представителя луганского андеграунда позднесоветской эпохи.

После ухода Олега Ивашова в 2021 года его сотрудница поэт, журналист Елена Заславская написала о нем статью, используя материалы открытых источников и личные воспоминания людей, знавших Ивашова. В дальнейшем изложении использованы данные этой статьи.

«Олег Владимирович Ивашов, выпускник ВГИКа, с 2005 года работал в Академии Матусовского, преподавал на кафедрах кино, -телеискусства, рекламы и PR-технологий, художественной анимации. Вел постоянную рубрику в газете «Камертон» «Кино с Олегом Ивашовым».

…С Академией Матусовского Ивашова связывает еще одно событие. Именно здесь 2 мая 1988 года на сцене ДК Маяковского (теперь главный корпус Академии Матусовского) состоялось первое выступление рок-группы «Вороны клюют твои посевы, Джузеппе!» («ВКТП,Д!»). Как писала «Наша газета» в 2011 году, «это был первый рок-концерт в Ворошиловграде с участием местных исполнителей: «Президиум», «Конкуренты», «Тяжелый молот» и «Вороны клюют твои посевы, Джузеппе!» «С 1988-2011 год Олег Ивашов был креативным продюсером и автором текстов группы «ВКТП, Д!».

Предыстория появления команды начинается в 1977 году, когда друзья-пятиклассники Игорь Орцев и Олег Ивашов решили создать свой коллектив. Эта дружба и стала основой для создания в 1988 году рок-группы «Вороны клюют твои посевы, Джузеппе!». Названием группы послужил испанский радиопароль отрядов кубинских партизан во время революции под предводительством братьев Кастро и Эрнесто Че Гевара.

В 1989 году появился их первый альбом, записанный на магнитофонную ленту. Именно благодаря ему о группе узнал весь СССР. Главный рок-идеолог страны Сева Новгородцев услышал эту запись. В одной из своих радиопередач

«Рок-посевы», которую транслировало лондонское отделение русской службы «БиБиСи» на СССР, он рассказывает о талантливой группе из далекого Ворошиловграда. После этой радиопередачи интерес к коллективу вырастает до всесоюзных рамок. В 1991 году группа прекратила свое существование. Вновь воссоединились музыканты через много лет – в 2008 году.

Ивашов не только продюсировал и писал тексты для «ВКТП, Д!» он был организатором первых рок-фестивалей в Луганске: «Глюки-буги», «Треш-мания». Может быть, поэтому его называют отцом луганского андеграунда» [5].

По воспоминаниям Игоря Орцева, ровесника Ивашова, музыканта и рокера, которые приводит Елена Заславская, «Олег стал как бы главным парнем по всем делам, что касались неофициального творчества луганской молодежи – того самого андеграунда. Ни одно событие не обходилось без его участия. Он стал посланником Луганска в большой мир, тогда еще советского, андеграунда. Мотался по всем фестивалям, таскал других, налаживал контакты… О его «Листве» говорил Сева Новгородцев – прямо из Лондона. Он дружил с Юрием Шевчуком, был знаком с другими отечественными звездами рок-н-ролла, от упоминания имен которых захватывало дух. Наверное, Олег стал «отцом луганского андеграунда» потому, что действительно болел творчеством во всех его проявлениях, причем с того самого момента, когда включал и включал подряд нам песню «Стрижи».

Еще раз хочу подчеркнуть, что Олег в жизни занимался только тем, что ему было по душе. При этом, он обладал исключительной способностью, талантом научиться чему угодно. Ему давалось все легко. В его голове скопился такой огромный багаж знаний, что многим и не снился. Я хорошо знал его семью – мама, батя, бабушка – честные, простые, замечательные, люди, но в духовном развитии Олега они не принимали никакого участия, приоритеты были совсем другие. И если сегодня об Ивашове вспоминают как об интеллектуале, то стоит отметить, что это исключи-

тельно его заслуга. Он легко поступил во Львовский университет на факультет журналистики, но также легко и бросил, поняв, что ему это не интересно. Работал простым рабочим сцены в Луганском драмтеатре, потому что эта среда была наиболее соответствующей его духовным запросам. Потом легко поступил во ВГИК… Уехал из Луганска, начинался новый этап жизни в Москве – без андеграунда, который постепенно вышел из подполья и как-то рассосался… Очередной крутой поворот в жизни Олега наступил внезапно, когда он приехал в Луганск погостить на несколько дней, а остался до конца своей жизни… Надеюсь, пройдет время, и Луганск обязательно оценит вклад этого человека в культурное развитие города – дело ведь не только в андеграунде…» [5].

Жизнь и творчество Олега Ивашова позволяет нам вживую увидеть ту социокультурную ситуацию смены эпох, в которой жил и творил Веня Дркин. Противоречия, конфликты, противостояния смыслов этой эпохи выразились в «Песне про советскую милицию», где официальная культура показана как пустая форма, которая держится на насилии. Она устанавливает порядок, но порядок этот противоестественный, он хуже заданной расстановки сил в волшебной сказке, потому что ломает известные формы добра и зла и создает пространство, в котором нет правильного сценария действий.

В «Песне…» не дается разрешения конфликта. Финал песни закольцован с ее началом и является его смысловым отрицанием:

Много песен о шахтерах было сложено,
Много песен о монтажниках-высотниках,
А про нашу, про советскую милицию,
Песен нет, да и не надо их совсем.

Таким образом, в «Песне про советскую милицию» донбасского поэта Вени Дркина на основе парадигмальности пародийного текста эпохи постмодерна создается пространство диалога нескольких культур: русской

народной, включающей песни и сказки, ранней советской, с отсылками к библейскому сюжету о первом человеке и к античному мифу о Прометее. Все эти прототексты соединяются и осмысляются на основе андеграундной рок-культуры поздней советской эпохи. Смысловое пространство пародии, созданной поэтом, позволяет показать пустоту официальной культуры того времени, содержащей идеологемы о людях труда, в которые уже никто не верит. Столкновение этой пустой формы с живым творчеством андеграунда в версии Вени повторяет архетипический сюжет появления насилия в самом сердце сказочного мира и установление порядка, основанного на праве сильного, извращающего порядок космоса, разрушающего жизнь и творчество новых Прометеев.

В произведении Вени конфликт неразрешим, поэт отказывается от изображения своего героя – советского милиционера. Пространство реальной жизни дает больше возможностей решить этот конфликт. Так, постсоветский рок постепенно интегрировался в истеблишмент, и современная полиция охраняет порядок на рок-концертах, а не подвешивает рокеров на фенечках. В то же время постоянно возникают новые формы и конфигурации взаимодействия разных сторон базового диалектического конфликта отжившей формы и нового содержания. Граница не обязательно проходит по линии власти, хотя нельзя не заметить, что такая конфигурация регулярно воспроизводится в русской истории. Поиск новых форм взаимоотношений творческого человека и навязанных идеологем – важная задача, которую ежедневно решают творческие люди и осмысляющие процесс философы. Результаты и выводы настоящей работы могут использоваться для изучения взаимоотношений андеграунда и официальной культуры как в Донбассе, так и в других сегментах культурного пространства – в России и на Украине, где проблемы свободы слова и свободы творчества стоят особенно остро с 2014 года.

Список литературы

1. Веня Дркин, Про советскую милицию (cover Александра Морозова) [Видео] // Youtube.com. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HqIHtZVmPVw

2. Веня Дркин. Про советскую милицию кавер [Видео] / DackFax // Youtube.com. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=I69ZE812kM4

3. Горбачев, А. В., Зимин И. И. Песни в пустоту. – М.: АСТ, 2014. – 445 с.

4. Дркин. Милиция [Видео] // Youtube.com. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=h59a7TTYlaA&t=3s

5. Заславская, Е. А. «Олег Ивашов: “Хочу достичь верхних слоев атмосферы и выйти в открытый космос”« [Электронный ресурс] / Е. А. Заславская // Одуванчик. – Режим доступа: http://oduvan.org/bez-rubriki/oleg-ivashov-hochu-dostich-verhnih-sloev-atmosferyi-i-vyiyti-v-otkryityiy-kosmos/

6. Ковалев, П. А. Поэтический дискурс русского постмодернизма: автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01. – Орел, 2010. – 43 с.

7. Лушникова, Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19. – Кемерово, 2010. – 45 с.

8. Нерсесян, Т. Из наблюдений над сказочным хронотопом (на материале русской и армянской сказки) / Т. Нерсесян // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2009. – № 2. – С. 91–95.

9. Павел Фахртдинов Про советскую милицию (Веня Дркин) [Видео] // Youtube.com. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=x7j3T7zc8co

10. Фан, И. Б. Эссе о Прометее и театральности политики / И. Б. Фан // Антиномии. – 2007. – С. 134–143.

«ДОЖДИСЬ ЛЕТА И ПОСМОТРИ, ЧТО БУДЕТ» ИЛИ КАК ВЫРАСТАЕТ ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Ольга Бодрухина
bodrukhina@gmail.com

Опубликован и появился в продаже на «Нонфике» и в «Фаланстере» новый любовный роман ~~Даниэлы Стил~~ Романа Михайлова.

Само название звучит для читателя как интригующий и одновременно обнадеживающий магический призыв (то, что сейчас нужно каждому). Лето, как развязка, которую мы ждем, придет, и мы его обязательно увидим, даже если оно наступит зимой. В философском восприятии название намекает на некую цикличность с недостающим временем года, компонентом или элементом. В поэтическом – на затянувшуюся, но так и не порадовавшую весну: «дождись» звучит дождливо, можно почувствовать ожидание того, что дождь смоет все налипшее, сам собой закончится, и, наконец, выйдет солнышко. Согреет, развеселит. Именно ожидание как смысл превращает комнаты и дома из мест отдыха и обитания в полости, населенные голосами, воспоминаниями – короче, призраками. В таких нежилых местах человек особо уязвим: недолго выхватить что-то нехорошее.

О чем роман? О любви. Точнее, про детскую любовь, и во что она выросла.

На мой взгляд, существует два режима прочтения книг Михайлова. Детский, в котором можно воспринимать все как игру, приключение, некий ритуал, но пока еще не осмысленный. И взрослый, в котором уже возникает эта необходимость – осмыслить. В детском режиме интересно заглядывать в темные углы и катакомбы, человеческое гетто и рай с животными. Во взрослом же увиденное там может как минимум обескуражить, напугать на всю оставшуюся жизнь или свести с ума. Словом, когда

книга начинается с детских воспоминаний о ландшафтах и их обитателях, нас настраивают именно на этот самый режим. Возвращается ощущение гибкости восприятия, даже по подземным мирам получается перемещаться, как в игре «Братья Марио»: шустро бегать по лабиринтам, спасая принцессу от дракона. В конце опускается флаг, дракон побежден. Но когда мы сталкиваемся с понятием любви и необъяснимого влечения, как можно удержаться в этом детском режиме? Вожделеть кого-то – не детское дело. Между тем, дракон побеждается именно чистым, невинным намерением. Здесь как бы ловушка, в которую рано или поздно попадал каждый влюбленный. Дракона нет, но он есть.

Существует версия, вполне аргументированная, что сюжеты многих эпических произведений формировались игрой – будь то кости или карты – любые повороты рассказываемой истории определялись следующим броском или тасовкой. Сама игра определяла не только структуру произведения, прокладывая ходы и русла, но и имела отсылку на себя же в сюжете, выступая, как важный поворотный и драматичный момент, что подчеркивало ее значимость. Самое интересное, что это было полностью ритуальное действо – да, для таких игр нужно было уметь считать, запоминать, предугадывать, но, при этом, исход решался удачей, вмешательством высших сил, иного. Веер карт как веер возможностей… Неслучайно многие боги удачи, будь то Ловис или Картикея (воинская удача) имели своим атрибутом павлина. Хвост павлина – не только символ трансцендентного объекта, но и вероятностей. Вот павлин поворачивается, и вчерашние цари уходят в изгнание, а бандиты становятся у руля, меняются местами грешники и праведники, психиатры и их пациенты… Это к тому, что в поисках своей любви главный герой романа прибегает к помощи карт, используя их в качестве медиума, и впоследствии корректирует с их помо-

щью список, по которому движется, меняет порядок, перетасовывает пути. Кем был составлен этот список? А не важно. Он есть – как данность, которая не устраивает.

В моем детстве знакомство с магией карт произошло следующим образом. Мы с родителями отдыхали на море. У родительских друзей была взрослая дочь, Марина – трудный подросток 90-х. Однажды она собрала нас, детей, и начала показывать карточные фокусы. Особенно запомнился тот, в котором участвовали картинки. Король хотел выдать своих четырех дочерей за принцев, вроде как устроить брак по расчету. Он закрывал их в четырех разных комнатах, приставлял к ним стражу и вешал замок. Ночью все смешивалось, и, на утро в каждой из комнат обнаруживались отдельно друг от друга четыре дамы, четыре валета. В других двух комнатах оказывались сваленными сломанные замки и храпящие стражи. Как это получалось? Марина объяснила, что само собой. От этого «само собой» кружилась голова и появлялось чувство тошноты, как на большой высоте. Она научила нас этому фокусу, если его можно было так назвать. Родители отдыхали: папа надевал на голову детские трусы (ладно, мои) и развлекал женщин на пляже, фотографируясь с грудастыми русалками-манекенами, мама надевала лучшие платья, всем было весело. Через несколько лет мама рассказала, что Марины больше нет – ее скинули с 11 этажа. В детском сознании это увязалось с теми карточными тайнами, которые, видимо, не следовало раскрывать…

Другая необходимость Руслана (от лица которого ведется повествование) постоянно сверяться с книгой – вполне дон-кихотская тема. Нужно находить подтверждение написанного и нарисованного в реальности, это залог целостности и связанности мира. Эта тема уже упоминалась в предыдущем романе Михайлова, «Антиравинагаре», но развитие получила в «Дождись лета…». В таком восприятии мира через книгу постоялые дворы кажутся замками, разбойники – рыцарями, а наркоманки –

фрейлинами Прекрасной Дамы. Друг Ласло предстает неким венгерским сказочным лесным духом, заброшенный пустырь – чудесным садом из сказки про Алладина. Но на другом конце от Дон-Кихота всегда находится маркиз де Сад, который называет вещи своими именами. Конечно, автор ближе к последнему, проблема лишь в том, что в состоянии де Сада долго не протянул даже сам де Сад. В этом смысле, сказочный мир – всегда спасительная нить, выводящая из мрачного лабиринта; только придерживаясь ее, можно помыслить реальность без чудовищных потерь.

Помимо сказочного уровня, в книге есть еще и алхимический. Знакомство Руслана с возлюбленной происходит на ее свадьбе с сыном гранд-бандита, вора в законе. Свадьба одновременно гуляется в феноменальном мире – на турбазе, с хтоничным застольем, стрельбой в воздух и прочими караваями. Однако в алхимической вселенной она происходит между девушкой и маленьким мальчиком, которого взяли с собой приглашенные на торжество родители. Этот эпизод, пусть неявно, но перекликается с сюжетом известного алхимического брака между герцогиней Валентинуа Дианой Пуатье и Генрихом II. Их встреча произошла, когда Генриху было 7 лет, а Диане – 26. Отец отправил принца вместо себя заложником, Диана же сопровождала его на пути в плен, всячески успокаивая, и в конце поцеловала мальчика в лоб. Генрих вернулся из заложников через четыре года и впоследствии стал ее верным рыцарем. Да, помимо прочего, Диана была жрецом, магистром тайной европейской ложи и лунопоклонницей. Символы луны, озера, белого платья фигурируют и в «Дождись лета...».

Можно легко превратить чтение романа в алхимический квест, собирание ключей и ман; читать его можно по-всякому. Можно усмотреть в мимикрии главного героя под доставщика еды поползновение чужой реальности, которая прорывается в НАШУ – когда эта услуга была еще экзотикой, агентом нового мира. Какую еду он

доставляет по легенде? «Какое-то пюре». И здесь есть некая параллель с кукурузным пюре у Линча в «Твин Пиксе», как гармонбозии – символе тотального человеческого страдания и боли, которым кормились обитатели BlackLodge.

В произведение также просачивается мистическая реальность театра, которая выступает неким соединяющим клеем. Как посредник, но и как отдельный мир. Некий транзит между сюр-реальностью и субъективным восприятием, некая возможность бытия в моменте; определенно терапия, к которой не поднимается рука приставить слово «арт». Странно, что книга из библиотеки психиатра с описаниями театральных сюжетов разных архаичных и не очень культур напоминает аннотации к вполне современным болливудским кинохам. Нетленность этих историй, подобно пропитанному золотом телу, вносит вневременное и в сюжет романа.

В плане образности персонажей «Дождись лета...» – это, в хорошем смысле, человеческий бестиарий. Там нет второстепенных героев, скорее, они представители других видов и слоев. Нельзя сказать, что они относятся к тому или иному времени – такие персонажи также вневременные, меняются лишь их внешние атрибуты и проявления. (Это если покажется, что роман – очередная сакрализация 90-х). Как в случае отца Руслана, который из карточного шулера в последствие становится геймером. Квазитрансформации скорее, чем превращения: реальность является сдерживающим фактором, попытки ее сломать – магической игрой. Только любовь не позволяет усомниться в своей реальности, даже если картинка искажена «психо» и «деликами», любовь, а не галлюцинация, является главным откровением, разрушительным для любой нормальности.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

О новой книге Нины Ищенко «Борьба цивилизаций в "Отблесках Этерны"».

Арсентий Атоян
atoyannn@bk.ru

Свобода требует не службы,
а благородного служенья.
Юрий Левитанский
«День такой-то». Первое издание

Свобода требует и службы,
и благородного служенья.
Последующее издание

Поводом к написанию этой книги, по свидетельству автора, стала экранизация цикла романов Веры Камши «Отблески Этерны» (по крайней мере, первую серию читатель найдет без труда в интернете). Фэнтезийный сериал по оптимистичному мнению Нины Ищенко обещает стать русской «Игрой престолов». Словом, в жанре прибавилось вдвойне – литературный сериал грозит стать экранным.

За книгами В. Камши, а их много, стоит «специфическая культурная реальность, отражающая не столько условную европейскую реальность фэнтезийного романа, сколько современную Россию и ее принципы существования» – смело формулирует автор книги [1, 6]. Перед нами чрезвычайно содержательное оригинальное исследование, принадлежащее перу одновременно философа, культуролога и литературного критика, самого участвовавшего в фандоме, о котором с увлечением рассказала уже в первой своей книге «Локусы и фокусы в современной литературе» [2, 6 – 16]. В этом движении – феномен которого еще недостаточно исследован – и поиски нашего автора продуктивны – любители известных книг предлагают свои варианты развития сюжетов,

устраивают встречи с атрибутами героев любимых произведений, конкурсы и иные формы сотворчества и просто поклонения кумирам. Они сродни толкиенистам и другим кругам сторонников избирательного чтения. Жанр фэнтези у них даже в большем фаворе, чем классика или детектив. Хотя можно привести и примеры развития классических сюжетов, например, «Пьер и Наташа» Василия Старого, но это уже завышение требований любительства.

Однако игра есть игра. Не случайно в предисловии к книге поэт Елена Заславская относит автора книги из трех видов читателей по Герману Гессе (наивный, хороший и играющий) к третьему типу, цитируя Гессе: «Он всем играет, и с определенной точки зрения нет ничего плодотворней и полезней, чем игра со всем и вся... В момент, когда наша фантазия и ассоциативная способность переживает кульминацию, мы читаем уже совсем не то, что видим перед собой на бумаге, а плывем в потоке стимулов и идей, почерпнутых нами из прочитанного» [1, 4].

Это место в предисловии крайне важно, ибо играющий читатель превращается на наших глазах в играющего повествователя. Способность к сотворчеству – отличительная черта нашего автора. Дуэт Веры Камши и Нины Ищенко оказывается, хотя и по-разному, плодотворым для обеих творческих сторон. Для понимания текста, однако, важен жанр. В титрах, извините, под названием, помещено указание на жанр текста Камши – литературный сериал.

Жанр как род бытия

Фэнтези полагают легким жанром в отличие, скажем от научной фантастики или мелодраматического сериала, в котором, несмотря, на растущую порцию мыла, сокрыт общечеловеческий пафос в погоне за зрителем. Занимательность и ненавязчивость – правила обоих жанров. Тем не менее, перед нами именно серьезное исследование о – не больше и не меньше, как о борьбе цивилизаций – русской и западной! Так полагать легкое и серьезное в целостной сообщаемости эмоций и мыслей, возьмется не каждый. Для

этого нужно быть Ниной Ищенко – пионером метода параллельных реконструций применительно к «Отблескам Этерны». Погрузиться в волшебный мир и наблюдать его критическим оком – таково искусство критика фэнтези и сериального рода чувствований.

Однако, жанр имеет свои законные требования, их учет – залог правильного масштаба, приложенного к объекту реминисцентного разума. Реминисценция в данном случае род мотива, который вызывает смежные, контрастные, родственные и иные мотивы силой намека, напоминания, припоминания. При этом припоминания создателя, интерпретатора и интерпретации лица или группы лиц в рамках фандома могут быть совершенно различными. Приглашение к формированию смыслов расширяет аудиторию, делает ее одновременно эластичной и требовательной. Философия искусства всегда работа с реминисценциями, их апология, критика и самоопределение, собственно, мир эстетического. В этом ключе рассмотрим не сам сериал, а его отражение в исследовании. Такое двойное априори складывается из присутствия критики в литературе и эстетики в критике. Двойное видение русской реальности в ее извечном противостоянии чужим ценностям и западной реальности как поиска дублей и альтернатив русскому варианту империи.

Однако зададимся вопросом: зачем такой изощренного рода подход к жанру, от которого не ждут откровений? Философский анализ фэнтези возвращает нас к началам эстетического дискурса. В чем смысл искусства? Наша точка зрения, заранее оговорим ее во избежание недоразумений – в преобразовании нравов. Человек не взял бы в руки перо, кисть или музыкальный инструмент, если бы не хотел ощутить реакцию другого. Сознательно или бессознательно, намеренно или спонтанно, задаваясь целями или утверждая бесцельность, но искусство влияет на нравы людей. Его развитие – освоение степеней свободы, всякое произведение либо расширяет свободу человека, либо сужает. Подлинное искусство там, где человек становится лучше. Но есть и от-

каз от развития, углубление в недопустимое нравов. В искусстве возможна даже апология злодейства, дающая удовольствие. Мы относим себя к тем, кто все еще говорит о ангажированном в искусстве. Если вам это не по душе, можете не читать…

«Почему люди пишут?» – спрашивает философ свободы. И отвечает: «… Писать – это значит воспользоваться сознанием другого, чтобы заставить признать себя значимым для всеобщего бытия: это значит захотеть пережить такую значимость при посредничестве других людей; но с другой стороны, поскольку реальный мир проявляет себя только в действии… можно чувствовать, что ты в нем, только устремляясь за его пределы с целью его изменить…» [3, 66–67]. Возразят: ничего подобного, вариации фэнтези не ставят такой задачи! Но вряд ли это не выход за пределы, а значит и расширение бытия, изменение его, хотя бы в воображении. Вернемся к этому моменту в конце нашего разбора талантливого исследования нашего критика, вовсе не склонного говорить о падении жанра фэнтези.

Жанр – это род бытия, говорит нам Семен Фрейлих в книге «Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского». А потому он обязывает. Фэнтези, а раз его продолжают в рецепциях вполне взрослые лица, это уже не питание незрелых юношей и инфантильное зависание, а род бытия в культурном пространстве, отмене и замене не подлежащий, завоевавший право на внимание. Игра на повышение, впрочем, свойственна большинству жанров или родов бытия. Борьба цивилизаций в данном случае просматривается не как задник сцены, на которой разыгрывают роли персонажи, а как столкновение несовместимых ценностей.

Главный вопрос жанра или рода бытия: как сочетать немыслимо различные идентичности в одном человеческом измерении – повседневности человеческого существования. Ведущий тезис Нины Ищенко: несовместимое обречено на не-совмещение, иначе потеря идентичности, хотя местами проскальзывает понимание того, что индивид или общность обречены именно на множественность идентичностей. Отсюда бы вывести довольно простую мысль о том,

что русские католики и протестанты, даже униаты Белой и Малой Руси, такая же часть Русского мира, как православные или мусульмане – часть американского или западного мира. Европа, кстати, после войн 90-х годов сильно продвинулась в сторону поглощения и приобретения православного мира, а на Балканах столкнулась с провалами в исламский мир, который вовсе не желает сокращаться или уступать позиции традиционным христианским и секулярным ценностям. Словом, ценностные конфликты находятся в центре исследования. События реального мира и события мира фэнтези как бы разделены на две части, но эти части взаимопроникают друг в друга.

Не секрет, что общий инфантильный уровень фэнтазийной литературы долгое время мелел, причем по мере постановки все более масштабных задач. Параллелью можно считать судьбу блокбастеров от «Крестного отца» к «Рэмбо», от «Рэмбо» к «Звездным войнам», от последних к «Играм престолов» совершенствованием форм при умалении содержания до микста примитивов. Что тут скажешь – развлечение как привлечение неофитов не знает иного способа скольжения как упрощение. Усложняются формы подачи материала, они зрелищны, смыслы же банальны. Шаг в сторону «Аватара», мудреная матрешка заготовленных смыслов или пресловутая «Матрица» – матричная передача смыслов – равна отказу от конечного решения, уводит за горизонт, обещает мнимое наполнение пустот духа. На деле все тот же «кимвал звенящий».

Упрощение же в науке, напротив, иногда необходимо и называется редукцией – сведением сложного к более простому, высшего к низшему, разнообразного к однотипному Есть в науке даже своего рода рыцари редукции. К таковым можно отнести Герберта Маркузе. В книге «Конец утопии», построенной как отклик на диалог со студентами Западноберлинского университета, этот несомненный пророк интеллигенции и студенчества, предугадавший основные тенденции радикального протеста и его новейших форм, противопоставляя традиционное и критическое мышление, обозначил перспективу реализации утопий, для которых

человечество ранее средств не имело, но по воле технического прогресса (вполне совместимого с господством одномерного сознания), обрело осуществимость того, что считалось и было на деле утопичным. Телетайпы нового 2022 года приносят весть о человеке с сердцем свиньи. Разве не реализация утопии?

Суть не в том, что утопии осуществимы, а в том, какие из них следует поддерживать, а какие лучше отвергнуть. Человек не хочет бессмысленного успеха любой ценой, а если хочет, то рано или поздно станет собственным роботом. Слово, изобретенное Карлом Чапеком, и есть настоящая перспектива ложных утопий – превращение человека в робота, чья программа составлена «продвинутым меньшинством». В этой перспективе и возможно понимание борьбы цивилизаций. К какому будущему приближает нас их поединок? А может, нас он приближают к полному отсутствию будущего и человеческого смысла? Зачем люди в мире, где любая идентичность нужна только как фишка в игре?

Переживание – нерв эстетического вхождения в ценностное пространство. Какого рода переживания нам дороже? Всеядность не аргумент. Где ноль запретов, там ноль культуры. Но традиция может помешать важным инновациям, закрыть реализуемость тех утопий, которые стоит поддерживать. С Древней Греции утопии отрывали человека от действительности. И правильно делали в принципе, но дьявол скрывался в подробностях реализаций. И христианство было долгое время только величайшей утопией. Противопоставление его разновидностей в диапазоне «хуже – лучше» представляется односторонним. «В доме Отца моего обителей много», – говорит Христос. Все человечество никогда не поместится в православные обители, даже весь Русский мир, а большая его часть де-факто вообще вне христианства, также не поместится. Признать равенство обителей в плане веры в них, однако, не означает признать возможным реализацию фундаменталистских и даже традиционалистских утопий. Это было бы гигантским шагом назад.

Взлет фэнтезийной литературы, обусловленный неслыханной раскованностью мышления западного человека, указывает на то, что поражения Запада могут обернуться поражениями человечества в целом, как, впрочем, и поражения других цивилизаций, включая Русскую или точнее восточно-христианскую. В 1958 году великий английский историк посетил штаб-квартиру НАТО и услышал там речь американца о величии и значимости его цивилизации. Он подал реплику: нет-де никакой американской цивилизации, чтобы создать цивилизацию нужно иметь хотя бы собственную религию или язык. У американцев нет ни того, ни другого. Старая добрая Англия радовалась за своего историка, но, увы, она все больше американизировалась. Ее бунт против единой Европы говорит о том, что доказывает Нина Ищенко: Европа так и не создала своей единой империи, которая складывается в России с 15 века (идейно с начала шестнадцатого, ибо идея Филофея, которую западники считают едва ли не маргинальной, придала контуры искомого сходства с Византией). И, конечно критерий того, что третий Рим не падет, а это значит, что нет другой формы выживания, кроме империи.

Центральной конфликт эпопеи

Здесь мы подошли к центральному пункту противопоставления цивилизаций. То, что нашла Россия, может быть оправдано. То, что нашли колониальные государства (так наш критик и философ обозначает другие империи Европы, а на эти роли претендовали не только крупные страны вроде Германии или Австро-Венгрии, кстати, обделенные колониями, но и такие как Бельгия с ее Большим Конго), непрочно и обречено разъединять, а не объединять Европу. Соратник Че Гевары по Боливийской экспедиции Режи Дебре написал книгу «Европа против империй», где он по сути продолжает линию Маркса на обличение русского вмешательства в дела Европы XIX века: империи не органичны европейскому разнообразию.

Империя, однако, не просто монархия. Она не есть деспотия азиатского образца. Нина Ищенко анализирует пороки и

достоинства Римской республики, но в этом сюжете замечательно именно то, что империя – это монархия, допускающая республиканские институты, заимствует их хотя бы косвенно. Неудача русской империи в том и состояла, что она так и не смогла стать неаристократической, конституционной (Англия де-факто – конституционная монархия без писаной конституции). Работа Маркса «Секретная дипломатическая история 18 века» не вошла в 50 томов собрания сочинений Маркса – Энгельса по причинам, которые сегодня с легкой руки православной диссидентки Зои Крахмальниковой крестят многоликим словом русофобия, ей все чаще именуют любые критические замечания в адрес Русского мира.

Словом, тезис о том, что Европа не создала единую империю и это плохо, а Россия создала, и Российская Федерация ее непосредственное продолжение – концептуально слабое место в концепции книги. Исторический ответ Европы заставил ее искать неимперские способы взаимодействия. Хотя искать еще не значит находить. Заокеанская империя лишает самостоятельности ее пространства взаимодействия, показывает с кем можно, а с кем опасно взаимодействовать. Не идеализируя Европу, все же следует сказать, что распад империй пошел ей на пользу. Не найдя иных способов, она оказалась заложницей Заокеанского покровителя.

Россия, потеряв в названии слово «республика», уподобилась объекту для номинаций. Банкир Олег Тиньков выразил обывательский уровень понимания: если президент в России обладает потребностью в гораздо большем масштабе определения политики, то логично предположить, что он может именоваться царем. А как же все освободительные традиции русского народа, как насчет преемственности поколений? Хорошо, когда денег много, голова пустая и глупости из нее наружу торчат. Не так-то просто именовать. Но спор между номиналистами и реалистами был разрешен еще в 12 веке Абеляром. Имена не суть трясения воздуха, но они и не творящие платоновские идеи. Концептуализм признает, что существуют только единичные вещи (как бы номинализм), но в то же время согласен с тем, что имена соединяют общие для единичных вещей признаки (общности,

таким, образом реальны), то есть творит не только индивид, но и общность.

Мысль Гегеля, определившего народ как общность людей, которые не знают, чего они хотят, может быть продолжена следующим соображением. Как только народу приписывается одна тенденция, как можно сразу предположить зародыш контртенденции. Хочет одна часть народа – не хочет другая, в стороне третья. Западное мышление «тернарное», говорил Ю. М. Лотман («Культура и взрыв»), русское – «бинарное» (это восходит к богословскому тезису о роли чистилища, в православии она минимальна). Это имеет непосредственное отношение к борьбе цивилизаций в пространстве «Отблесков Этерны» и не только.

Всем бросается в глаза роль третейского суда в англосаксонских фильмах и книгах. В русских вариантах прозревает начальство, отзывая несправедливое решение, но арбитраж посторонних избегается. В итоге как у Галича:

И вместе со всеми ты кажешь «да».

И вместе со всеми – «нет».

Вопрос о том, хотят ли они, представители большинства народа, свободы, сложен. В чем она состоит в империи, в чем она состоит вне таковой? И на этот вопрос автор отвечает анализом перипетий судьбы Ричарда Окделла из цикла романов Камши «Отблески Этерны». Сначала герой, понравившийся первым читателям положительный, потом злодей. В основе его переориентации – смена цивилизационной парадигмы. Часть читателей отворачивается от этого поворота, как бы говоря, оставьте нам первоначальный облик героя. Но хозяин – барин, тем паче если персонаж фэнтезийный, а не реалистический дагерротип ранних опытов фотографирования.

Герой в зеркале конфликта цивилизаций

В образе Ричарда Окделла как в капле воды дана вся структура питательного потока «Отблесков Этерны». В нем сфокусированы ядерные элементы, составляющие основу взаимодействия – свое и чужое, чужое как свое и свое как чужое, столь популярный сегодня гуманитарный мотив

идентичности. На нем же построен разбор сюжетов цикла во второй части книги. В том-то и дело, что однозначно заданные образы – пленники структур, а Окделл – тот самый атом, что может оторваться от своей структуры, прилепиться к чужой, на время ослабив одну сторону, усилив другую. Если есть абсолютный критерий (династия, империя, личная преданность, конкретная дама и так далее, то он – злодей, изменник, эгоист на худой конец), а если абсолютного критерия нет, то все условно. Потому-то В. Камша и придала ему такие характеристики, нарушающие стабильность оценок.

Представим школьную ситуацию феодальной раздробленности: Столетняя война, одни феодалы за слабого короля и клику арманьяков, другие за англичан и герцога Бургундского. Это нам сегодня понятно за кем перспектива, но для дворянина, родившегося в Аквитании или Бургундии правда короля, хотя бы до появления Жанны дАрк, не очевидна. Сюзерены и вассалы не связаны линией патриотизма, выходящего за пределы своего фрагмента идентичности. Так и в фэнтезийном романе условное ищет безусловности и находит ее в тех верах, которые мотивируют оправдание поведения, но веры-то разные. Диапазон от католичества до англиканства и пуританства зашифрован, но узнаваем. Как по Марксу: совесть роялиста не та же самая, что совесть республиканца. Переход из одного лагеря в другой может и не быть снижением разнообразия возможностей повлиять на ситуацию. Критерий прогресса отсутствует, и мы в затруднении. Критерий вводится (например, ориентация на абсолютную монархию) и все, кто против – мракобесы и реакционеры. Однако, есть разница между стрельцами царевны Софьи и Петром, между Мазепой и Булавиным. Два последних изменили присяге царю, но один – изменник народу, другой ему заступник.

В мутном мире феодальных усобиц верность вовсе не напоминает дружбу мушкетеров, которые, кстати, против прогрессивного кардинала, укреплявшего абсолютизм, за слабого короля, потакающего центробежным силам, потакающего просто потому, что характер уступчив. Исторически

Бэкингем отвратителен: любовник и агент при дворах европейских государей, но также и гомосексуальный любовник… английского короля Якова, отправленный было с эскадрой далеко от берегов родины, но убитый на рейде флота офицером, у которого он соблазнил жену. Человечески ничтожное обретение романной Анны Австрийской, ради чести которой рисковала компания мушкетеров. Но не будем путать реалии текстов и реалии событийного исторического ряда.

Обратимся коротко к сюжету цикла не с точки зрения мотивации имперского поведения, а с точки зрения развития персонажа, его характера. Кто есть писатель? Человек, способный воспроизвести или создать образ персонажа в развитии, смене состояний и интенций своего облика. Персонаж живой, не статичный, Окделл превосходит остальных. Он проходит мимо того, что останавливает других. Остановись, мгновение! Они прекрасны потому, что готовы отождествить себя с поставленной автором задачей, а потому мрут как мухи, ибо больше не нужны для сюжета. Где там этот герой, после подвига? Словами Вероники Долиной: «Пойдем-ка лопать макароны / В ту симпатичную корчму». Но ведь это проза, снижение пафоса, романтическому герою под стать вовремя исчезнуть и желательно героически, чтобы как Самсона-Портоса его подавила стена или выстрел с крепостной стены Маастрихта оборвал жизнь уже почти маршалу Франции, парафразу сентенции «В рюкзаке солдата лежит жезл маршала», по службе и награда.

Но развитие характера – нечто не в подтверждение априори службы, а служение чистому слогу. Автор любуется героем – автор любуется собой. Падение жанра в его углубленной инфантильности. И читателей он должен привлечь именно инфантильность избравших. Нет, мы не против потребительского эгоизма. Кому и что нравится. Каждый имеет право загубить свою бессмертную душу. Если да, то конечно и с кем – его дело. Окделл губит душу, но развивает читателя: условны основания верности суверену, династии, империи. С их сменой меняется антураж оправданий. Вспомним французских дворян на службе русскому царю во времена Наполеона. Выбор легитимности – сословное

оправдание. Окделл верен приключенческо-авнтюрной линии фэнтези, осуждающие его не поняли принципа игры в его чистом виде, они увлеклись геральдикой родов бытия, но не самим бытием.

Переживание – стихия чувств, а не мыслей. Колебания и их преодоление – доблесть фэнтазийного героя. Монстр он или добродетелей букет – вопрос интереса. Интерес к скандалу в серьезной литературе того же сорта. Анна Каренина в замысле сначала добродетельна и некрасива, но Толстой переделывает героиню, чтобы читатель в нее поверил. Окделл не остался бы в памяти, если бы умножал видение остальными своей неизменной роли. Кстати их измены и переходы не менее, а в сущности красноречиво, свидетельствуют: правды не отыщите, постулируя, даете шанс противнику также постулировать. В итоге готтентотская мораль: плохо, если у меня угнали стадо, хорошо, если коров угнал я…

Осторожно назовем это релятивизмом ценностных установок героев авантюрно-романтических и фэнтазийных произведений. Но не таков ли читатель? Разве ему интересны гвардейцы кардинала, проткнутые шпагой д'Артаньяна?

Итак, доверимся изложению нашего критика-философа: «основной сюжет цикла «Отблески Этерны» – воцарение Самозванца, а основной конфликт, сломавший структуру сериала и расколовший фандом, – это история оруженосца Ричарда Окделла, идеалиста, перешедшего дорогу каждому персонажу книги и превратившегося в антигероя буквально за три тома» [1, 110]. В магическом мире Этерны содержанием процесса восхождения персонажей выступает борьба со скверной.

Нина Ищенко берется объяснить читателю карту второй части из трех глав. Во-первых объясняется магия и скверна, то есть условия вхождения в понимание процесса; во-вторых, объясняется Ричард Окделл; в третьих, необходимо разобраться с талигойцами, подданными государства Талиг, где собственно и разворачивается конфликт оруженосца с другими персонажами. Наш критик, вооружившись как минимум тремя теориями (де-факто их больше), а именно тео-

рией культурных идентичностей, цивилизационной принадлежности и конфликта цивилизаций, поднимается на метауровень, предупреждая нас, что «будем обсуждать не столько поведение героев, сколько системы ценностей персонажей, способы их формирования и функционирования» [1, 110].

Магические силы Этерны проявляются в Кэртиане, той части мира, где происходят основные действия. Те, кто способен видеть скверну как зеленую жидкость, растекающуюся по воздуху, могут и понять, что там, где это случается, начинается кровавый хаос, люди впадают в буйство убийств, их нервные центры лишаются сдерживающего начала. Однако романистка предусмотрела, чтобы основные персонажи не вели себя как марионетки, иначе за ними было бы неинтересно наблюдать. Оставаться «собой в эпицентре бури», не лишаться личности означает нести ответственность за поступки [1, 111]. Реальный магический мир управляем, но скверна вносит разнообразие. Просвещенные умы в скверну не верят, но убеждаются, что управлять всем, а особенно последствиями невозможно. Боги-творцы, которых люди называют Ушедшими (не пришельцы, а ушельцы, если использовать метафорику недавно ушедшего гения молодежного кино Сергея Соловьева). Пятая магическая династия Раканов завещана ушельцами: наследник должен убить в поединке на Площадке Мечей того, в ком не течет кровь Раканов [1, 112]. События происходят в переломный момент конца одного Круга и наступления нового, круг Скал дожжен смениться кругом Ветра.

У магической Кэртианы есть и своя религия с верховным принципом «Чту и ожидаю» – эсператизм – от эсперы – звезды с семью лучами. Нина Ищенко расшифровывает смело эту веру как аналог католицизма. Но новый правитель Эрнани Ракан сверг предыдущего и заменил веру на абвенианство – религию в честь четырех богов творцов, ушельцев. Домыслим: надо полагать, это что-то вроде протестантской ереси?

Но основные события цикла связаны с Талигойей [1, 113]. При расшифровке других магических имен итальянских городов и Византии можно предположить, что это Франция, хотя Нина Ищенко пойдет дальше и отождествит ее с Россией. Впрочем, образы и метафоры изначально многозначны. Талигойя превращается в Талиг, когда приходит новый правитель узурпатор Франциск Оллар, хотя не знаем, похож ли Эрнани на семиженца Генриха Восьмого Тюдора… Тем не менее, вводит новую религию – олларианство – по мнению Нины Ищенко, аналогичную англиканству.

Некая битва на Рубеже и падение Этерны предопределяют ход событий, хотя на момент рассказа о них уже забыли. Тут наш критик присоединяется к мнению писательницы Ольги Вальковой, что магия в Кэртиане технологична, даже инженерная, подчеркивая, что и дальше будет придерживаться этой версии, по видимому из ее удобства. Ибо технологичность как нельзя лучше согласуется с предсказуемостью.

И тут важное признание самой Веры Камши, которая дает люфт для сомнений. На обратной стороне книги мы читаем: «Я рада, что Луганску это нужно. Даже если мнение критика не совпадает с мнением автора». Оставим пока, что нужно Луганску, в стороне, но обратимся снова к реконструкциям нашего критика.

Сложная система наследования генов по мужской линии, которая ограничивает возможности Раканов, но отсекает боковые ветви, обеспечивается символом Зверя. Выясняется, что Ракан и есть Зверь. Понятно, что для иноверцев тот, кто заступил праведную веру, есть Зверь или на худой конец Число Зверя. Вспомним, что это число образовано 2/3 от тысячи талантов, то есть слитков серебра времен царя Соломона. Но посредством некоторых реликвий Раканы владеют частью технологий, что и позволяет им сохранять частичный контроль. Эрнани проклинает веру Абвениевушельцев и принимает эсператизм (католичество), то есть возвращается к ортодоксии по сравнению с противниками, становится святым Адрианом и избавляется от праха. Раканы уже не Раканы, начинается феодальная раздробленность [1, 117].

Тут намечается один из важнейших мотивов, а именно борьба за единство страны. Чем-то это напоминает недоброй памяти концепцию борьбы «реакционного боярства и прогрессивного дворянства», которой пытались объяснить некогда тьму кромешную выяснения отношений внутри класса феодалов от опричнины до стрелецких бунтов. Магия абвениев, однако, отброшенная Эрнани, позволяет бороться со скверной. Повелители скверну побеждают или оттесняют не сами и не только верой и магией, но при помощи раттонов – проявлений Чужого [1, 118]. Обратим на это внимание, ибо без Чужого не спасти своего. Учиться у Запада, чтобы не остаться на Востоке – один из уроков родной истории. Легче, конечно, счесть царя Петра за Антихриста, но развитию это не поможет…

Скверна растекается за пределы описываемого мира Кэртианы, приходится бороться и ради других планет Ожерелья, кое также теряет миры. Тема Повелителя – часть игры в фандом, можно предлагать версии, кто же Повелитель, но наш критик объективирует ситуацию, отсекая случайные прочтения, ибо у него есть своя версия. Вспомним, что с ней не всегда согласен автор, а потому домыслы разрешены. Хотя, правду сказать, частенько авторы и сами не понимают, что они сочинили. А значит, действует иногда и реплика попугая: «Жираф большой – ему видней». Вот только, кто Жираф, кто видит с высоты?

Для того, чтобы разгадать иммунитет против скверны, критик вводит образ предыдущих своих сочинений – Невидимую Церковь, восходящую к Жану Кальвину, разделяющую людей на обреченных на геенну огненную и избранных к спасению. Скверна вырывает целые миры из Ожерелья, но она бессильна перед индивидами, что обладают изначальным (не приобретенным, оговоримся сразу) иммунитетом. Таким образом, люди разделены на устойчивых к скверне и неустойчивых. А потому зло охватывает неустойчивых и тут уже ничего не изменишь. Рожденные злыми исправлены быть не могут [1, 119]. В ортодоксии об этом говорил эйзенштейновский Грозный: рожденный ползать – летать не мо-

жет. Но он не владел магическими технологиями (или владел? Но тогда, это секрет управления людьми, смысл всякой магии именно в этом!). Борьба со скверной тяжела, если бы не было маркеров избранности, то она имела бы смысл в том, чтобы исправить скверных или хотя бы перебить их. Но человек неустойчив и непредсказуем. Перебить всех нельзя, а потому есть все те же механизмы противостояния и блокировки – «совестью, мыслью об общественном порицании, страхом наказания, самоуважением и так далее» [1, 120].

Центральный персонаж в начале цикла и важный в каждой из частей – герцог Ричард Окделл, Повелитель Скал, а мы уже говорили, что следующий излом требует в Круге Ветра иного Повелителя, представитель элитарной касты зориев, оруженосец и носитель избранничества, которому позволено больше других, морально многовекторный персонаж. Как не заметить его презрения к феодальной морали посредством доведения до абсурда всех ее догм? Поскольку в мире нашего критика искомым устройством социума выступает Империя, то в рамках противопоставления раздробленности и централизации, столиц и регионов, боярства (аристократии) и дворянства (служилых людей) Окделл представляет Его Величество Абсолютизм, но во фрагментарной форме. Критик оговаривается, что его измененное (к худшему) поведение «не являлось нормой ни в европейских королевствах, ни в Российской империи» [1, 121]. Будучи фрагментом искомого, он воплощает вольницу чувств, мыслей, поступков в качестве испытательного полигона. Какой службы потребует служение? Какого служения заслуживает служба? Если бы только был возможен однозначный ответ, то он бы превратился в пруссака Тренка – героя абсолютизма. Тренк, не колеблясь между свиданием с любимой и обожаемым Фридрихом, вызвавшим его в тот же час, выберет обожаемого короля.

Но Окделл – натура более сложная. Он не случайно удостаивается отдельного комментария нашего критика, ибо играет не по правилам, смешивая позиции, а потому делается более живым персонажем, чем все эти рабы службы и

жертвы служения, коих так много в приключенческих произведениях. Кстати, они заметно надоели мало-мальски продвинутому читателю, а тем более современнику, жаждущему скандала хоть в церкви, хоть в государстве, хоть на вечеринках и подиумах, хоть в альковах и будуарах. Скандал – имя интересного – знак позитивности (буржуазности) любой массовой культуры. Напомним, что Лукач доказал текстами раннего Гегеля, что позитивность и буржуазность – одно и то же. Окделл не буржуа, он – тенденция к будущему Абсолютизма с зернами разложения. Скандал в благородном семействе рыцарей – пока тоже рыцарь.

Не будучи безнадежным эгоистом, служа чести, данный персонаж, оруженосец по праву рождения совершает надругательство над структурой талиголийского общества, противопоставляет честь принятым нормам, провоцирует столкновения. Как итог первого превращения – он – антигерой [1, 122], но ведь цикл еще не завершен. Воля романистки может содержать исправление Окделла, но, честно говоря, не хочется, чтобы он исправился. Тут как в «Незнайке на Луне»: если я исправлюсь, о ком будете рассказывать? Персонажей-то много, но тенденцию к относительности всех ценностей демонстрирует именно этот зорий, избранник судьбы волей автора, а не обстоятельств. Он нарушает присягу, отравляет покровителя, участвует в неправых судах, отвечает за катастрофу с войском, убивает королеву… Но ценно другое, в чем он, собственно, обвиняется критиком: «не умеет налаживать социальные связи, считывать эмоции и разгадывать мотивы других людей» [1, 123]. Но ведь это и есть непосредственность, то за что мы любим приключенческих героев. Это не ушлый, дошлый, практичный приспособленец.

Да и в реалистических вещах реабилитация героя происходит по солженицыновскому критерию: герой не тот, кто победил, а тот, кто вывернулся. Лучшее определение героя дал отец структуразизма Виктор Шкловский (его потом подменили отчимы – французы): «герой – это человек не на своем месте». Служение самому себе и есть авантюра. Герой

приключения – авантюрист. Слово у нас – негация, но в других культурах едва ли не похвала.

Критерий непосредственности важен. Разница между Дон Жуаном и Казановой велика: по зову сердца или по холоду души. Феллини, который снимал фильм о Казанове, говорил, что хотел на материале восемнадцатого века обнажить корни фашизма. Казанова механически воспроизводит чувства, которых у него нет. Он равнодушен к женщинам, он не увлечен, он – кукла механики. Подмена живых чувственных ощущений механической связью, качества количеством и есть по Феллини сущность фашизма, отказ от человеческих связей ради формальных достижений.

Это хороший урок для понимания важности непосредственной живой связи любовной, дружеской, творческой, общественной в противовес государственной, церковной, коммерческой и так далее. Присяга еретику, разумеется, обязывала до тех пор, пока он верил в ее необходимость. Отказ от одной присяги ради другой – классический переход. Если он совершается ради более благородного или равно неблагородного дела, то винить строго героя смешно. Можно привести множество примеров. Ограничусь двумя посторонними: Роберт Блюм переходит границу с вермахтом и уходит в белорусские партизаны, немец становится Героем Советского Союза. Капитан Гусев – слуга царю – переходит венгерскую границу со ста тысячами верных присяге казаков, чтобы задушить венгерскую революцию, но переходит на сторону венгров. Да еще не сам, а со своими подчиненными. И он мог бы сказать словами Фиделя Кастро: «История меня оправдает». Не в присяге дело, а в магическом мире – тем более. Пожертвовал королевой – негодяйкой или одним феодалом ради другого, но сохранил высокое понимание собственной чести. А почему служение не может иметь субъективного содержания? Остался верен себе. Даже круче: собственной неверности?

Утрируя, мы обнажаем необязательность суждений в фандоме – раскол среди читателей – успех автора, а может быть, и самого героя? Пример с «Аскольдовой могилой»

неоднозначен. Патриотизм – понятие классовое. Есть крайности Смердякова: почему французы – нация-с умная – не завоевали нас – нацию глупую-с (лакейская приставочка как нельзя к месту)? Но есть и «патриотизм – последнее убежище подлеца». Есть народный патриотизм – любовь к земле и людям, есть любовь к иерархии от государя до печатки с символом, флагу, гербу, гимну и другим причандалам сановного величия. На примере Лермонтова это почувствовала и наш критик. «Странная любовь» и есть настоящий патриотизм. Как и слова Чернышевского о русских: «Рабы! Снизу доверху все рабы». Это и есть последствие феодализма, а уж потом отеческие гробы да пепелища…

Впрочем, не будем вступать в полемику, может, Окделл ее и не стоит. Но оценка других персонажей по принципу верности династии, империи, вере говорит об их младенческой несостоятельности. Они ведутся чужими привычными словами, а потому ниже нарушителя спокойствия, которому романистка доверила инверсию принятых ценностей.

Констатация нашего критика: «Надор как малая родина, Талиг как родина большая не занимают в системе ценностей Ричарда сколько-нибудь заметного места» [1, 128]. Этому противоречит понимание родины как ресурса достижения власти [1, 127]. Выходит, что в ряду ценностей есть своя дифференциация и иерархия. Но не таков ли и современник наш? Более сорока процентов наших студентов перед войной в анкетах писали, что в этой стране нечего ловить, лучше присмотреть другую. И многие действительно «свалили». А в эпоху феодализма нет понятия гражданства, а подданство позволяет тем более меняться местами, рокироваться с ладьей или с королевой… И вот Ричард отправляется в поход на стороне Алвы, который «действует согласно русской модели управления, мобилизуя ресурсы там, где их никто не ожидает найти, поощряя инициативу материальными ценностями и повышением в социальной иерархии» [1, 131].

Эту систему можно рассмотреть во втором круге, а именно в плане социального противоречия романного пространства. Здесь же важно, что от столкновения с суровой реальностью Ричард испытал дискомфорт. Вместо личной

преданности оруженосца требуется служба объективациям чуждого способа управления людьми неизбранного круга. В армии, как объясняет критик, Ричард как эорий – чужак среди выскочек. Но утверждение, что европейский аристократ занимает место по праву рождения, а русский обязан своей принадлежностью к аристократии «еще и военной службой» [1, 132], – явная передержка. Именно русская аристократия олицетворяла до первой мировой архаику происхождения. Только нехватка офицеров заставила правительство искать пути включения людей без происхождения в ряды офицерства, что для англичан в меньшей мере, а для французов и вовсе стало нормой. И гораздо раньше!

Критик постоянно стремится заручиться обоснованием своего прочтения брендами массовой культуры. Например, «Пираты Карибского моря» – отвратное месиво из обрывков легенд, ни одна из коих не имеет отношения к карибскому пиратскому фольклору – читайте «Всеобщую историю пиратства» Даниэля Дефо, – сугубая голивудщина) [1, 133]. Или перлы упрощений стабильных и кризисных методов менеджмента, имеющие прямое отношение к плановой практике Союза и отечественной бюрократии, как в случае с книгой Александра Прохорова «Русская модель управления», социальный заказ на которую мотивировался мыслью: как у них не умеем, а как у нас – упаси боже! Среднее дихотомично [1, 97–98].

Хорошо, пусть карибский Уилл Тернер и Окделл-эорий – мотивируют избранничество невозможностью быть другими. Но позор Тернера и позор Окделла – это различные функции. Окделлу не надо возвращаться в естественное состояние. Критик возвышает Окделла как единственного носителя «мировоззрения, сформированного как секулярный вариант Невидимой Церкви» [1, 135]. Не вполне ясно основание, на котором коллективная элитарность, имеющая религиозное обоснование, ставится в один ряд с тем, что дано «в виде расизма, социал-дарвинизма, либерализма и других учений гностического типа». Это никак не бремя белого человека [1, 136]. За его поведение среди дикарей не несут ответственности Киплинг, Готорн, Фолкнер и Марк Твен, но

одна только Вера Камша. С чем, пожалуй, можно согласиться, так это с тем, что «принцип деления людей на две категории может быть абсолютно произволен», но ведь произволен и каскад обвиняемых в коллективной элитарности попарно «либералы и традиционалисты, глобалисты и трамписты, веганы и мясоеды, любители животных и догхантеры. чалдфри и детные…» [1, 138]. Прервем перечисление тех, кто взят произвольно. Хорошо то, что их хотя бы не зачислили в гностики… Неправда! Вот либералы – гностического типа. Помилуйте, уважаемая и высокочтимая Нина Сергеевна! Эдак и все мы станем гностиками…

Развитие мысли критика идет по градациям служения: династия – не то, что Родина. В Византии династии были недолгими, то ли дело Россия: Рюриковичи – Смута – Романовы (на деле Голштин-Готторпы). Но далее интересно: Родина существовала два века в виде империи. «В России сложилась уникальная ситуация, когда род Рюриковичей правил Русью семь веков, а после этого еще триста лет правила династия Романовых, родственная Рюриковичам. Однако в двадцатом веке Россия показала свою способность воссоздать имперские структуры и в отрыве от династического принципа: и СССР, и РФ управлялись людьми, не имеющими отношения к династии, однако занимающих в иерархии то же место, что и византийский император – место светского и духовного лидера империи» [1, 140].

Критик подробно пересказывает основные сюжетные ходы, борьбу и интриги, поступки и оценки чередуются с характеристиками персонажей, руководствующихся сословной моралью, но не всегда строго. Приоритет защиты Талига от короля иллюстрирует правильный ход персонажа: Марсель Валме против короля, но за Талиг, его приверженность Родине позитивна. Особенно интересны модели поведения герцогов, доказывающие, что в рамках сословной морали константы относительны, поведение мотивировано потребностью в разнообразии сюжетных ходов, в чем вряд ли можно обвинить сочинительницу. Это ее почва, на которой только и имеет смысл рассказывать истории.

Критик делает существенное обобщение: «сословное самосознание интегрировано в имперскую ментальность, причем на вершине иерархии стоит Талиг, а не династия» [1, 144]. Перед персонажами поставлен кардинальный вопрос: что делать, когда Самозванец захватывает трон? Исторически феодалы имели небольшой выбор, но перед нами персонажи с ослабленной связью с королевской властью, которые частью меняли фронт, частью нарушали конфигурацию защиты династии, частью опережали складывание империи, – словом они обозначают ряд возможных позиций, мотивированных вовсе не от имперского приоритета. Тем и интересны. Выполнение офицерами армии полицейских функций – грязная работа. Не сословная, лучше бы этим занимались какие-нибудь «вевешники» феодального периода. Но на самом деле подавление неформально не своих врагов, а подданных своего же короля – дело для феодала привычное. Однако, честь дворянина знает и градацию обязанностей. Тогда по гамбургскому счету лучше из гордости уклониться от того, что не подобает делать изысканному обществу. Но логика пруссака Тренка берет верх. Да, это неприятно, но это смена поведения ради нового имперского образца. Выполнение полицейских функций приветствуется.

Однако стоит задуматься над бытовым фактом нашего недавнего прошлого, да, пожалуй, и настоящего. Армейский офицер не отдает честь офицеру милицейскому или полицейскому. Разные ведомства? Разные уставы? Не в том дело. Традиция свободного человека и право не принадлежать к обслуживающему персоналу. Результат: взаимное недоверие служащих – в интересах начальства. Имперское «разделяй и властвуй» сказывается даже между родами службы. Приятность незаменимости не только знак дворянской принадлежности. Служба мотивируется не одними деньгами, но и не верой, она рождает цепочку значимостей (предрассудков), что принимаются без критики.

Но служба предполагает в конечном счете – служение. Она не только служба, чтобы убить человека или подавить

восстание, необходима легитимация права на такое действие, его сакрализация. Разность терминов большого значения не имеет. «С нами Бог» против «За Бога и короля» – это уже мотивация английской революции. Для Кромвеля Бог может быть против короля. Но для роялиста нет.

Выдуманные персонажи мотивированы в «Отблесках Этерны» прекрасно сервированными приключенческими элементами и ход повествования многообразен. Каждый выбирает линию, что ему по душе. Критик ведет нас к необходимости имперской дисциплины, но вот некая Луиза выпадает из своей социальной роли. В кризисной ситуации она меняет модель поведения, задумав быть глазами и ушами Алвы при дворе, она придумывает системы шифров для передачи информации. Она служит Талигу. Критик одобряет ее поведение, показывая относительность сословной морали для самих ее носителей. Уровень Абсолюта выше уровня Универсума. Служение Высшему и служение Природному могут соединиться в любящей женщине, но не в том интерес империи.

Схема работает в том направлении, что при стабильной и кризисной ситуации работают разные модели. Побеждает конформизм: «…В кризисный момент используются все доступные возможности для решения проблемы. В нестабильной ситуации социально-поощряемы действия, строго наказуемые в мирное время. В момент кризиса можно действовать вне формальных и юридических оснований. Однако это не разрушает общество, а помогает преодолеть кризис. В такой ситуации каждый талиголиец на своем месте действует по собственной инициативе по единому образцу: найти неиспользованные ресурсы и направить их на нормализацию обстановки. Формальная законность этого действия не имеет значения, и это общественно – приемлемо» [1, 147]. Лихо! А не лихо ли само построение перспективы приспособления талиголийцев к кризисному менеджменту? А не будет ли у них раздвоения личности, то бишь, шизофрении? Да и как определить: кризисные ли времена на дворе? Рано еще быть продвинутым? Или уже поздно?

Грустно как-то получается. Нет, решительно на стороне тех, кто не любит ушлых, дошлых и практичных героев читатель приключенческой закваски, фандомщик порывов, а не доводов! Уж лучше бы «все умерли» как полагается в трагедии, чем эти многочисленные мелкотравчатые Макиавелли. Но у Макиавелли была великая цель, недостижимая в его эпоху, объединение Италии. А у этих? Изгнание Самозванца ради легитимного Проходимца? Ведь кризисный менеджер почти всегда проходимец. Служение идее – да, но не служба проходимцу как самоцель. А может, Самозванец-то был бы лучше. Лжедмитрий, по мнению некоторых историков, фигура далеко не топорно положительная как Мишка Романов, что разумом не дошел. Да и патриоты иногда у нас ниже Гришки Отрепьева. Взять того же Ельцына. Ну, не будем о позоре. Скажем о чести. Честь литературного персонажа быть собой, а не носителем изменчивой воли автора.

Проклятие вопроса бытия

Не будем пересказывать зело разветвленный сюжет, а лучше отправимся на третий круг анализа. Дает ли фэнтези основание для рассмотрения последних и первых проклятых проблем бытия? Сдается нам, что Нина Ищенко, где явно, а где и по случайному стечению мыслей, высоко оценивая цикл Веры Камши, имела причину и повод довести рассуждения не только до ворот империи, но и до грани смыслового перехода к вечному. Романная структура позволяет говорить философскими притчами, но не только. Она позволяет воплощать философию своего времени на самом разнообразном материале.

Книга самой Нины Ищенко может быть причислена к философским эссе, хотя возможно, это впечатление скрадывается иногда размерами и категоричностью утверждений. Но полемичность хороша, ибо заостряет наше внимание, не позволяет уйти в ослабляющий внимание, сугубо повествовательно-сопровождающий режим. Эссе большого размера? Ну что ж, границ эссе никто не ставил. Вспомним «Апологию Раймунда Сабундского» Монтеня. Эссе может

быть большим, главное, чтобы в отличие от статьи или отчета, оно содержало личную точку зрения. А философское эссе всегда содержит скорее философему, чем отклик на социальный заказ, в котором автор и критик встретились во втором социальном круге обсуждения.

Итак, философский круг первых и последних, проклятых вопросов бытия. Бытие как деяние – одна из формул реализма, а значит и литературной критики. Слово «реализм» многозначно. Реалистами в эпоху феодализма называли прежде всего платоников.

Утонченный платонизм в сражении идей виден лучше, чем в судьбе персонажей. Перед нами идеализированная модель магического мира, своего рода волшебный кристалл, завораживающий тех, кто любит фэнтези. И как всякий любящий он готов прощать, пока мы не покушаемся на сам жанр – род бытия.

Культура и цивилизация

В третьем круге предельными сущностями среди прочих называются культура и цивилизация. Именно в борьбе цивилизаций не без участия культур видится критиком смысловое противопоставление западного и русского кодов движения к самобытности (идентичности, их путаница существенна, но типична; быть собой не означает искать с кем бы себя отождествить, идентичность всегда отталкивание от другого). Критик не ставит слишком высокую планку: «Цивилизацией я называю, – пишет наш критик, – самый сложный из имеющихся на нашей планете социальный организм». И далее: «Культурной сейчас считается любая деятельность человека как существа общественного. Культура задает рамки и нормы человеческой деятельности, в культурной памяти хранятся образцы социально-приемлемых и социально-неприемлемых действий. Поведение окружающих и произведения искусства дают человеку примеры того как надо и как не надо себя вести» [1, 37]. Не густо, но и не пусто.

Но также важно понимание роли и ролей большого социального организма – цивилизации и тех, кто нашел или

ищет идентичности. «Цивилизационная парадигма реализуется в культурной идентичности людей, формируемых в рассматриваемом социуме. Культурная идентичность формируется всей жизнью общества…» Зацепимся за одну любопытную оговорку: «Немцы, единственные философы после греков…» Прекрасно, к ним и обратимся по поводу процесса цивилизации.

Классик анализа этого процесса Норберт Элиас в 1968, подводя итоги многолетних штудий, кажется, уловил суть. Сталкиваясь с такими феноменами как современные европейские страны или так называемые развивающиеся страны (в терминах критики «Отблесков Этерны» – колониальных государств и варваров), Элиас акцентирует вопрос: «как и почему в ходе тех длительных и определенным образом направленных общих процессов трансформации общества, за которыми у нас закрепился технический термин «развитие», одновременно происходят определенным образом направленные изменения в аффективном поведении, в человеческом опыте, в регулировании аффектов посредством внешнего принуждения и самопринуждения, а тем самым в известном смысле и во всей структуре человеческой экспрессии?» [4, 5]. Именно на фоне таких вопросов имеет смысл говорить о цивилизации и варварах или о том, кто более цивилизован, а кто менее. Длительные процессы, охватывающие ряд поколений и направленные на изменение структур аффективного поведения и форм контроля над людьми, составляют предмет его исследования [4, 6].

Теория цивилизаций – это прежде всего, попытка уяснить связи между долговременными изменениями в аффектах людей и средствах их контроля и долговременными фигурациями взаимодействий людей, что выступают следствиями повышения их интеграции и дифференциации, ведущей к таким цепям взаимных изменений как тот же государственный контроль. Процесс цивилизации имеет своим ядром структурные трансформации, которые ведут к упрочению и дифференциации контроля людей над аффектами и над своими переживаниями. Примерами могут служить

смещение порога стыда или боли или увеличение числа столовых приборов.

Обнаружение факта в поведении нескольких поколений требует его объяснения [4, 7]. На смену метафизической категории развития пришли теории социальных изменений. Речь не идет об эволюции как прогрессе, как его понимали в XIX веке, или о социальных неспецифических изменений, как их понимали в XX веке, но скорее о специфическом социальном развитии. Суть этого развития в изменении фигураций в долгосрочной перспективе, направленных как вперед, так и вспять социальных движений в их совокупности. Структурное изменение, зафиксированное в поведении людей, как бы мы его ни оценивали, можно рассматривать как подтвержденное в поколениях движение, как процесс цивилизации [4, 8].

Мы позволили этот длинный пересказ, дабы не утонуть в цитатах, но пересказ настолько вместительный, что теперь можно перейти к тому, что наш критик упрощает межкультурные взаимодействия до трех форм: сосуществование, контакт цивилизаций, столкновение культур [1, 44]. Мы бы добавили четвертую форму – взаимопроникновение культур, когда они под влиянием элементов чужого эволюционируют и мутируют, обмениваясь кодовыми элементами. Если бы этого не происходило, то никакое сосуществование не спасало бы от взаимного уничтожения или самоизоляции. Судьба Востока все более становиться Западом, но и наоборот.

Если смысл цивилизационного процесса, на чем не без оснований настаивает Элиас, в контроле над аффектами и переживаниями человека, то не есть ли роль искусства в хранении огня, что сжигает цивилизации? Если нерв смыслового искусства (реализм в широчайшем смысле термина, Юрий Бондарев) в преобразовании нравов, то мера контроля одновременно мера свободы / несвободы в человеческом измерении. Служение стихиям, как известно, не терпит суеты. Высшие смыслы хранятся в памяти поколений как парные категории смирения и бунта на стороне или против культуры. При равнодушии к рамке до поры до времени.

Рамочная конструкция цивилизации не примиряет людей. Когда человек (автор, критик, читатель, зритель и так далее), становясь объектом процесса цивилизации, замечают, что призывы к подавлению аффектов и переживаний становятся чрезмерными, бунт неизбежен. Любовь персонажей – простейший пример бунта против цивилизации. В неволе она не живет, потому асоциален адюльтер, условности делают его снова социальным, а он снова требует бунта – смена партнеров – природная реакция на условности социальной среды.

Варваризация также от подавленности – результат неуправляемого протеста и бунта. Саморазрушение индивидуальных структур – преобразование нравов ради сохранения общности – означает деградацию того жанра жизненного и культурного бытия человека, в рамках которого наблюдается усыхание человеческой свободы. Метафизику свободы оставим философам свободы. Тут лавры экзистенциалистов неоспоримы, тем более что среди них есть верующие и атеисты. Но диалектику освобождения (процесс, обратный отчуждения) питают истоки труда, общения, творчества, солидарной деятельности ради преобразования не только нравов, но и оснований рода бытия, отражением коего остается жанр.

Позволим, однако, еще одну цитату ради прояснений степеней свободы как результата творческого поиска: «Неситуативное осознание реально охватывает гармонично всеединство человеческих свобод в той мере, в какой оно создает объект всеобщего доверия и востребованности. Следовательно, писать – это значит одновременно обнаруживать мир и предлагать его в качестве труда, вмененного благородству читателя» [3, 66]. Эй, фандомщик, хватит ли благородства для чтения как труда извлечения смыслов гамбургского счета? Или ты – сомнамбула в фэнтезийных инфантильных туманах? Если такому читателю нравится играть, то... Но прежде, чем сказать про игру с собой в поддавки, а это напрашивается тоже само собой, в сказках про белого бычка (о, ужас, он же черный!) тоже ложь да в ней намек – фандомщикам урок...

Конфликт цивилизаций на луганской почве

Вспомнили, что обещали сказать про Луганск. Нужно ли ему фэнтези? Кто же спорит? Конечно. Нужна ли империя? Народной республике нужно – война мешает – становиться все более народной, привлекать граждан к управлению, не к русской, а к народно-самоуправленческой модели. А это значит формирование ответственных не инфантильных субъектов во всех сферах, включая искусство. Этому, как нам кажется, служит и новая книга с ее понятными поправками на ведущие тренды замкнутого пространства, в которых проглядывает уваровская троица – фантом в фандоме отечественном – православие, самодержавие, единение народа с царем. Это схлынет. Земля и люди останутся, кого не унесет ветром в очередном Круге Ветра…

А если победа врага над Народом республики? О, есть и крайности последствий: мода на дебилов – она проходит – да дебилы остаются. Они еще будут управлять теми, кто не станет сопротивляться. Нужна позарез литература, что собирает силы человека в свободе для деяний, для преобразования нравов.

В чрезвычайно интересной, захватывающей и одновременно основательной философской книге Нины Ищенко через бесконечно удачные примеры и сентенции, претендующие на значимые обобщения, есть редукция борьбы цивилизаций, противопоставления западного и русского мира как непререкаемых и неизменных сущностей, которым, как киплинговскому Западу и Востоку, с места не сойти. Модели поведения настолько исключают друг друга, что даже кантовская постановка вопроса о вечном мире показалась бы детской чепухой. Конфликт и крах одной из сторон неизбежен. Но так думали и сторонники абсолютизма в борьбе с раздробленностью, сторонники центров против периферий и регионов… Список можно продолжать до бесконечности.

Правда, у критика есть и боковой ход: китайская идея всеобщей гармонии кажется более приемлемой, чем вечный антагонизм, но есть страх за индивида, поглощенного социумом. Вспомним Бубера: в индивидуализме лицо человека искажено, в коллективизме скрыто. По-видимому, нет

хороших и плохих культур, шанс их сохранения – шанс разнообразного будущего. Взаимопроникновение культур – перемены кода неизбежны и популярные жанры искусства имеют к этому отношение. Ибо идентичность преследуется во всех сферах как желанный берег. Все цивилизации не вечны, а значит в чем-то плохи. Нет смысла противопоставлять здесь хорошее и плохое. Преобразование нравов нуждается во взаимном внимании. Жанр фэнтези известен умножением монстров и удовольствий от их изживания. Это потомок сказочки про белого бычка. Дитяти хотят такой конструкции, где хэппи-эндом является повседневная жизнь, но нужны нервные всплески. Зачем? Чтобы ощутить живительные токи аффектов и переживаний.

Постановка жанровых достижений и оплошностей в ряд серьезных и вечных проблем обнажает падение нравов как итоговую характеристику человека общества глобализации, информатизации и постмодерна. Надежда на то, что наши «Игры престолов» будут круче ихних, не решает проблемы подлинности посланий искусства. Книги Веры Камши не излечение инфантильности, а свидетельство болезненной инфантилизации как заданнго вектора читательского спроса. Виновата, разумеется, не Камша, а поворот от мира реализма даже посредством научной фантастики к фэнтези, поиск энергии заблуждения взамен поиска истин и преобразования нравов в ключе изменения мира, нуждающегося в грёзах фэнтези как клапане пересоздания чувственности современных «антигероев пустынных горизонтов общества потребления». Сами изменения в сериальной эпопее, однако, живое свидетельство преодоления инфантильности автором. Надеемся, что и работа Нины Ищенко будет способствовать деинфантилизации Веры Камши и ее читателей и продолжателей в играх фандомного мира.

Люди любят Игры. Игра – такая же часть их жизни, как питание или сон. Но не только люди играют, но, как неплохо показали Э. Берн и Й. Хейзинга, и игры играют людьми. Их цели часто неведомы даже создателям. А действительно, если творчество – спонтанная игра, то она тоже не имеет цели. Прячутся за Уайльда: «Всякое искусство совершенно

бесполезно», но, возможно, что прав Сартр: «Мы играем потому, что родились лжецами».

Литература

1. Ищенко Н.С. Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны». Луганск, 2021. – 159 с.
2. Ищенко Н.С. Локусы и фокусы современной литературы. – Луганск, Блиц-информ. – 2020. – 244 с.
3. Сартр Ж.-П. Что такое литература? – Москва, Издательство АСТ, 2020. – 448 с.
4. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Москва – Санкт-Петербург: Университетская книга. 2001. – Т. 1. Изменения в поведении слоя мирян в странах Запада. – 331 с.

КАКОВО БЫЛО ТАЙНОЕ ИМЯ РИМА?

Нина Ищенко
ninaofter@yandex.ru

В поисках ответа

Вопрос о тайном имени Рима интересен не только историкам и археологам, но и культурологам, и философам культуры. Это имя имело религиозное значение, причем связано было с самыми ранними архаичными представлениями, бытующими у разных народов, о власти, которую истинное имя дает над человеком или божеством. Тайное имя Рима было государственной тайной в период существования республики, когда древние культы были сильны, и было забыто в христианскую эпоху, когда в них перестали верить. Можно ли надеяться узнать это имя сейчас?

Рассмотрим версию о заимствовании этого имени вместе с культом волка у древнего до-римского населения региона. Этот вопрос привлек внимание неизвестного англо-

язычного автора, перевод статьи которого предлагается читателям. Во вступительной части статьи приводятся материалы, которые помогут оценить логику рассуждений историка, чья методология соответствует стилю мышления и работе с источниками сто лет назад.

Этот круг вопросов находится в фокусе внимания современных исследователей как в России (А. В. Гончаров), так и за рубежом (М. Риссанен, М. ди Фацио). Тайному имени Рима посвятил свою статью «Privileged Knowledge: Valerius Soranus and the Secret Name of Rome» профессор университета Беркли Тревор Мерфи в 2004 году.

В фокусе внимания

Взаимодействие раннего Рима с окружающими его народами ярко проявилось в разных сферах, включая религиозную. Уже в царскую и раннереспубликанскую эпоху религия римлян предстает прошедшей длительный путь от примитивных верований сельско-общинного характера до сложных культов с атропоморфными божествами, жреческими коллегиями и разнообразными церемониями [4, с. 42]. Открытость римлян другим культурам способствовала усвоению разных элементов довольно сложных религиозных систем этрусков и греков. У этрусков были заимствованы принципы устройства жреческих коллегий и система гадания [4, с. 44]. У греков были заимствованы культы нескольких божеств и введены новые формы поклонения богам [4, с. 45].

Однако наряду с развитыми сложными культами в римской религии раннего Рима сохранялись и древние, архаичные, примитивные культы, включающие человеческие жертвоприношения. Один из таких культов связан с дуальным божеством-покровителем Рима. Т. Мерфи считает, что культ божества-покровителя Рима безусловно относился к древнейшим и был связан со временем основания города Ромулом [2, с. 136].

Хотя задача узнать это имя трудна, но можно сделать некоторые предположения, опираясь на историю заимствова-

ния иноплеменных культов в период раннего Рима. Вниманию читателя предлагается перевод текста «Каково было тайное имя Рима», который можно найти в сети Интернет по ссылке:

http://hwlabadiejr.tripod.com/roma.htm/.

Автора текста установить не удалось. Опираясь на данные, приводимые в самой статье, можно сказать, что это работа первой половины XX века, когда этнография располагала большим материалом, и впервые начала применять общие заключения к истории классических обществ – Греции и Рима. Автор ссылается на письменные источники – античные писателей, которые комментируют друг друга. Кроме того, он использует в своем тексте идеи английских антропологов Дж. Фрэзера и Р. Грейвса, которые к настоящему времени получили большое развитие, но в своем первоначальном виде не используются как ориентиры в работе современных исследователей.

КАКОВО БЫЛО ТАЙНОЕ ИМЯ РИМА?

Постановка проблемы

Вот интересный вопрос (который Тиберий не должен был задавать и на который не ответили бы, если бы он был задан), отмеченный сэром Томасом Брауном в его «Лженауке суеверий» («Pseudodoxia Epidemica») (Книга 1, глава 3), возникший вследствие заявления Плиния Старшего в «Естественной истории» (Nat. Hist. III.65):

cuius alterum nomen discere nisi arcanis caerimoniarum nefas habetur.

другое имя Рима, которое грешно открывать кроме ритуалов в мистериях.

В отличие от современных ученых, я принимаю современное прочтение. Цитата, как она была известна во времена Брауна и как она появляется в его заметке, звучит так: cuius alterum nomen discere secretis ceremoniarum nefas habetur. Оригинальное прочтение несомненно превосходит предложенные варианты. Использование родительного па-

дежа с глаголом discere затрудняет передачу смысла на английском языке. Точный перевод был бы следующим: *Сам Рим, чье имя, о секретных ритуалах которого грешно говорить*, и так далее. С другой стороны, в имени сосредоточено самое главное в тайных мистериях богини Ромы, и о мистериях в целом грешно говорить. Само имя не выделяется особой секретностью, но включается в более широкий запрет. Разглашение любой части мистерии было бы одинаково святотатственным, хотя имя само по себе было наивысшей тайной своего времени, от сохранения которой, как тогда верили, зависело благополучие всей Римской державы. По смыслу современной версии акцент делается на разглашении имени, которое более святотатственно, чем разглашение тайны мистерий, но по смыслу самой цитаты понятно, что имя можно было произносить только во время указанных ритуалов.

Имя существа, как мы уже обсуждали (см. выше, касательно сирен), будь то существо смертное или бессмертное, было магическим словом силы. Римляне, как и почти все остальные народы, считали, что знать настоящее имя некоего существа – значит иметь власть над этим существом. Можно повелевать или навредить существу, чье имя вызывается.

В случае города или народа существовало поверье, что гения или охраняющее божество можно убедить или заставить покинуть свой пост хранителя города, и таким образом ослабить защиту тех, кого божество оставило. Обычной практикой римлян, когда они осаждали город, было молить гения города оставить осажденных и перейти к ним, обещая, что его будут гораздо больше почитать среди римлян, чем это было до сих пор среди его родного народа.

Плиний, (там же, XXVIII. 18), перефразируя Веррия Флакка, собирателя древностей предыдущего века:

in opugnationibus ante omnium solitum a Romanis sacerdotibus evocari deum cuius in tutela id oppidum esset promittique illi eundem aut ampliorem apud Romanos cultum. et du-

ret pontificum disciplina id sacrum, constatque ideo occultatum in cuius dei tutela Roma esset, ne qui hostium simili modo agerent.

...во время осады по обычаю римские жрецы вызывали богов-покровителей вражеского города и обещали им то же ли даже большее почитание среди римлян, и потому скрывали имя собственного города, чтобы другие не поступили так же.

Среди древних войны между народами были состязанием между соответствующими богами этих народов, которые выступали во главе сражающихся армий. Поражение одной армии естественно рассматривалось как поражение божества этой армии богом победителей. В историческом аспекте, когда религия города или народа подвергается изменения, наиболее вероятное объяснение этому – проигрыш в войне и приятие богов противника. Вытеснение божества в мифе так же может быть рассмотрено как завоевание. Переход божества от одного народа к другому может быть предложен самим божеством, как в случае Великой Матери богов, которая дала знать посредством землетрясений царю Атталу Пергамскому, что она хочет переехать в Рим.

Когда тайное имя божества было известно, можно было добиться своего угрозами, если божество не соглашается похорошему. Таким образом, важнейшим вопросом национальной безопасности было сохранение тайного имени гения города только среди тех, кому можно было доверять, и кто не раскрыл бы это имя. Фактически, Плиний говорит (Nat. Hist. III. 67), что один человек, который был настолько глуп, что раскрыл это имя, очень плохо кончил (см. ниже). Каково же было это тайное имя?

Трудности

Без сомнения, это один из самых запутанных вопросов, которые можно вообразить. В то время как гений Рима в ее олицетворенной форме звался Рома и таким образом богиню изображали на монетах, у нее было официальное публичное имя Ангерона, и ее праздник отмечался 21 декабря. Ее статуя, снова следуя Плинию, представляла Ангерону с

повязкой, закрывавшей рот, очевидно, чтобы она не открыла свое собственное имя и удержала тех, кто служит ей, от ее именования. Тайное имя этой богини, которое, кстати, было настоящим именем самого города, было известно только очень узкому кругу людей и произносилось только теми, кто служил богине на ее ритуальных праздниках, то есть коллегией ее жрецов. Великий понтифик тоже, без сомнения, знал это имя, как и главная весталка, а также, с императорского времени, глава государства, принцепс или император, который обычно принимал титул и обязанности верховного понтифика. В наши дни за исключением верховного понтифика, которого не волнует имя языческого божества, все эти титулованные особы исчезли.

Существует некоторая путаница относительно внешнего вида статуи Ангероны. Некоторые писатели утверждают, что она изображается с пальцем, прижатым к губам, а не с повязкой, закрывающей рот. Однако это несовпадение могло появиться из-за использования информации из вторых рук, потому что те же самые авторы обычно утверждают, что Ангерона считалась богиней молчания и страдания, заставляя заключить, что поздние ее именования основаны на фальшивой этимологии, которая выводит ее имя из корня, означающего «суживать или сдавливать», от которого произошло слово «anguish», «страдать». Возможно, что, услышав о существовании в Риме статуи, изображающей богиню, чей палец поднят к губам, писатели естественно ассоциировали ее с Ангероной, чьи статуи имели атрибуты, указывающие на молчание и тайну. Таким образом, она также стала богиней Молчания, по крайней мере, в литературе. Можно вспомнить об изображениях среди египтян богини Маат, чьи глаза иногда изображают покрытыми повязкой при взвешивании сердца умершего по сравнению с Пером Истины (откуда происходит фигура слепого правосудия) и о фигуре Гамархиса (Гора), который показан как ребенок с пальцем, прижатым к губам, поза, которая возможно указывает на смазывание губ в различных церемониях, таких как «отверзание уст» покойника, а не связано с

молчанием. Женская статуя в Риме с пальцем на губах может также указывать на смазывание губ со схожей целью, такой как получение оракула. Этой богиней могла быть Мефитис, чей оракул был в Ампсанке. Также возможно, что Маат и Гамархис каким-то образом смешались, потому что египтяне говорили, и даже рисовали Маат (горизонт), обнимающей Гора (Гамархиса как дневное солнце) дважды в день, на заре и на закате.

За одним исключением, которое упомянуто Плинием, все знающие имя Рима, по-видимому, соблюдали свою клятву. Как же мы можем надеяться открыть имя, которое честно хранилось более тысячи лет и было забыто примерно столько же времени? Однако существуют некоторые подсказки.

Бесценная подсказка

Сам Плиний дает намек в процитированном фрагменте, хотя он и неочевиден, если его не сопоставить с другими крохами информации, собранными в разных источниках. Отметив, что запрещено произносить священное имя божества, Плиний называет и нечестивого нарушителя священного обета:

optimaque et salutari fide abolitum enuntiavit Valerius Soranus, luitque mox poenas

Валерий Соран нарушил священную клятву, но погиб за это злой смертью

Этот Валерий Соран с наибольшей вероятностью идентифицируется как Квинт Валерий Соран (около 100 г. до н. э.), некогда известный римский собиратель древностей и поэт, чье знание римской истории Марк Лициний Красс считал безупречным.

Это подтверждается авторитетом Роберта Грейвса. Я не мог найти исходную цитату из Красса, но Грейвс обычно указывает достоверные источники. Если Плиниев Валерий Соран не тот же самый человек, это не столь важно для данного рассуждения. Полный перевод цитаты из Плиния, продолжающий здесь раннюю цитату, гласит: «самой Ромы,

другое имя, о секретных ритуалах которого грешно говорить, Валерий Соран открыл, нарушив высочайшую секретность и доверие, и вскоре после этого был покаран». Можно спорить, было ли преступление на самом деле совершено.

По меньшей мере, по имени это был человек дважды удачливый. Квинт и Валерий был любимыми именами римлян, и люди с такими или похожими именами обычно отбирались, чтобы приносить жертвы или для новых начинаний, из-за благоприятного значения их имен (Фрэзер в «Золотой ветви» цитирует множество источников). Таким образом, неудивительно, что человек по имени Квинт Валерий Соран знал священное имя богини-покровительницы Рима, возможно, вследствие того что он был отобран в коллегию жрецов в ее храм. Почему он предал народное доверие? Имея историческое и литературное образование, он очевидно разделял скептицизм всех историков, даже той эпохи, и он мог проговориться о неназываемом имени, думая, как и сам Плиний, что эти магические запреты не имеют смысла (или он просто испытывал свою удачу). Как или почему было совершено это преступление, не имеет значения, но само имя не было включено в его историю. Какая польза от такой информации? Сама по себе она, конечно, бесполезна. Однако в сочетании с другими данными Плиния, расширенными указаниями иных источников, она необычайно полезна.

Боги Сорakта

На горе Сорakт, в двадцати пяти милях на северо-восток от Рима, расположен очень древний храм, в котором служит коллегия жрецов, состоящая из небольшого числа коренных семей самнитского происхождения, которые называются Гирпины (Hirpini). (В той же местности был оракул, что означает вулканизм близко к земной поверхности, как это подтверждает Плиний).

Плиний (Nat. Hist., II, 208) замечает, что смертоносные испарения, которые собираются на поверхности долины в Ампсанке и возле Сорakта, оба в стране гирпинов, и могут убивать птиц и людей. Сульфид водорода и диоксид серы

оба чрезвычайно токсичные составные части вулканических извержений и могут убивать ничего не подозревающую жертву. Также об этом говорит Вергилий (Энеида, VII 84, 568). Оракул по всей видимости принадлежал богу или богине Мефитис, у которой был храм в Ампсанке, и из имени которой было образовано и ныне употребляемое слово «mephitic», «ядовитый». Эти испарения считались «дыханием Дита».

Есть известие, что оракул и храм принадлежали Аполлону. Как Экван у Силия, так и Аррунций у Вергилия названы жрецами Аполлона. Ритуалы божества в этом храме настолько исключительны для Италии, что среди римских авторов, который нашли их достаточно странными и загадочными, чтобы упомянуть в своих работах, были Вергилий и Силий Италик. В обязанности этих жрецов входило ежегодно ходить босиком по тлеющим углям, полученным от соснового дерева. Те из них, кто был чист и не запятнан, проходили сквозь огонь невредимо, забывая о боли, в то время как те, в ком божество находило какую-то вину, страдали от огня, как и все обычные люди (Плиний (там же, VII, 19)). Современные реконструкции этого ритуала более естественнонаучные, чем духовные, секрет видят во влаге, которая смачивает подошвы, или в поте и каплях росы на траве. Ритуал обычно проходил вечером, когда трава влажная и огонь догорает до пылающих углей. Нет необходимости упоминать временное пребывание Седраха, Мисаха и Авденаго в огненной печи или говорить об «испытании огнем», чтобы рассматривать этот ритуал как испытание чистоты веры участников.

К этому ритуалу применялся термин «окуривание», потому, как было предположено, что более действенным был дым, а не огонь, и приношения божеству очищались, когда жрецы проносили их сквозь дым, поднимавшийся от курящихся поленьев. В любом случае, какова бы ни была цель этого действа, оно считалось настолько жизненно важным для сохранения благополучия Римской державы, что сенат навечно освободил от всех других обязанностей представи-

телей тех семей, из которых набирались жрецы. Этот момент должен быть осознан во всей его подлинной значимости. Насколько нам известно, действительно исключительный аспект этого ритуала касается не огненного испытания, а освобождения от обязанностей (которое называлось вакацией), которое получили его исполнители и их семьи.

В Риме бывали случаи, когда семья, сослужившая исключительную службу городу, обычно на войне, освобождалась от некоторых гражданских обязанностей на протяжении ограниченного времени. Например, в республиканский период семьи, которые потеряли сына в битве или которым грозила опасность угаснуть, могли быть освобождены от обязанности послать оставшегося сына в легионы как способ сохранить семью, от устойчивости которой, по тогдашним представлениям, зависела сама сила Римской державы. В ранний императорский период Август снимал некоторые налоги с молодых людей, которые женились и завели детей, и штрафовал одиноких мужчин, которые отказывались жениться. Но такое исключение обычно действовало только для одного поколения (как пожизненное пэрство) или до тех времен, пока сохранение семьи не было гарантировано. Чтобы целому семейству или клану было даровано такое исключение, включающее все формы гражданских обязанностей, является практически беспрецедентным, но чтобы римский народ и сенат даровали такие привилегии целой группе семей иностранного, фактически самнитского происхождения, это просто ошеломляюще. Только наиболее исключительная и сущностная связь с благополучием Римского государства могла гарантировать такую привилегию.

Фрэзер счел вопрос об огненном испытании столь важным для своего исследования, что собрать коллекцию ссылок об этом («Золотая ветвь», XI 14 – 15 и примечания), и на этом источнике мы можем основывать свои заключения. Самнитский род, из которого набирали жрецов, звался Гирпины (Hirpini) и возводил свое появление в этой области к незапамятным временам («Золотая ветвь», IV 186 и примечания 4 и 5). (У некоторых народов существовал обычай

приносить в жертву ради плодородия всех перворожденных, как людей, так и животных. Позже эта жертва была смягчена и включала только животных, с последующим изгнанием взрослых детей для основания колонии в месте, которое выбрано для них божеством). Бог, который привел посвященных детей самнитов на Соракт, принял форму волка (от самнитского hirpus), и эти люди стали известны как Гирпины. Бог, чей храм был построен на горе, звался Соран, и жрецами этого бога были гирпы Сораны (hirpi Sorani), волки Сорана.

Тождество Сорана и Ангероны

Теперь должно быть очевидно, что (Квинт) Валерий Соран был членом этих высоко почитаемых Гирпинов, фактически одним из гирпов Сорана (это доказано Варроном в книге «О латинском языке»:

flamines, quod in Latio capite velato erant semper ac caput cinctum habebant filo, f<i>lamines dicti. horum singuli cognomina habent ab eo deo cui sacra faciunt; sed partim sunt aperta, partim obscura), и он имел особе отношение к безопасности самой важной тайны Рима.

Он узнал эту тайну благодаря своей семейной истории, и возможно, что наказание, которое он претерпел и о котором говорит Плиний, совершилось во время огненного испытания, в котором его нечестие было доказано и требуемое возмездие взыскано.

Если, как мы обосновали, Квинт Валерий Соран был покаран во время ритуала божества Сорakта, тогда мы должны заключить, что существует теснейшая связь между этим божеством и богиней-покровительницей Рима, потому что один бог обычно не наказывает за преступления против другого божества. Божественная коллегиальность примечательна разве что ее отсутствием. Далее, кажется невероятным, что жрец божества Сорakта, который благодаря этой наследственной службе освобожден от всех других государственных обязанностей, был также жрецом Святыни Города, разве что эти божества были одним и тем же богом

(боги по своей природе ревнивы). Хотя не существует точного соответствия, божество Соракта иногда звалось Ферония. Божество Соракта также иногда называли Осцином, предполагая, что оски также были под его защитой. Это выглядит как непроизвольная попытка скрыть, какому божеству на самом деле служат в храме на Соракте.

Божество Рима иногда называлось Агенория или Агерония. Среди греков Орхомена был праздник под названием Агниория, во время которого проводилась охота, в ходе которой жрец Диониса должен был поймать и убить одного из участников ритуального бега. Возможно, ритуал Соракта изначально задумывался как кровавая жертва, которая полностью объясняет, почему была дарована вечная вакация семьям, поставляющим жрецов-жертв. Жертвы Агниории были также из высшего круга, являясь членами королевского дома. Орк был старым латинским богом подземного мира, римским Дитом. В своей комбинированной форме Lupus Orcus, Луперк, он был богом пастухов, который охранял их от волков. Пастухи, конечно, старались умиротворить духа-волка, чтобы защитить свои стада.

Можно легко установить этимологическое происхождение через Санкуса, сабинское божество, от Сорана к Священному Городу (Sacra Urbs). Весьма вероятно, что сабинский бог Санкус является богом Соракта, а именно, корень Санкуса восходит к корню sancio, SAC, который имеет отношение к корню слова «волк» (по-гречески «ликос»). Соран можно считать местной самнитской или испорченной формой слова «Санкус». Идентификация подтверждается именем Ангерона и ее вариантом Агенория, которые происходят от слова, обозначающего ягненка, agnus, и жертвенное животное, agonium, которое очевидно представляет жертву-овцу. Жрецы бога Санкуса звались Биденталами, и они приносили своему богу в жертву двухлетнюю овцу, bidentes (bidens – это также название двусторонней мотыги. Возможно, что крестьяне применяли такую мотыгу, чтобы оглушить животное перед убийством, и потому жертве дали имя бидентес). Таким образом, мы видим взаимодополни-

тельные культы, служащие одному и тому же божеству, которое имеет мужскую и женскую ипостась, которому служат жрецы, половина которых зовется Волки (Сораны, Ферония), а половина – Овцы (Санкус, Агенория/Ангерона.) Древность культа Санкуса в Риме засвидетельствована Плинием (там же, VIII, 194), который пишет, что до сих пор в храме Санкуса висят прялка и веретено для пряжи шерсти, которые повесила Цецилия, жена Тарквиния Гордого, пятого царя Рима. Плутарх утверждает, что она была даже старше, так как он говорит, что римляне и сабиняне приняли богов друг друга во время договора между Ромулом и Татием. На подножии статуи Санкуса была надпись, записанная Тертуллианом, которая выглядит следующим образом: «Sanco sancus Semon. Dio Fidio sacrum decuria sacerdotum bidentalium».

Варрон показывает, что Семон Санкус – точный синоним высшего божества, которого звали Аполлоном, Дием или Зевсом, в то время как Сервий утверждает, что Соран, божество Сорakта, был отцом Дия, Отца волков. Таким образом, Соран (Уран, Отец всех богов) и есть Семон Санкус.

Лексикограф Чарлтон Льюис (Charlton Lewis) заходит так далеко, что выводит самнитов из сабинян, что произвело бы самих самнитов от сабинского племени как отделенных в результате жертвы перворожденных и постепенно выросших в отдельный народ. Это объяснило бы присутствие гирпинов на сабинской территории, а также их владение святилищем и жреческую службу Сорану: они, как потерянное племя, пришли на самом деле на Соракт в другой, позднейшей жертве перворожденных, теперь уже самнитского народа, который заявил свои права рождения. На основе этимологических правил изменения согласных, открытых Скавром (Об орфографии), изменение, которое Льюис предположил гипотетически, может быть доказано.

"b" cum "p" et "m" consentit, quoniam origo earum non sine labore coniuncto ore respondet. a quo quem Graeci Purri/an nos Byrriam, et quem <nos> Pyrrum antiqui Burrum et Palatium <Balatium>, item Publicolam Poplicolam: et alii scamil-

lum, alii scabillum dicunt: aut cum ab eadem voce duae gignuntur, ut ab eo quod est princeps et caelebs principis et caelibis, nec minus e contrario in verbis, cum <a> carpo et scribo carpsi et scripsi proferimus.

Варрон (О делах человеческих) прямо утверждает, что самниты были сабинянами.

Еще одно важное замечание, что сабиняне были исключительно плодовитыми и основали множество колоний, среди которых Мамертин в Сицилии, получивший имя от оскского бога войны Мамерка, имя Марса в Риме. Мамертинцы, которые говорили на архаичной форме латыни, нападали на Пирра Эпирского, нанося довольно значительные потери во время его отступления из Сицилии и Италии.

Мимоходом можно также указать, что северная великанша Ангаброда (Ангурбода), мать волка Фенрира и богини Хель, похоже, как-то соотносится с Ангероной. Сходство имен и присутствие волка в каждой истории, по крайней мере с моей точки зрения, указывает на родство, если не на идентичность. Странно, что единственным народом, когда-либо взявшим Рим в республиканские времена, были галлы. Могли они знать тайное имя из-за того, что знали Ангурбоду?

Что касается Феронии, божество Соракта оказывается одновременно мужским и женским, и возможно заключение, что священнодействие на Соракте проводилось для пары божеств, возможно, для Сорана и Сорании, таких же, как другие местные италийские божественные пары, Фавн и Фавна, Янус и Яна, Дианус и Диана. Также по этой модели – Беллус и Беллона. Мы можем вывести «Беллус» от его древней формы «duellus» и его корней DVA, DVI, которые означают «два», «делить на две части». Таким образам, воинственная пара, Беллус и Беллона, являются двойственной целостностью. То, что римляне называли браком богов, было на самом деле сексуальной дуальностью, то есть андрогином. Беллус, таким образом, латинский бог войны, предшествовал римскому Марсу, который по политическим мотивам должен был взять Беллону, свою в прошлом предшественницу, в жены.

Изменение из Сорании в Феронию достаточно небольшое, чтобы его можно было допустить. Но даже если этого не делать, имеется достаточно свидетельств, основанных на связи между культом Сорана и Агеронии в особе Квинта Валерия Сорана, чтобы отождествить эти культы, по меньшей мере в богослужении их женской ипостаси. В таком случае, могло ли божество Рима зваться Соранией?

Возможные ответы и возражения

Было бы слишком поспешно ожидать, что мы найдем тайное имя так легко. Если бы это было так, это не был бы такой уж большой секрет. Однако выявленная связь все же существует, и вывод о тождественности божеств как минимум в женской ипостаси, кажется строго обоснованным. Вопреки этому, использование имени божества как простой фамилии было бы слишком очевидным. Что еще общего имеют между сбой гирпы Сорана и римляне?

Дальнейшие свидетельства

Два существа были священными животными Марса и должны быть разделены, если рождались близнецами – это волк и дятел. Волк, как мы увидели, привел, согласно поверью, Гирпинов в их землю обетованную. Как часто случается, дятел исполнил ту же роль для другого самнитского племени, Пиценов (от picus – дятел), и известно, что дятел был священной птицей Феронии, женской ипостаси божества Соракта. Появление как птицы, так и волка в истории Ромула предполагает, что первые римляне были обязаны обоим племенам, и этимология подтверждает это заключение. Жрецы, исполняющие огненное богослужение, как мы сказали, звались гирпы Сораны, волки Сорана. В настоящее время волк по-латыни будет «lupus». Hirpus, как представляется, не распространен в латинском. В то же время слово это очень древнее и имело первостепенную важность для Римской державы. Интересно, что хотя hirpus не вошел в вульгарную латынь, picus вошел. Это весьма многозначи-

тельно. Возможно, что превосходство волка над дятлом отражено в триумфе Ромула над Ремом. Имеются ли какие-то особые причины, по которым hirpus не получил распространения? Возможны ли какие-то особые причины, которые исключили ассимиляцию этого слова?

Легенда о вскармливании Ромула и Рема волчицей показывает, насколько важным было это слово для Рима. Если бы не волчица, основатель Рима не выжил бы на одних хлебных крошках, и Рим не был бы построен. Другими словами, само существование Рима было обязано действиям волчицы. Возможно ли, что богиня-волчица Гирпинов была богиней-волчицей Рима? Не может ли самнитский бог-покровитель Гирпус (или Гирпа) быть божеством, которое Ромул считал своей личной покровительницей, божеством, которое установлено как защитница его нового города и носительница его истинного имени? Может ли тайным именем Ромы быть Гирпа?

Отступление

Отступая в сторону, во время исследования о женском имени Ахилла нам уже доводилось упоминать античный анекдот о рождении ребенка женщиной-лигурийкой, которая, когда он был ей передан, унесла его в чащу леса и вернулась к своей работе в поле. Кроме иллюстрации суровости того народа, это отблеск реального происхождения многих важных сюжетов: это сюжеты об усыновлении. Здесь показан легальный (то есть священный) процесс, посредством которого ребенок натурализуется как член клана или делается богом этого клана. В этом ритуале настоящая мать притворяется, что бросает ребенка в чаще, в лодке или корзинке (в корыте в истории Ромула и Рема), и женщина или мужчина из племени, в который ребенок принимается, притворяется, что находит ребенка и делает его членом собственной семьи. Через своих приемных родителей ребенок становится членом клана. Эта церемония усыновления может применяться ко взрослым, которые должны пройти через такое же символическое перерождение и нахождение перед

тем, как их примут в клан. Это подразумевает преднамеренное оставление ребенка его биологическими родителями.

Представив на минуту, что свинопас Фавстул был гирпином, мы должны будем заключить, что Ромул был усыновлен в племя гирпинов и что бог-покровитель этого племени Гирпус/Гирпа стал его собственным. Сказать, что он был выкормлен волком, все равно что сказать, что он был усыновлен и принят в клан. Это может быть легендарное прочтение исторических взаимоотношений римлян с местным народом этой земли. Римляне, как пришельцы, могли заключить пакт или договор с гирпинами, и часть механизма договора могла включать усыновление римлян, в виде их вождя, в клан гирпинов, и давала таким образом римлянам те же права. Волчица-богиня тогда становилась покровительницей Рима и давала свое священное имя городу, навечно связывая римлян с гирпинами. Был ли Фавстул гирпином? Свидетельства косвенные, но ничего не противоречит этой версии.

Во-первых, Фавстул был свинопасом. Он не был, следовательно, из местной аристократии троянского происхождения, хотя некоторые из троянцев сами произошли от пастухов. В Альбе, как и в любой стране, завоеванной пришельцам, аристократы были пришельцами, а местные жители оказались побежденными. Так было в Британии после норманнского завоевания, так было в Америке после прибытия европейцев. Во-вторых, когда он нашел детей, он заметил, что они красивее и большего размера, чем обычные дети, и заподозрил их благородное происхождение, что заставляет предположить его собственное низкое происхождение. В-третьих, его женой был Ларенция, которая по традиции была проституткой. Помимо Юстиниана (и некоторых еще более сумасшедших императоров), проститутки не были женами аристократов. Фавстул не был троянцем, он был низкого происхождения, и был женат на проститутке, но это не делает его гирпином. Он мог быть этруском, оском, сабинцем, самнитом и так далее. Однако есть еще один ключ, который заставляет предположить, что Фавстул имел гирпинское происхождение, и дает его нам Плутарх.

В своей биографии Ромула Плутарх повторяет утверждение, что Акка Ларенция (как он называет Ларенцию) была проституткой, и добавляет, что римляне зовут проституток волчицами, и отсюда появилась история, что близнецы были выкормлены волчицей. Он продолжает свой рассказ, и говорит, что она почитается римлянами возлияниями «в апреле на праздник Ларентин». Это очень странная ошибка, потому что Ларентины в декабре, как и праздник Ангероны. Самый большой праздник апреля – Палилия (или Парилия) в честь Палии, и он празднуется как дата основания Рима. В этот праздник стада проводят сквозь серный дым, и пастухи перепрыгивают через три горящих соломенных стога. Такая очевидная ошибка кажется нехарактерной. Такое ошибочное смешение праздников кажется еще более примечательным в свете того, что через несколько страниц в своем рассказе он правильно помещает Палилии в нужный срок, так же как и Луперкалии в феврале. Плутарх был знаком с римским календарем. Была ли это намеренная ошибка, посредством которой он мог сказать не прямо, но привлекая внимание к реальной дате Ларентин, что с этой историей связан волк Гирпинов? Ведь выскажи он это прямо, это было бы слишком похоже на разглашение священной тайны. Или это была случайность, подсознательное объединение двух дат? Какова бы ни была причина, идея сближения Ларентин, Палиллий и Ангероналий (а также Луперкалий, кстати) прозвучала довольно выразительно. Предположение, что Фавстул и Ларенция были гирпинами, разумно, хоть и небезупречно. Заключение основано на имеющихся данных.

Итоги

Подводя итоги аргументации той теории, что Гирпа было именем божества Рима, вспомним, что hirpus было словом настолько редким, что оно не было широко известно обычным жителям, а мерой сакральности слова является его редкость в повседневном употреблении. Во-вторых, Ферония и Ангерона, похоже, были одним и тем же божеством, женской ипостасью Сорана, бог-волк звался сабинянами

Санкус и почитался под таким именем в Риме. Что культ не был размещен в Риме, уберегало его от обнаружения врагами Рима.

Храм на Соракте был захвачен отрядами Ганнибала в 211 г. до н. э. (Ливий, XXVI, 11 – 12). Без сомнения, это объясняет внезапную смену его удачи и уверенность, проявленную римлянами. По поводу этих последних Ливий рассказывает удивительную историю: земля, на которой Ганнибал расположил свой лагерь, была выставлена на продажу до того, как ее захватил Ганнибал, и вопреки всякому вероятию, была продала после его захвата без какого-либо уменьшения цены. Ганнибал, естественно, был огорчен этим известием. Он не узнал тайное имя Рима от гирпинов, должен был утешаться, гарцуя со своей конницей, бессильный, под стенами города. Если бы он оказал больше почтения богу Сораkта, все могло повернуться иначе. Его солдаты, более мудрые и благочестивые, чем их полководец, принесли бронзовые монеты, чтобы почтить божество, чью святыню им приказали разрушить.

То, что культ как-то соотносился с Аполлоном или другим божеством, делало его еще более таинственным. Феб обычно захватывает чужие почести и оракулы других богов, как случилось с оракулом Пифии, например, которому Фемида передала свою силу перед свержением. В Ампсанке, однако, это вытеснение выглядит как дезинформация, хотя, если Фрэзер правильно приписывает атрибуты небесного божества Семону Санкусу, идентификация с богом солнца может быть оправдана. Аполлон имел среди своих многочисленных титулов прозвище Волк и Убийца Волков. Конечно, соединение сабинского бога в имени долины и оракула достаточно ясное свидетельство, чтобы отождествить Сорана и Санкуса как титулы, принадлежащие одному и тому же божеству.

В-третьих, существует персона Валерия Сорана, который был жрецом как Ангероны, так и Феронии. По отдельности эти указания – Валерий Соран, покаранный за оскорбление божества Ангероны, культ Сорана на Соракте, где жрецами были гирпы Сорана, выдающаяся роль волка с

легендарной истории как самнитских гирпинов, так и римлян, могут и не поддержать нашу аргументацию, но собранные воедино, они дают существенную нить, которая связывает божество, почитаемое на Соракте с гением-покровителем Рима.

Ответ

Таким образом, весьма вероятно, что Гирпа, или какой-то вариант этого слова, и было тайным именем богини и города, которому она покровительствовала.

Итак, переведенная для данного издания статья написана около ста лет назад, и многие методы современной науки были автору недоступны. Его методология – анализ античных текстов с привлечением некоторых сведений по этнографии, которые были известны науке того времени. Однако по ряду причин этот текст не утратил своей значимости до наших дней. Проанализируем позицию современных исследователей по ключевым моментам рассуждения, которые мы перечислим.

Автор статьи исходит из сообщения Плиния Старшего, что за разглашение тайного имени Рима был покаран Валерий Соран. В статье показывается родство рода Соранов с культом божества горы Соракт, обосновывается местное, доримское происхождение культа и рассматриваются пути усвоения этого культа древнеримской религией. В работе также утверждается дуальный характер божества Соракта, реконструируется его культ, показывается его архаичный характер, включающий человеческие жертвоприношения, и предполагается, что тайное имя Рима было одним из имен божества Соракта.

В статье показано, что к жрецам божества-покровителя города принадлежал Валерий Соран, живший в I в. до н. э. Связь божества Соракта с известными историкам Соранами демонстрируется на лингвистическом материале, доступном филологу начала XX века. Глубже проанализировав взаимные влияния древних диалектов северной и центральной Италии, современные лингвисты приходят к тому же

выводу о родстве названия горы Соракт и имени Валерия Сорана, которое автор статьи делает одним из центральных моментов рассуждения. Как указывает Риссанен, происхождение имени Соран прямо из названия горы Соракт лингвистически невозможно, однако родство между именами безусловно существует [3, с. 118].

В районе горы Соракт найдены две надписи религиозного характера, посвященные Аполлону Сорану [3, с. 118–119]. Современные исследователи принимают точку зрения Дж. Колонна, который предложил деривацию имени Соран из языка этрусков, в религии которых существует бог очищения и пророчества Сури [3, с. 119], близкий в этом качестве Аполлону.

Согласно последним данным, подробности культа на горе Соракт не подтверждены археологически и точное местоположение святилища до сих пор неизвестно [3, с. 121]. Современные исследователи реконструируют ритуал, опираясь на данные античных писателей, так что в этом центральном вопросе всего изложения статья не устарела. Также в новых работах показано, что культ волка был распространен в центральной Италии (см. карту в статье Риссанена [3, с. 125]), чем объясняются находки изображений волка в разных локациях (изображения ритуалов с участием волка приводятся в той же работе, см. [3, с. 125 – 133]). Объединение Сорана с Феронией в божественную дуальную пару, играющее заметное место в статье, поддерживается современными исследователями [1, с. 234].

Также в настоящее время разделяют гирпов Сорана и гирпинов, признавая гирпинов, как и автор статьи, самнитами, а гирпов Сорана, в отличие от автора статьи, – фалисками [3, с. 123–124]. Однако родство между этими италийскими племенами вполне вероятно, и в целом миф о том, как гирпы отделились от гирпинов, может иметь под собой историческое основание.

Важное место в современных исследованиях культа горы Соракт занимает сравнительный анализ ритуала гирпов Сорана и римских Луперкалий [3, с. 124–126]. Наш ав-

тор не уделят большого внимания этому вопросу, хотя упоминает Луперкалии как свидетельство того, что волк был священным животным для римлян и культ волка является одним из самых архаичных в римской религии.

В целом данные современных авторов не противоречат основной версии статьи. Хотя точных данных у нас нет и вряд ли они появятся, но имеющиеся материалы позволяют составить общее представление о древнем культе волка, который был заимствован у гирпов Сорана и включен в римскую религию в ранний период римской истории. Предлагаемая читателю версия разгадки тайного имени бывшей столицы мира – повод еще раз обратиться к истории раннего Рима и по-новому взглянуть на известные факты и идеи.

Таким образом, включение иноплеменного культа гирпов Сорана в религиозную жизнь древнего Рима выступает как один из механизмов интеграции и трансляции инокультурного элемента в архаичном поликультурном сообществе. Тайное имя Рима хранилось в римской культуре в течение нескольких столетий, что демонстрирует высокую степень надежности религиозного канала сохранения важной информации, включенной в культурное ядро. Религиозная традиция культа гирпов Сорана, восстановленная с помощью филологического анализа и археологических исследований, позволяет проследить работу значимого механизма сохранения культурных архетипов. Анализ подобных случаев в менее архаичных культурах представляется перспективной задачей будущих исследований.

Литература:

1. Di Fazio, M. Gli Hirpi del Soratte // Tra Roma e l'Etruria. Culture, identita e territorio dei Falisci. A cura di Gebriele Cifani. – Roma : Edizioni Quasar di Severino Tognon S. r. l., –2013. – P. 231 – 264.

2. Murthy, T. "Privileged Knowledge: Valerius Soranus and the Secret Name of Rome." In Rituals in Ink J. Rüpke, ed. – Franz Steiner Verlag, 2004. – P. 127 – 137.

3. Rissanen, M. The Hirpi Sorani and the Wolf Cults of Central Italy // ARCTOS. Acta Philologica Fennica. – Helsinki, 2012. – Vol. XLVI. – P. 115 – 136.

Гончаров, А. В. «Свои» и «чужие» жреческие коллегии в раннем Риме // Античный мир и археология. – Саратов, 2002. – Вып. 11. – С. 42 – 46.

ПОЛОВЕЦКОЕ ПОЛЕ – ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Владимир Ветов

До настоящего времени ученые спорят, где зародилось человечество: в Африке, Азии, Латинской Америке или южной Европе. Согласно подтвержденной научной гипотезе, «гомо сапиенс» появился в Евразии где-то 150-200 тысяч лет назад, а человечество вышло из Африки. Следы пребывания человека разумного обнаружили в пределах двух миллионов лет назад.

Территориальное и длительное расселение наших предков на больших площадях не позволяет установить полностью точные места нахождения первобытных племен, а также их быт и постепенную миграцию. Часть научной информации получена в виде предположений, но они не противоречат общему ходу развития народов.

Заселение Евразии. Миграция народов суши

Первоначально древний человек попал в район Красного моря, затем в Месопотамию и дальше по евразийскому материку, разделившись на два крыла (западное и восточное). Египтяне утверждали, что они «самое древнее государство мира». Африканская река Нил действительно стала колыбелью «речной цивилизации» нашей планеты.

По соседству находилось древнее шумерской царство. На многих глиняных табличках клинописью сообщается, что «все, чего мы (шумеры) достигли, обязаны богам…».

В свою очередь, живущие на востоке материка китайцы относят себя к древнейшей земной цивилизации, возникшей на берегах одной из самых крупных рек Евразии- Хуанхэ (кит. желтая река). Китай для них являлся «срединой мира, вокруг которой располагались варвары». Уважения к иноплеменникам не было, даже философ и гуманист Конфуций (Кун-фу-цзы) называл чужестранцев «животными». Ему вторили греки и евреи. Мыслитель Аристотель учил будущего царя Александра Македонского, что «все греки являются родней, а варвары – это звери». Ближневосточные иудеи другие народы считали язычниками, обзывали собаками и шакалами. Это можно отнести к «болезням человеческого роста», но подобным образом сосуществуют разные культуры древнего мира.

Осваивавшие огромный материк племена вели кочевой образ жизни и являлись скотоводческими. На вынужденную миграцию древнего человека влияли два основных фактора:

1. Смертельная угроза со стороны агрессивных соседей;
2. Истощение пастбищ для многочисленного скота.

Принято считать, что Великое переселение народов началось где-то с IV века от Р. Х., когда племена, проживающие в Монголии и севернее, объединившись до этого в племенной союз, стали именоваться гуннами (хуннами). Гунны являлись кочевниками-скотоводами, долго воевавшими с цивилизованным Китаем (Срединными царствами). Более искусные в интригах китайцы подкупали вражеских вождей и квалифицированной дипломатией сумели южную часть неспокойных соседей привлечь на свою сторону. Северная группировка гуннов, после военного поражения, вынужденно двинулась походом на запад, подчиняя себе встречающиеся племена и народы.

Ряд ученых полагает, что гунны создали первую кочевую империю Центральной Азии и было данное событие в III веке до РХ, хотя обитали эти скотоводы в монгольских степях с I тыс. до РХ по I тыс. нашего летоисчисления. Образ

жизни и политическое устройство объединенных племен пересекались позднее структурой власти тюрков и монголов. Где-то 250 лет гунны соперничали с южным соседом – заносчивым Китаем, который даже выплачивал кочевникам дань. Как захватчики чужих территорий, степняки проявили себя жестокими варварами.

Ни семьи и не дома нет больше…беда.
Это гуннская вторглась орда, –

писал один из китайских поэтов того времени.

Безжалостные племена эксплуатировали земледельцев, так же, как и в европейской части скифские кочевники поступали со своими единоплеменниками-земледельцами.

В IV в. пополненная подчиненными племенами орда переправилась через реку Итиль (Волгу) и разбив захвативших эти степи остготов, а также сильно ослабив сарматов и аланов-ясов, овладела волжскими, донскими и придонцовскими степями, Причерноморьем и Приазовьем, после чего двинулась в глубь Европы. В 445 году от Р. Х. к власти над гуннами пришел Аттила, ставший вождем после смерти своего дяди. Против захватчиков выступили сарматы, аланы, римляне, франки и в 451 г. новой эры в «битве народов», созданная коалиция победила пришлых с востока кочевников. Вскоре вождя Аттилы не стало и племенной союз азиатов распался. Принято считать, что в V веке от Р. Х. началась новая эпоха от античности к средневековью.

Нашествие гуннов не было началом первого переселения, известного из евразийской истории. Во II тысячелетии до Р. Х., с западной части гигантского материка на восток пошла первая массовая волна переселенцев. Скотоводы расселялись на Дальнем Востоке, Сибири, в Центральной Азии и за кавказским хребтом. Среди народов, переселившихся из Центральной Европы в район Закавказья были иранцы и протоармяне.

Донецкий кряж и роза ветров

Всем племенам и народностям, мигрировавшим по Евразии, приходилось пересекать Донецкий горный кряж. Его

узнаваемым символом может быть знак розы ветров (РВ), обращенный на все стороны света. А сам наш край является перекрестком мировой истории, через который со всех четырех сторон, в разных направлениях, передвигались народы и племена. В настоящее время конус террикона является графическим образом донбасских степей, но фактическим знаком служит восьмиугольник «РВ» – символ совершенства и стремления к романтике дальних странствий.

Ученые установили, что в нашем крае первые люди поселились в пределах пяти тысяч лет до нового летоисчисления. Вторая волна переселений с запада на восток произошла в первом тысячелетии до Рождества Христова. В мировой истории известна также миграция «народов моря», произошедшая немного раньше. Случилось подобное после легендарной Троянской войны и падения Трои (прим. в 1260 до Р. Х.), город располагался на берегу Эгейского моря, одним из троянских народов являлись энеты, позднее ставшие венетами/венедами (предками славян) и поселившимися у побережья Адриатики и предгорий Альп. Некоторые истории полагают, что жил этот народ в районе Венето, чем и заслужил свое название.

Примерно в I веке до Р. Х. римские власти подвергли бывших беженцев гонениям и тем пришлось поселиться в Венгрии, а также в бассейнах рек Вислы и Истра (Дуная), на равнинах и высотах современных Карпат. Заселенные ими возвышенности даже называли Венедскими горами. О новом народе писал основоположник мировой истории Геродот, Плиний Старший и др. Славянское происхождение венедов раньше не оспаривалось. На старинных нартах обозначен первичный ареал нахождения народа – Veneti (еще у Адриатики). На этой карте указывалась и Сарматия в районе Донецкого кряжа и соседней местности.

В V-VI веке нашего летоисчисления венеды разделились на антов, которые вдоль Борисфена(Днепра) пошли на север к Ильменскому озеру и словенов/склавенов, пересекших Истр (Дунай) и расселившихся на территории современной Болгарии.

Троя. Миграция народов моря

После падения Трои ряд народов (ахейцы, дорийцы, ликийцы, фригийцы, филистимляне и др.) пришли в движение, и все устремились на юг, где вступили в открытое противостояние с южанами. Упорное сопротивление оказали пришлым древние египтяне, которые в итоге и победили. Побежденным разрешили проживать на египетских окраинах и те даже отмечены в библейской истории, например, поединок пастуха Давида с великаном филистимлянином Голиафом). «Народы моря» оказались неспокойными соседями, и египтяне отгородились от них длинной кирпичной стеной, позволявшей успешно защищаться от нападавших. В III веке до Р. Х. китайцы подобным образом решили отгородиться от гуннов и воздвигли Великую китайскую стену, общей протяженностью, по прямой, где-то 5 тыс. км. Стену строили долгое время, но она сохранилась до настоящего времени.

В мировой истории известен также вал Адриана, построенный римлянами в 122-128 гг. от Р. Х. для защиты империи от варваров. Сохранилась стена Аврелиана в Италии, длиной около 19 км. На Руси, защищаясь от воинственных степняков, русичи возводили земляные валы со рвами (самый известный-Змеев вал, на юге Киевской Руси). Даже во времена Петра Первого подобные преграды возводились от набегов татар на Московию-Россию. В Волгоградской области сохранились остатки Петрова вала, защищавшего от набегов кубанских и др. татар. Для их нейтрализации при Екатерине Второй на Кубань переселили часть казаков из Запорожской Сечи.

Ближний Восток знаменит в истории и другими миграциями народов. Широко тиражирован исход иудеев из древнего Египта, с сорокалетним хождением по пустыне и последующим захватом ханаанских и прилегающих земель. После этого вновь пришел черед грешивших евреев к новому переселению. Семитские земли захватили ассирийцы, часть своего населения переместили ближе к Средиземному морю, а самих пришлых иудеев расселили вокруг Ниневии.

Десять еврейских колен после этого безвозвратно рассеялись по свету. Со временем, земли Ассирии перешли к Вавилону, затем персам – предкам иранцев. Царь Кир Великий вернул иудеев обратно в Израиль, отстроил бывший Соломонов храм и за свои деяния провозглашен был евреями Мессией бога Иеговы-Яхве.

Донецкий кряж – «коммунальная квартира»

На территории древней Персии (в 1935 г. переименована в Иран) обитали племена ариев, которые вынужденно покинули свой ареал обитания и переселились в другие места. Наиболее известны Индостан и Донецкий горный кряж с прилегающими территориями. Из Индии по евразийской территории разошелся санскрит, доживший до наших дней. Прекрасную память о себе оставил Великий шелковый путь, начинавшийся в соседнем Китае и достигавший Хвалынского (Каспийского) моря, после чего на протяжении длительного времени поворачивавший на юг. Мирные торговцы предпочитали использовать этот маршрут ведущий к Средиземному морю (Римскому озеру) как более безопасный, а воинствующие тюркские и ираноязычные племена использовали для кочевий и походов северный путь. Приволжские и донские степи, придонцовье, Причерноморье и Приазовье являлись удобным местом для проживания степняков-скотоводов, которые признавались, что для достойной жизни в этих краях имеются наилучшие условия.

Присутствие на Подонцовье древних кочевников подтверждают многочисленные археологические экспедиции специалистов, исследовавшие места обнаруженных стоянок и стойбищ, а также захоронений. Археологами были установлены даже места нахождения неандертальцев (Деркул, Подонцовье, Приазовье, Причерноморье) и предков тюрков, якутов, хакасов, киргизов, живших между древним Сиргисом (Малый Танаис-Северский Донец) и Великим Танаисом (совр. Дон). Эти племена в античные времена двинулись на восток и там осели в разных местах.

Раньше историки полагали, что колесо впервые появилось на Ближнем Востоке (напр. Шумеры хоронили царей

вместе с колесницами и т.д.), но в Румынии археологи нашли более раннее подобное изделие, изготовленное в последней четверти у тысячелетия до РХ. Название колеса произошло от общеславянского «kolo»-круг. Подобные изображения присутствовали и на горшках IV тыс. до нашего летоисчисления.

Из различных исторических источников известно, что где-то с X-XI века до нашего летоисчисления и до IV века от Р. Х. на землях нашего края проживали кочевые ираноязычные народы (за исключением готов, разделившихся на восточных и западных).

У Гомера в поэме «Одиссея» первыми упомянуты пребывающие в наших краях киммерийцы. О них известно и по другим сохранившимся летописям и артефактам. Упоминал об этом народе также Геродот. Название дано древними ассирийцами, о чем упоминалось в клинописных табличках. Киммерийцы дважды засвидетельствованы в библейских текстах. На античных картах современный Керченский пролив значился как Боспор Киммерийский, имелись область Киммерия и киммерийский вал в Крыму.

В VII веке до Р. Х. этот народ в вооруженных стычках вытеснили из донецкого кряжа на юг и в Крым скифы, сами являвшиеся кочевниками. Там от проигравших образовалась новая ветвь-тавры (горные киммерийцы). Сами победители, по утверждениям современников, не отличались от соседних автохтонных племен, проживавших рядом.

О скифах осталось много письменных и материальных памятников. Пришлые были как кочевники-скотоводы, так и земледельцы с развитыми ремеслами и земледелием. Зерно и другую сельскохозяйственную продукцию продавали в южные страны, в том числе в Элладу. Территорию, где проживали скифы, называли скифским царством и даже Великой Скифией. Великую киевскую княгиню Ольгу и в средневековье византийские письменные источники называли и «царицей скифской и царицей ругов (руссов)».

Об ираноязычных пришельцах писали многие летописцы, историки и поэты. Описан их быт, особенно кочев-

ников, называемых еще 2кентаврами» из-за любви к лошадям. Животные у скифов были и транспортным средством, и пищей, и источником утоления жажды. Когда заканчивалась пищевая вода и вблизи не было колодцев, всадник осторожно вскрывал вену лошади и пил кровь. После этого ранку дезинфицировал. Скифы приобрели славу прекрасных стрелков из луков и даже учили стрелять некоторые народы, в том числе греков. Древние источники донесли до наших дней, что скифские племена некоторое время проживали в Центральной Азии, откуда всех вытеснили агрессивные соседи и скифы вынуждены были уходить на запад. Перейдя Итиль попали на киммерийские земли, которыми и овладели.

Степняков пытались покорить македонские полководцы, а также персидские цари Ксеркс и Дарий Первый. Мир узнал о тактике «выжженной земли», когда степная растительность сжигалась, а водные источники делались непригодными для использования. Подобную тактику применил известный русский полководец Михаил Кутузов, частично спалив Москву, чтобы оставить неприятеля без зимних квартир. В 1941 году к подобному призывал в речах Сталин, предлагая сжигать все, даже леса. Молодая москвичка Зоя Космодемьянская (Таня) находилась в одном из таких диверсионных отрядов, в задачи которого входило спалить десять населенных пунктов.

В античные времена скифов не победили ни персы, ни греки. Смогли частично изгнать из сочных пастбищ сарматы-кочевники, прибывшие из-за Итиля. Внешне обе стороны не отличались между собой, как и образом жизни. Правда новые хозяева Подонцовья и окружающих местностей по своим цивилизационным возможностям стояли ниже побежденных, существенный вклад в историческое развитие европейских народов также не внесли, если не считать легенды об ираноязычных савроматах, которые произошли от ассимиляции таинственных воительниц с юношами-скифами. Общие дети позднее и покорили степные пространства, изгнав предков в Крым и вглубь Ев-

ропы. Но это сказания из разряда слухов. Не известны случаи, подтверждающие подобные легенды. Любовь некоторых богатых женщин к мужским аксессуарам нельзя отнести к фактам, подтверждающим наличие древних воительниц. В летописях известны имена боспорских царей – Савромат Первый и Савромат Второй, правивших в Крыму вначале нового летоисчисления.

Враги скифов – племена сарматов-языгов, вторглись в степи Донбасса (это название впервые использовали большевики в телеграммах, а затем в литературу привнес поэт В.В. Маяковский) в IV – II вв. до Р. Х. из Поволжья. По их следам пришли роксоланы, сираки и др. В районе города Луганска обнаружили стоянку этих кочевников (у Александровска и Станицы Луганской). Обитали пришлые в районе Донецкого кряжа по IV в. от Р. Х., после чего оказались разбиты гуннами. Тогда захватчики разгромили и аланский союз племен, уничтожили Боспорское царство греков. Реальными хозяевами Донецкого горного кряжа недолго были аланы-ясы, мигрировавшие в наш край с юга.

Надолго укорениться в Подонцовье незваные гости не смогли, оттесненные вначале остготами, а затем гуннами, вынуждены укрываться на Северном Кавказе, где и сформировались как осетинская нация. В Подонцовье ясы сблизились о славянами-степняками, селившимися у речных бродов реки Сиргиса (Малый Танаис-Северский Донец) и создавших общность, названную «бродниками». Византийские записи дали им обозначение как «презиравшие смерть». Славяне-отшельники мирно соседствовали со всеми скотоводами-кочевниками, за исключением половцев, которых считали врагами. По этой причине степные славяне отдалились от русичей, пытавшихся заигрывать с куманами и даже брать в жены молоденьких тотемисток. Известно, что бабушка князя Александра Невского была половчанкой, жена князя Юрия Долгорукого, мать и жена Андрея Боголюбского-Суздальского также. Это относилось и к другим представителям русской знати. Венцом странных отношений стала битва

на реке Калке, произошедшая 31 мая 1223 года. 80-ти тысячная рать русичей и половцев потерпела полное поражение от двух туменов монгольской конницы. Сейчас принято считать, что часть русских князей и дружины погибли по вине бродников.

Степной калейдоскоп – игрушка судьбы

Где-то в VI веке от Р. Х. в нашем крае побывали авары, известные своей жестокостью к славянам. Пробыли они в донецком кряже недолго. В V и начале VI вв. на наши земли пришли тюркские болгары, образовавшие племенной союз Великая Булгария. Вскоре под напором новых захватчиков-хазар, союз распался, часть скотоводов ушла за реку Итить, где создали государство Волжская Булгария. Вторая часть ушла на юг за реку Истр, чтобы передать свое название славянам и ассимилироваться в их общей массе. Хазары-победители создали свой союз – Хазарский каганат. Использовав выгодные торговые пути, создали сильную наемную армию, после чего начали нападать на Армению, Грузию, славянские племена и город Киев. Горожане и соседние славянские племена выплачивали степным иудеям-караимам дань. Даже во времена новейшей истории представители белого движения упоминали Хазарский каганат, проводя различные параллели, связанные с далеким прошлым нашей страны. Подобные раздумья подтверждают известное высказывание Фейербаха, что философия – это дочь своего времени.

К середине X века Хазария занимала огромные территории от итильских, танаисских, сиргисских степей и дальше на юг и запад. Эту степную страну, добившуюся могущества благодаря оживленной торговле и дани, пытались потеснить в начале I появившиеся с севера мадьяры, из среды финско-угорских племен Приуралья. После нашествия на эти земли полчищ печенегов, северные кочевники ушли в Венгрию. Великий киевский князь-воин Святослав сражался с ними, с печенегами и хазарами. В 965 году имени-

тый русич разбил степных иудеев-сектантов, разрушил столицу последних – Итиль и северный город Саркел, воевал с аланами и косогами.

Воинственные кочевники из разных племен досаждали жителям Киевской Руси, но настоящая опасность для них пришла в середине XI века. После того, как князь Всеволод Ярославович разбил орду торков (гузов) в 1055 году, те ушли в бассейн реки Дунай, часть перешла под руку киевского князя. Тогда впервые русичи узнали о существовании половцев, именуемых еще в разных местах кипчаками, куманами и кунами. Возглавлял кочевников хан Болуш. После знакомств стороны разошлись миролюбиво и с подарками, но уже в 1061 году произошло первое вооруженное столкновение с этой реальной бедой славян и их союзников («Летопись временных лет»). Половцы захватили гигантские степные территории, названные Великой степью, общей площадью где-то 350 тысяч кв. км. Западный Кыпчак, соседствующий с русскими землями, назвали Половецкой степью, русичи – половецким полем, а византийцы-Команией. Отсюда степняки внезапно нападали на русские города и селения, убивали или уводили в полон жителей. В крымском Судаке находился невольничий рынок, где славян и других пленных продавали покупателям- рабовладельцам.

История развития Донецкого горного кряжа оставила сведения о всех племенах и народах, побывавших на территории нашего края. Здесь смешались и восточная мифологичность, и мышление с рационализмом, соединенное с психологией и биоритмами каждого народа, обитавшего в донецких степях. В настоящее время отечественные учения вывели универсальные начала кочевого человека прошлого времени, его мировоззрение и культуру. Древние киммерийцы, скифы и половцы оставили после своего пребывания в донецких степях материальные памятники, исследуя которые лучше понимались сознание, традиции, психологию прежних жителей Донецкого каменноугольного бассейна. Это позволяет лучше понять метафизику и этические первоэлементы бывших скотоводов, на базе которых формировались древние этносы. Тотемизм и тенгрианство являлись созерцательно-

чувственной средой, позволявшей развиваться кочевым и полукочевым народам, обустроиться на территориях, получивших позднее обозначение половецкого поля.

Общепризнанным фактом принято считать, что философия, как одна из форм познания мира и системы взглядов на окружающее бытие обладает внутренней логикой созерцания и закономерностями. Даже у кочевых народов процесс познания шел от низшего к высшему, от мистики к реализму. Народы, ведущие кочевой образ жизни и даже временно селившиеся на донецких степных просторах, познавали действительность только эмпирическим путем. Это замедляло их общественно- государственную формацию, но тем не менее всем им присущ этнокультурный динамизм, позволивший оставить память о пребывании в Подонцовье.

Русские летописи донесли до наших современников сведения о построенных в бассейнах рек Дона и Северского Донца половецких городов Шарукань, Сугров, Болин, где проживали и славяне. Ученые точное местонахождение этих населенных пунктов не установили, хотя куманы господствовали в этих местах до XIII века , пока насильно не вошли в улус Джучи или частично не мигрировали под давлением монголо-татарской орды в Венгрию. Уцелел до наших дней половецкий город Азов, построенный на берегу Азовского моря (Меотийское озеро). По одной из научных гипотез город Шарукань находится на месте современного города Харьков, по другой – недалеко от него. После изгнания из половецкого поля кочевников, на донецких просторах остались языческие идолы, так называемые каменные бабы, часть из которых собрана во дворе Луганского педагогического университета.

Как перековать мечи на орала?

Соседство с половцами для русских людей явилось земной карой. С 1055 года по 1223 год, половцы сорок раз опустошали Русь жестокими набегами. Причиной являлись постоянные междоусобные войны русских князей. За время соприкосновения с куманами, на славянских

землях 80 лет прошли в войнах и походах и только около 90 лет в мире. Описывая русскую историю, летописцы подробно сообщали и о периоде соприкосновения с половцами и вообще со степняками. При этом монахи не чуждались и глобальных философских истин. Так, известный труд преподобного Нестора черноризца, начинается со слов: «Откуду есть пошла русская земля и хто в ней почалъ первее княжити, и откуду русская земля стала есть?»

В череде письменных памятников русской истории и литературы, отдельно стоит «Слово о походе Игореве, Игоря, сына Святославова, внука Олегова». Ученые отмечают и сегодня оригинальность произведения и его психологическую глубину, труд наполнен христианскими и языческими элементами, не имеющими аналогов в средневековой русской литературе и представляет собой историософское произведение. Уже в новейшее время композитор Александр Бородин создал по данному сюжету оперу «Князь Игорь», а наши современники под городом Луганском, по пути возможного маршрута дружины князя Игоря, поставили скульптурную композицию с изображением князя Игоря и его дружины.

До наших дней дошли и многие былины. В них русские богатыри противостояли захватчикам, боролись с несправедливостью внутри общества. Среди многих витязей выделялись три главных героя: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович Талантливый русский живописец Виктор Васнецов понимал, что, по слову Сократа, прекрасное трудно, но сумел изобразить всех троих как символ единства народа. Илья Муромец был представителем крестьянства, Добрыня Никитич-воевода, олицетворял военную знать, а Алеша Попович – выходец из семьи духовенства.

Былинные победы этих и других славянских богатырей поддерживали дух русского народа, помогали выстоять в реальных схватках со степняками. В исторической борьбе с половцами преуспел русский князь, в итоге воз-

главивший Киевскую Русь-Владимир Мономах. Вдумчивый полководец не только защитил рубежи княжества, но и отогнал опасного врага к предгорьям Северного Кавказа, откуда степняки на некоторое время прекратили набеги на русские земли. Половецкое поле перестало быть очагом опасности для трудолюбивых земледельцев, что способствовало мирной жизни. А это и есть Божественный витализм, дарованный навсегда человечеству.

ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ИГРА И ПРАВИЛА

Игорь Погорелов
i_pogorelov@mail.ua

Это звучит... гордо! Человек!
Максим Горький

Что такое человек?

Что такое человек? В Библии сказано, что «человек трехсоставен и состоит из тела, души и духа» (1, с.113). Можно упростить этот взгляд до двух составляющих: тело и душа. Вряд ли кто-то усомнится в том, что почти в каждом из нас одна составляющая в разной степени перевешивает другую. И те, кто смотрит на мир сходно друг с другом – разные. Не говоря уже о том, что человек, для которого материальные блага являются приоритетом, живет, думает и действует совершенно не так, как человек, для которого главной ценностью в жизни являются нематериальные блага.

Один раз меня спросили: «Почему ты называешь наш мир псевдореальным? Логично же наоборот: то, что есть – реальный мир, а любой другой мир – вымышленный...». На что я ответил примерно следующее: «Я называю наш мир псевдореальным, потому что он претендует на реальность. Так, рассматривая человека, как минимум, как двуединое

существо (состоящее из тела и души), все зависит от тех приоритетов, какие это существо выбирает. Если оно живет ради услады телесной составляющей, то ты прав – мир реален, а если человек живет духовными желаниями, то реальный мир для него совсем иной. Это как та же литература. Одним нравится литература о приключениях тела, а другим – о приключениях духа. Те или иные ценности определяют тот или иной план действий. На мой субъективный взгляд, те, чьим приоритетом является телесная составляющая – просто дети, не наигравшиеся в детстве в конструкторы, «войнушки», «мэнеджеров», в солдатиков и кукол. Поэтому им до сих пор хочется интерьер покрасивей да одежды поярче. Иначе говоря, это просто невызревшие люди. Они, в силу своей незрелости, не могут принять реальный мир развитых людей – мир невидимых обычному глазу законов, внутренних пружин, истинной красоты и совершенства. Еще проще понять это через такую игру, как шахматы. Как те же невызревшие люди в погоне за внешним комфортом, абсолютное большинство шахматистов в мире просто делают ходы и думают, что они играют в шахматы. Но вспомним, что в шахматах прекрасен лишь мир идей. И действительно, настоящий мир шахмат ничего общего с просто «ходиками» не имеет».

И все-таки, человек – что же это такое? Тот же Максим Горький писал: «Человек – вот правда!...Человек – выше сытости ...Человек рождается для лучшего!» (2, с. 208–209). А что же такое из себя представляет это самое «лучшее»? Недавно я осознал, что человек – это просто вместилище ценностей. Что истина, смысл любого человека – в количестве и в качестве тех ценностей, которые каждый из нас понял в жизни, принял в себя, заполнив ими свою суть. Они проросли в нем, а он ими и пользуется, и транслирует их во вне. Преломившись в человеке, пройдя сквозь него, как направленные лучи солнца проходят через призму, эти ценности вышли во внешний мир и стали дарить уже рассеяный свет для всех окружающих. Так, казалось бы символический ручеек букв, слов, образов, и форм, пройдя через человека, как через некий божественный преобразователь,

становится животворящей энергией океана радости, добра, счастья, взаимного уважения и истинной свободы.

Таким образом, человек является неким вместилищем ценностей, набор коих сугубо индивидуален, и в соответствии с которыми каждый конкретный индивидуум строит свои приоритеты, свои цели, осуществляет те или иные действия и, в конечном итоге, так или иначе выстраивает всю свою жизнь.

Я не настаиваю на истинности своего взгляда, но считаю, что он способен каждого из нас как минимум заставить задуматься о данной проблеме.

Что такое ценности?

С материальными ценностями все более или менее ясно: исследовать их не имеет особого смысла, так как они однозначны и понятны. А вот что такое духовные ценности? Какие они? И как их определить? Универсальная духовная ценность – любовь. Понятие это многоликое и многовекторное. Это может быть и любовь к Богу, и любовь к Родине, любовь родительская, любовь сыновья, любовь физическая, любовь платоническая, любовь к природе, к жизни... В общем, перечислять можно очень долго. Здесь тоже присутствует определенная ясность. Мы же хотим сейчас поговорить о тех нематериальных вещах и понятиях, которые вызывают диаметрально противоположные ощущения у разных людей, считающих себя развитыми духовно. Если не разобраться в этом важном вопросе и не дать определенные ответы, то молодым людям, только пытающимся стать на путь нравственного развития, можно забрести на дорогу, которая станет тупиковой для духовности и переведет их запросы в материальную плоскость, а значит, и поставит крест на развитии личности человека разумного.

Итак, будем исходить из того, что наши жизненные приоритеты духовны, а не телесны, и соответственно наши пути развития лежат в нематериальной плоскости. Что здесь ценно, а что – нет? Поможет нам разобраться в этом вопросе игра, которая моделирует нашу жизнь, причем, именно жизнь в обществе. Королевская игра – шахматы.

Все знают правила игры в шахматы, но не многие умеют в них по-настоящему играть. Это системное отличие данной игры, например, от футбола, в который играют все, но не многие по-настоящему в нем разбираются. Правила ходов в шахматах определяют лишь спектр наших возможностей. Но это совсем не означает, что весь этот спектр имеет равные возможности на пути к цели. Точно так же и в жизни: мы можем лежать на диване, а можем подметать пол; можем приходить на работу и просто просиживать время, пить чай или разгадывать кроссворды, а можем использовать каждую секунду для труда… И кажется, что весь этот спектр возможностей – выбор равных продолжений: просто кому-то нравится одно, а кому-то – другое. Но это не так. Как и в шахматах, в жизни существуют магистральные направления ходов и действий, кардинально отличающихся от иного ряда путей, которые никуда не ведут.

Встает вопрос: а как же отделить одно от другого? Как определить, какие пути магистральные и могут привести к цели, а какие заведомо являются тупиковыми? И, наконец, как не допустить ошибку, всегда оставаясь пусть не на главном, но на одном из путей, который в конечном итоге и приведет к победе?

Как ни странно, но эти вопросы актуальны не только для людей, чьи приоритеты находятся в духовной плоскости, как сначала может показаться, но и для людей, ставящих себе материальные цели в жизни. Потому что по законам мироздания, законам гармонии, по правилу причины и следствия, наконец, по закону вектора – кто разовьет себя духовно, тому легко будет и обеспечить себя материально, но никак не наоборот. Вспомним здесь тех же братьев Стругацких : «Моральные ценности… нельзя купить» (3, с. 538).

Человек есть человек, и ему – о да! – свойственно ошибаться. Как отбросить линию, основанную на ложных ценностях? Как понять, что они ложные? Горький писал: «Ложь – религия рабов и хозяев… Правда – бог свободного человека!» (2, с. 205). Значит, нужно выйти из порочного круга хозяев и рабов. Не желать власти ни над кем, в том числе и над собой («я сам себе хозяин»); но и ничему

(например, моде) и никому («не сотвори себе кумира») не подчиняться. А что же тогда делать?

Игра и правила

Что наша жизнь? Игра!
Модест Чайковский

Мы говорим слово «правила» и подразумеваем эти правила как все возможные ходы и действия. В шахматах правила разрешают нам, например, ходить конем и на край, и в центр. Разрешают двигать пешку на одно и на два поля. Разрешают, наконец, бить или не бить. Но давайте сузим формальные правила и выделим сущностные. Человек, который хочет жить полноценной жизнью, как и шахматист, который хочет играть по-настоящему, а не просто двигать фигуры, обязан сузить эти формальные правила, превратить их в правила сущностные, которые представляются разумными априори, исходя из здравого смысла и целеполагания. Так какие же сущностные шахматные правила смогут помочь нам определиться с вектором развития и в нашей повседневной жизни?

Взаимодействие фигур

Известно, что шахматные фигуры должны взаимодействовать, помогать друг другу, чтобы иметь силу противостоять вражеской армии. В отличие от книги Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин», мы утверждаем ценность: «Один в поле не воин». Эта ценность определяется не столько формальными правилами шахматной игры, сколько ее содержанием. В нашей жизни таким «взаимодействием фигур» является ценность коллектива. В противовес философии коллективизма критики ставят индивидуализм. И именно в сущностных правилах шахматной игры наглядно видно, что путь индивидуализма ведет в тупик. Ведь одна фигура, даже самая сильная, не способна победить.

Приведу пример из своей педагогической практики. За всю историю – без малого трех десятилетий – моей тренерской ра-

боты, мне лишь несколько раз удалось создать и сохранить коллектив равных, сильных и перспективных перворазрядников. И именно один из них дошел до высшего шахматного звания – международный гроссмейстер. Оказалось, чтобы вырастить большого спортсмена, необходима конкурентная среда вокруг него. Ведь за тот же период времени со мной индивидуально занимались сотни детей. Но Чемпионом с большой буквы стал именно тот, кто рос в коллективе. Никакими сугубо индивидуальными тренировками невозможно в шахматах сделать спортсмена чемпионом. Возможность стать Победителем (с большой буквы) существует только в условиях тренировок и труда в сильном коллективе. В конце концов, во что бы превратилось даже наше философское общество без коллектива, хотя бы и «разномышленников».

Коллектив с одной стороны закаляет, не дает расслабиться и остановиться в работе над собой, а с другой – дает моральные стимулы для больших побед. А как известно, именно моральные стимулы как для спортсмена, так и для личности в целом, дают возможность стать великим, в отличие от материальных, которые порой сковывают. Критика этого постулата заключена в том, что коллектив-де подавляет личность. Но это не так, хотя бы потому, что давление на по-настоящему сильную личность, делает ее по-спортивному злее и целеустремленнее в своей жажде победить. В доказательство – снова цитата из Стругацких: «Настоящий человек уехать не захочет... А ненастоящему на Земле делать нечего» (4, с. 86).

Красота и естественность

В тех же сущностных правилах шахмат есть такое выражение: «Красивый ход не может быть неправильным». А в чем суть красоты? Писатель-фантаст Иван Ефремов это определил так – в естественности: «Красота – это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособления к определенному назначению» (5, с. 137). Как правило красоты и естественности помогает нам решить трудные вопросы, поясню на примере своих размышлений

над одной из актуальных проблем, обсуждение которой недавно читал и слышал.

Имею в виду такое неоднозначное понятие, как революция. Один из авторов сборника материалов ФМО, Татьяна Анпилогова пишет: «Мы часто задаемся вопросом «Революция – это трагедия или благо?»« (6, с. 124). Казалось бы, нельзя ответить однозначно. Сейчас можно услышать от некоторых современных политиков примерно следующее: «Наш путь – эволюционный, революции нам не нужны, мы сыты ими по горло». Но разве данное утверждение – не системная ошибка любой власти? Разве это не обыкновенное желание остаться на плаву? Мы спишем эту ошибку на факт желания правящей элиты сохранить свое место под солнцем, то есть на субъективный фактор заинтересованной стороны. Ведь очевидно, что как в жизни каждого человека, так и в жизни общества, революция (читай: кризис) – неприятный, болезненный, тяжелый процесс. Однако это и яркое осознание заблуждений, желание стать лучше, прорыв на следующий уровень развития. В конечном итоге, это путь к превращению в нечто новое, более совершенное.

Без поражений не было бы побед – эта истина известна каждому спортсмену. Развитие человека, как и развитие общества, не бывает линейным, напротив, оно – всегда скачкообразно. В лучшем случае, линейно развивающееся общество станет замкнутым на себя, а значит – остановившимся в приросте новых, неповторимых качеств. Самый простой аргумент здесь – ситуация рождения человека. Что же это, если не революция? Плод в утробе матери до поры до времени развивается линейно, эволюционно. Но чтобы стать ребенком, ему нужен «скачок», необходима «революция» перехода из одного мира в другой, чем является процесс самого рождения, появления на свет. Аналогичный пример – прорыв человека в космос. И подобных доказательств – масса. Так что будем считать установленным фактом, что революция необходима как самому человеку, так и обществу в целом.

Другое дело, что она должна быть естественна! А это значит, что суть не в самой постановке этого вопроса («эволюция либо революция») и ему подобных, а в естественности процессов.

Остается добавить по нашей теме следующее. Эволюционный путь в шахматах – это развитие фигур по плану. Так же, как и в жизни – это последовательное усиление своих позиций. Революция – это обострение на шахматной доске: жертвы, комбинации, атаки. У шахматистов есть такое выражение: «Нельзя насиловать позицию». Это означает, что пока не исчерпаны эволюционные ресурсы, революция может только навредить. Но наступает такой момент, когда эволюционный прирост теряет силу и сходит на нет. И вот тогда, когда эволюционные (в шахматах – позиционные) средства игры исчерпаны, революция обязана (!) произойти.

Еще одно сущностное правило: «Если все фигуры занимают наилучшие места – ищи комбинацию». Комбинация – как наконечник копья, как острие древка всей позиционной игры. На мой взгляд, так и революция – необходимое событие для развития цивилизации и общества тогда, когда без нее уже не обойтись. Так, можно по-разному относиться к Октябрьской Революции 1917-го года, но не признать ее логичность, естественность всего предыдущего нарастающего хода исторических событий (1895-го, 1905-го, 1914-го, февраля 1917-го гг.) – значит, поставить вызов элементарному здравому смыслу. В отличие, например, от известной «оранжевой революции» 2004-го года, которая носила ярко выраженный искусственный, привнесенный извне характер. Вспомним хотя бы небывалый в истории независимой Украины экономический рост двух предшествующих «революции» лет. Этот рост явился причиной недовольства со стороны внешних политических игроков и вылился в эту привнесенную «революцию». Яркая параллель здесь – беспримерный для абсолютно всех государств современного мира рост благосостояния рядовых ливийцев при Муаммаре Каддафи (1940–2011 гг.), конечно же не устраивавший сильных мира сего, вследствие чего повлекший за собой свержение «страшного режима».

Таким образом, можно сказать, что хорош не сам процесс эволюции, либо революции, а ценно, красиво и правильно то, что естественно в данный исторический момент времени.

Критика данного положения может состоять в отсылке к тем же Стругацким и фразе одного из их героев: «Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку» (3, с. 375). Это, по сути, является парафразом их более ранней мысли: «Рыба ищет где глубже, а человек – где хуже» (7, с. 533). Смысл обоих высказываний сводится к пониманию настоящего человека в его отказе от животных инстинктов. В то же время в тех же шахматах смысл понятия «естественность» означает законосообразность, логичность, соответствующая сути, отсутствие искусственных палок и стропил в конструкции игры. Так и в самой жизни. Погоня за искусственной красотой приводит ко лжи и лицемерию. Стремление к естественности – к правде жизни.

Объективность

Люди сейчас слишком часто стали пользоваться оборотами типа «это мое мнение» и «это Ваше мнение». В то же время такие понятия, как «факт» и «аргумент» исчезают из современной речи. Это говорит о том, что теряются прочные основы здравого смысла и устойчивые ориентиры для общения между разными людьми. Считаю, что вставлять фразы типа «это мое мнение» или «существует мнение» слишком часто – синоним словосочетания «лить воду», то есть не говорить ничего серьезного. Хорошо, когда человек не вступает в разговор попусту, а когда нужно – говорит только то, до чего он дошел путем размышлений и анализа. И тогда получается, что эти слова весомы и их стоит брать в расчет. Когда же жизнь человека основана на отказе от поиска истины, тогда и возникает понятие «субъективизм». В таком случае человек становится лишь болельщиком или даже фанатом. Что наделали такие фанаты 2-го мая 2014-го года в Одессе, думаю, известно всем.

Александр Алехин, четвертый чемпион мира по шахматам, говорил: «Шахматы прежде всего учат быть объективными. В шахматах можно сделаться большим мастером,

лишь осознав свои ошибки и недостатки. Совершенно так же, как и в жизни» (8, с. 18). В шахматах часто бывает, что хочется поставит шах, начать атаку, или сделать ход сразу, не думая. Однако, наши желания не имеют ничего общего с поисками объективно сильнейшего продолжения. «Делай, что должно и будь, что будет», – вот девиз объективности на шахматной доске. Должен защищаться – защищайся. Плохое развитие – выводи фигуры. Позиция требует решительных действий – атакуй. Еще Вильгельм Стейниц, первый чемпион мира по шахматам, сформулировал правила успешной игры: ищи объективную реальность в самой позиции, ищи ее суть. Осознав ее, действуй в русле того главного, что ты понял, и ты победишь! Так и в жизни каждого человека, поиски истины есть не что-то абстрактное, а необходимая практическая деятельность для проникновения в сущность мироздания и, в конечном итоге, для достижения конкретного успеха в жизни.

В наш век эго критикой объективного подхода является утверждение, что человек – это субъект, а значит любой его взгляд на вещи – субъективен. Но вот как раз в том и состоит секрет успеха: в отказе рассмотрения себя и своих желаний, как фактора исследования. Этого очень сложно достичь. Но чемпион в тех же шахматах знает: нужно войти в состояние, когда «тебя нет», ты – только прибор, улавливающий божественную энергию и проводящий ее в этот мир. А раз тебя нет, то как же можно тебя победить?

Какой наш путь движения вперед и вверх?

Каждый ход, даже развивающий новую фигуру, если он только не соответствует общему плану, есть потеря темпа
Рихард Рети

Коль скоро мы определили ценности человека, необходимо понять, куда же они ведут, каких целей человек достигнет, следуя истинным ценностям, и какие пути движения вперед и вверх приведут его к победе как во внешнем плане, так и, безусловно, во внутреннем. Иными словами, в

чем состоит прогресс как самого человека, так и всего нашего общества? Каков наш план действий?

Как физическое тело состоит из атомов, так и общество состоит из людей. И нельзя придумать хорошую программу развития общества, не поняв и не развив самого человека. Давайте просто представим, сколько новых вещей было изобретено на земле даже за последние сто лет: телевидение, атомная энергетика, космические корабли, компьютеры. А какой прогресс в изобретении новых средств передвижения и в создании виртуальной реальности! И в множестве других областей материального и нематериального мира вокруг человека.

А сам человек? Разве он так же быстро менялся в этот период? Или даже за несколько прошедших столетий. Разве он стал менее меркантильным или более духовным? Нет! Так почему же нет прогресса в самом главном? Была ведь НТР – научно-техническая революция. А вот самой главной революции, революции в Человеке – не было. А она должна быть, ее не может не быть, иначе нам не сдвинуть вперед весь воз развития общества. Почему, например, коммунистическая идея построения трудового рая на земле пока так и не осуществилась? На мой взгляд, именно из-за отсутствия прогресса в самом человеке. Потому что общественные изменения, произошедшие после Великой Октябрьской Революции 1917 года, оказались лишь ненадолго подкреплены личностными изменениями. Такие новые качества, появившиеся в массах людей благодаря переустройству общества, как отказ от личного блага ради общественного, стремление к образованию и культуре, продержались недолго. Трудно сказать – почему. Возможно, экономический подъем в СССР пятидесятых годов сыграл злую шутку. Но однозначно можно проследить следующее. Спустя самое большее, 40 лет после Революции, рядовой гражданин вернулся в то же состояние. Как тяготел он, например, к личному, и материальному до переустройства общества, так и вернулся к тем же устремлениям спустя полвека. Значит, задача достичь

прогресса в человеческих качествах – необходимейшее условие прогресса всего общества.

А так как в жизни есть некие общие законы, применимые в разных областях, стоит лишь их понять, то давайте начнем с небольшой аналогии.

Эта аналогия – история одного фундаментального, революционного открытия в одной из областей человеческой культуры. А именно – в области культуры человеческого мышления. Такой вид культуры есть, просто его не часто называют именно так. Наука о культуре мышления уже давно создана и широко, хотя и стихийно, применяется ведущими педагогами по игре в шахматы. Как сказал немецкий ученый-философ, педагог и шахматист Георг Клаус: «Шахматы – это прекрасная школа логического мышления» (8, с. 20), а мы добавим, что не только логического, но и мышления вообще. Однако, шахматы не всегда были таковыми. Еще двести лет назад они были всего-навсего прикладной игрой. Тогда считалось, что побеждает в шахматах тот, кто более талантлив, смел и агрессивен. Именно такими были ведущие шахматисты того времени. Как в рыцарских поединках, они с «открытым забралом» бросались в бой с первых же ходов, не взирая на жертвы и ослабления позиции. Не просто плохим тоном, а даже трусостью считалось сидение в обороне и не поднятие перчатки вызова на открытый бой. Но вот появился человек, который сказал, что лишь этим не победишь. Над ним сначала, как водится, смеялись. Этот человек смел отрицать атаку и агрессию, как необходимое условие победы.

– А что же ты нам предложишь взамен? – могли спросить его современники.

– Я предложу вам объективную реальность, – мог ответить он.

– А где же она?

– Она – в самой позиции на доске.

– А что же там есть, в позиции?

– Там есть поля, линии, фигуры, а проникновение в суть хитросплетений всего этого и будет объективной реальностью для данной конкретной позиции. Суть у каждой из них

будет своя, уникальная, и тот, кто осознает эту суть, тот и победит.

А что же было потом? А потом этот человек победил всех и стал первым чемпионом мира по шахматам, а звали его – Вильгельм Стейниц. И все не только преклонились перед его учением, но и взяли себе на вооружение. И тогда шахматы в своем развитии продвинулись сразу на несколько ступеней вперед. От этой истории шахматной революции до самого главного теперь нам остался всего один шаг.

Пусть каждый заглянет в себя, как Стейниц предлагал заглянуть в позицию, и увидит там всю правду, найдет весь истинный свет своей жизни, и тогда он сможет осознать новое понимание и себя и жизни вокруг. Когда человек действительно захочет стать на новый, революционный уровень своего развития, пусть сделает то, что сказано здесь и познает тайну о себе, тайну, которую уже открыл в шахматах Стейниц и назвал ее – Объективная оценка позиции. Ищите внутри себя объективность – это внутренний Бог, и бойтесь своей субъективности, она – внутренний дьявол.

Таким образом, рождается большое откровение: объективная реальность находится внутри каждого из нас. Почти у всех она завалена камнями субъективности. Тем, кто хочет быть счастливым, нужно просто разобрать этот завал до конца. И только тогда, когда люди сделают это, они смогут построить справедливое общество.

Пусть это только первый шаг в теории, пусть другие (а может быть, и я) найдут способы отказа от субъективности, изложат методику конкретных действий, приводящих к успеху, научат человека отличать истину внутри себя от наносных «желаний» и «хотений». Все это – труд следующего этапа, а мы пока лишь обозначили главное, корень всей проблемы счастливой жизни человека. Но мы, по крайней мере, уже знаем конечную цель движения вперед и вверх. Мы теперь видим, в чем состоит выход из тупика развития человека, ту цель, тот свет в конце тоннеля, к которому нужно проложить дорогу и составить пошаговый план

действий. Свет этот – искренняя любовь к истине внутри каждого из нас.

Когда тренер учит детей шахматам с азов, он требует их задавать себе всего два вопроса. Первый: «Что хочет противник?», а второй: «Что мне нужно сделать?». Как ни странно, если ребенок будет выполнять лишь эту установку, но регулярно, то он обязательно преодолеет все ступеньки классификации в детских шахматах. Как мы уже видели, шахматные правила помогают нам и в жизни. Поэтому и взрослый человек должен понять, что действия, основанные на принципе «я хочу» приведут его в пропасть так же, как и шахматиста. А действия в соответствии с принципом «мне нужно» шахматисту обязательно помогут усилить свою шахматную позицию, а человеку – развить себя. Тогда вокруг каждого такого человека начнут возникать островки и даже острова Любви.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать следующее: главная ценность человека – внутри него самого. Увидеть ее, понять, и начать играть по сущностным правилам этой внутренней объективной реальности – и есть путь вперед, путь развития человека и общества.

Тогда движение вперед и как следствие рождение кардинально нового человека состоит в том, чтобы стремиться к внутренней объективности, которая есть красота и естественность, в смысле – законосообразность, проникновение в суть вещей и следование этой сути. Только тогда получится и Личность с большой буквы, и сильный коллектив – общность людей, стремящихся к истине.

Эпилог. Атака современного мира на наши ценности

Все было бы прекрасно, если бы поход за истинными ценностями состоял лишь в сражении человека с самим собой. Но в современном мире на человека уже буквально с рождения ведется немыслимая еще каких-то сто лет назад атака внешнего мира, причем со всех сторон. (Как тут не вспомнить мораль Гарри Гаррисона из романа «Неукротимая планета», которая заключается в

том, что силы природы тем больше угрожают человеку, чем больше он с природой воюет). Засилье отупляющей музыки, мода обвислых штанов, выдергивание ребенка из мира игры в мир абстракции, нездоровый образ жизни родителей и их сквернословие, обилие негативных новостей в средствах массовой информации, а также многое другое, требуют от юного существа сильной воли, коей, как известно из законов педагогики, до начала младшего школьного возраста, у ребенка быть не может. Кроме этого, очевидно, что западный мир ориентируется на иные ценности, например, на «нравственность разумного эгоизма», утверждая индивидуалистический взгляд на стремления человека (как в романе «Источник» Айн Рэнд (9)). А значит, во взрослой жизни человек должен уметь отделять добро от зла. Он должен иметь силу сказать «нет» изменчивой моде, рядящейся в одежды «прогресса», засилью англицизмов в речи, которые отравляют наши души, сказать «нет» ложному «жизненному» взгляду: «Хорошо там, где нас нет». Иначе все мы рискуем утратить не только внутреннюю чистоту и объективность, но также утратить ценностную и смысловую идентичность человека в целом.

Литература

1. Закон Божий: руководство для семьи и школы / сост. протоиерей Серафим Слободской .– 3-е изд., стер. – Краматорск, 2009.

2. Горький М., Избранное: Рассказы. Очерки. Пьесы / Послесл. и коммент. И.И. Вайнберга. – М.: Просвещение, 1983.

3. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., Отягощенные злом или Сорок лет спустя. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди: Фантаст. романы / А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий; Сост. Н. Ютанов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

4. Стругацкий А., Стругацкий Б., Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века: Повести. – М.: «Текст», 1992.

5. Ефремов И.А., Звездные корабли: Повесть; Туманность Андромеды: Роман / Предисл. А. Казанцева. – М.: «Художественная литература», 1987.

6. Донбасс: философия фронтира: сборник материалов Философского монетеневского общества / под ред. Ищенко Н.С., Заславской Е.А. – Луганск, 2021.

7. Стругацкий А., Стругацкий Б., Страна Багровых Туч; Путь на Амальтею; Стажеры: Фантаст. романы / Сост. Н. Ютанов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001.

8. Шахматы – школе / Сост. Б.С. Гершунский, А.Н. Костьев; Под ред. Б.С. Гершунского, Н.В. Крогиуса, В.С. Хелемендика. – М.: Педагогика, 1991.

9. Рэнд А. Источник: В 2 ч. / Айн Рэнд: Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011.

КУРГАН ТЕЛЕПЕНЬ КАК ZЕРКАЛО СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Вук Задунайский
razgranichitel@yandex.ru

В 2021 году вышел сборник фантастических рассказов российских и донбасских авторов под названием «Паны, холопы и Другие. Тайная история Тартарии». Второй том увидел свет в начале 2022 года. Он имеет подзаголовок «Дыхание Дикого Поля». Редакторы сборников Философского монтеневского общества Нина Ищенко и Елена Заславская оказались в числе авторов второго тома. Редактором-составителем этой книги является российский писатель, работающий в жанре фантастики, Вук Задунайский, автор «Балканского венца». Вук комментирует это культурное событие в контексте специальной военной операции на Украине. Предлагаем это интервью вниманию читателей.

– Автор «Балканского венца» пишет о западном русском пограничье. Чем вызвана смена темы?

– Для начала – несколько слов о самом интервью.

Договорились мы о нем с Ниной Ищенко где-то в конце января этого года. Планировали стартовать примерно через месяц. Однако 18 февраля 2022 года начались сильные обстрелы Луганска с Донецком и массовая эвакуация жителей ЛНР и ДНР в Россию. Я, конечно же, не мог оставаться к этому равнодушным. Предлагал уехать и Нине, но… она отказалась. Кстати, как и другие мои знакомые с Донбасса. Аргументы везде были примерно одинаковые – ничего страшного, мы за 8 лет к этому уже привыкли, все идет по плану. Ну и что прикажете делать с этими людьми? Ладно, – ответил я, – хорошо, давайте тогда вопросы к интервью. Написал я это, в общем, от невозможности хоть как-то изменить ситуацию к лучшему. Обстрелы между тем усилились. Украина явно готовилась напасть на народные республики и стереть их в порошок, в Луганске начались отключения электричества и связи, на голову жителям летели снаряды. Я уже не особо надеялся на что-то, но вдруг 20 февраля от Нины мне внезапно приходят вопросы для интервью. Определенно, этот народ нельзя победить! Пока я обдумывал, что мне ответить, грянуло 24 февраля, и начались события настолько колоссальные и невероятные, что перед ними не стыдно спасовать любому писателю, даже – фантасту. Происходящее затрагивает не только Донбасс, Украину и Россию. Они весь мир потрясают, заставляя его меняться!

Поэтому выходит, что тема моего творчества не так уж и поменялась: что Балканы, что Россия с прилегающими землями – это все, что называется, листья одного дерева. Только дерево то воистину мировое, корни его в прошлом, ветви – протянулись в будущее. А пограничье – оно и в Африке пограничье. Балканы – это вообще одно большое пограничье, причем не только в наши дни, но и тысячу лет назад. Ну а уж смелость и отвага, как и трусость с глупостью, что там, что тут – примерно одинаковы. Так что идеологию своих произведений мне как-то менять или корректировать тоже не пришлось. Произошла не смена

темы, а скорее – ее расширение. С раскаленных солнцем балканских гор я спустился на просторы Тартарии и… затерялся там. Огромные территории, разные часовые и климатические пояса, множество разных языков и культур… Тут есть, где затеряться. И хотя от балканской тематики я совсем не отошел – сейчас как раз планирую написать очередную «балканскую» повесть «Гаврило и черт» – очевидно, что судьбы мира сейчас решаются в самом сердце Тартарии: на стыке Украины, России и Белоруссии. Поэтому и мысли мои сейчас, и сердце – именно здесь.

– Второй том «Тартарии» выходит в решающее для России время. Насколько темы, затронутые в книге, актуальны для россиян? Или это просто сказки на ночь?

– Так уж исторически сложилось, что у гражданина Задунайского даже сказочки на ночь оборачиваются на поверку эпическими сагами ужаса и героизма одновременно. Но речь не только об этом.

Второй том проекта «Тайная история Тартарии» под названием «Дыхание Дикого поля» вышел в конце 2021-го года весьма кстати. Многие произведения оттуда оказались очень актуальными именно сейчас, поскольку там повествуется о контакте цивилизаций в степной зоне Евразии: от скифов и тюркских кочевников до славян, варягов и греков. Многие народы приходили на Дикое поле, многие уходили, были и такие, кто задерживался и воевал здесь. Но в конце концов, разные реки слились в один полноводный поток, который сейчас живет на этих благодатных землях. Да, его сейчас лихорадит. Да, здесь идет война. Но она закончится, а людской поток – останется. В любом случае, славяне между собой всегда договорятся.

А вот с кем мы не договоримся никогда, так это с теми представителями чуждых нам культурных общностей, кото-

рые веками приходили на нашу землю, неся нам, как правило, огнем и мечом, а еще ложью и обманом, свое понимание истины, которая для нас и не истина вовсе, а скорее ее извращение. Что немцу хорошо, то русскому смерть. Об этом в сборнике тоже кое-что написано. Например, повесть «Поющая Йойк» Людмилы и Александра Белашей. Нам определенно не по пути с теми, кто изымает детей из семьи, а потом занимается их эксплуатацией, не говоря уже о чем похуже.

И бриллиант сборника – цикл рассказов «Из жизни Шубина» Юрия Ковальчука. К сожалению, я не успел преподнести ему сборник, Юрий покинул нас в прошлом году. Его цикл посвящен старику Шубину – представителю малоизвестной в России донецкой мифологии. Шубин – шахтный дух, он помогает хорошим людям, плохих же – наказывает. А мой любимый рассказ из цикла – «Шубин и вызволители» – повествует о придурковатых украинских националистах, решивших «наехать» на Шубина, и о том, чем это для них закончилось. Сразу скажу – ничем хорошим. И тут мы уже практически выходим из фантастического континуума на почву сугубой реальности.

– В этом сборнике опубликована ваша повесть «Тайна кургана Телепень». Действия разворачиваются в альтернативной реальности, где в 2014-м образовалось государство Новороссия, в состав которого вошли все русские регионы современной Украины. Вы рассматриваете этот сценарий как фэнтезийный или считаете, что для него есть предпосылки в реальности?

– Что касается «Тайны кургана Телепень», то сам автор, в общем-то, в шоке от того, что он написал. Эта повесть была задумана в 2014 году, написана – в 2019, а напечатана – в самом конце 2021. Писал я ее как… в общем, сейчас не могу уже сказать, как что. Будем считать, что автор шел по наитию. Ну а вышло в итоге то, что вышло.

Приведу несколько цитат, чтобы читателям было понятно, о чем идет речь.

«- На Украину.

Вася хмыкнул.

- Н-даааа…

- Надеюсь, ты и без меня знаешь, что там сейчас творится.

Георгий присвистнул. Да кто ж этого не знает-то! С Украиной все было не то что плохо, – все было очень плохо. Ее даже не пришлось захватывать, как мечтали когда-то не очень дальновидные русские патриоты. Украина сама догналась и упала прямо за шиворот. И теперь непонятно было, что с ней вообще делать. Хохлы там самостоятельно поубивали друг дружку. Не без помощи госдепа, разумеется.

В истории, конечно, всякое бывало, Георгий учил ее в институте, сдал на пятерку, между прочим. Но никак не мог взять в толк, что должно случиться с людьми, чтобы они вот так вот начали уничтожать себе подобных. Сам он всю сознательную жизнь отрабатывал удары и блоки, и дрался вроде неплохо, на черный пояс надрался. И бывало, что до крови дрался. Но убить своих спарринг-партнеров, всех скопом, вместе с тренерами, ему и в голову не пришло бы. И даже тех мутных хмырей у кабака. И начальников. А здесь…

Ну как, как из пятидесяти миллионов в стране могло остаться всего десять? Этого он не мог понять, его мозг не вмещал это знание. Тут уже без надобности были танковые колонны и стаи «сушек» в небе, всякие там РЭБы и «Кинжалы». Горячо «любимой» хохлами России, изрядно за эти годы прокачавшей свои имперские скиллы, срочно пришлось начинать миротворческую операцию с целью спасения остатков территории и населения некогда сопредельного государства. Людей целыми городами доставали буквально с того света, где они пребывали без света, газа, воды, еды и лекарств. Как они там вообще жили?

В феврале российские миротворцы заняли весь Юго-Восток, образовалась Новороссийская Федеративная Республика, НФР, со столицей в Харькове. К России она покамест не присоединилась, как Крым в свое время, но к тому все шло. Западные области перешли под контроль ООН, там хозяйничали польские «миротворцы». А в неспокойном Киеве и соседних областях сидело какое-то левое правительство Тищенко, как про него говорили – совершенно независимое, потому что от него решительно ничего не зависело. Что там творилось, на той территории, которая когда-то называлась Украиной, можно было каждый день посмотреть в новостях и почитать в энторнетиках. От этих новостей холодело внутри даже у Георгия, которого сложно было чем-то напугать или удивить. А уж когда грохнулись каскад ГЭС на Днепре и Ровенская АЭС...

- Еще б не знать, – ответил Георгий на обращенный к нему вопрос. – Полный пипец там творится».

Когда масштаб предвидения вышел за некие разумные рамки, я опубликовал несколько отрывков из повести в разных соцсетях. В ответ мне написали, что фамилия моя, наверное, Шойгу, и я, скорее всего и спланировал спецоперацию России по демилитаризации и денацификации Украины. Потому что угадать некоторые вещи – практически невозможно. Официально я писал эту повесть как альтернативную историю. Но теперь, посмотрев на текст с высоты знания прожитого, задаю сам себе вопрос – ну какая же она альтернативная?

«– А теперь серьезно, – сказал Васек. – Вслед за армией, военной полицией, Росгвардией, МЧС и эпидемиологами на Украину потянулись и другие наши службы, в том числе СКР. Работки там для нас, как ты понимаешь, до фига и больше. Еле справляемся. Если быть совсем честным – не справляемся. Вот. И, в общем, нам нужна помощь.

Предложение Васька приобретало более конкретные очертания. Он продолжал:

- Наших туда много отправили. Формально мы прикомандированы к СК НФР. НФР – это Новороссийская Федеративная Республика, если вдруг не знаешь. Но фактически, конечно, это отделение нашего Следственного Комитета. И мы занимаемся только крупняком, военные преступления там, массовые убийства. Знаешь, я когда-то давно смотрел, как вскрывают захоронения в Сирии, и думал – черт, что могут чувствовать те, кто там в этих костях копается? Кто ж мог знать, что через -дцать лет я сам буду вскрывать такие могилы. Ты не представляешь, в некоторых – сотни тел! Там жило когда-то пятьдесят миллионов, понимаешь? Пятьдесят! А теперь от силы с десяток набирается. Кто-то разбежался, понятно. Кто-то помер своей смертью, кто-то не родился. Но остальные-то куда делись? Такого не было даже в Гражданскую и Отечественную, понимаешь? А еще мы находим в ямах и беременных, и подростков, совсем еще детей… Это не люди, понимаешь, те, кто такое делает. Это звери какие-то. Как в войну, когда фашисты деревни жгли.

- Ну, это ты зря, насчет зверей-то. Звери обычно убивают других зверей, чтобы поесть… Может, есть исключения – ласки там какие-нибудь, львы. Крысы вон вроде своих кушенькают, если припрет. Но это именно что исключения. Так что никакие это не звери. Люди это».

Откуда автор этих строк все это взял четыре года назад? Теперь уже сложно сказать. Но попытаюсь сформулировать, как это происходило. Я ничего не придумывал. Просто открыл карту Украины на экране компьютера, долго сидел и смотрел на нее – а потом закрыл глаза и… увидел все написанное, как наяву. Это была не выдумка в чистом виде, когда автор сидит и фантазирует, что б еще эдакого написать, чего никто еще не писал. Это работало скорее как зеркало: в реальности творилось нечто,

скрытое от глаз, но в сознании автора порождавшее удивительным образом структурированную модель мира. И в ней была страна, название которой – Украина – удивительным образом совпало с реальной страной с тем же названием. И эта страна вела себя так же, как ведет себя Украина настоящая, причем населяющие ее люди тоже занимались примерно тем же. Поскольку автор для созданной им Вселенной становится своего рода демиургом, здесь он может устанавливать те законы, какие считает нужным, и следить за их исполнением. Вот автор и возомнил себя чуть ли не Богом, он дал стране и людям то, что они заслужили. Эта схема прекрасно работала для альтернативной истории. Но вот когда дошло до реальности...

«Мама рыдала. Георгий не знал, что делать.

– Мам, ну зачем же так убиваться, а? И на Украине люди живут.

– Да уж знаю, как они там живут. Вот.

Мама включила телевизор. Там как раз показывали новости. Российский спецназ выдавливает отряды бандитов-правосеков из буферной зоны на границе Харьковской и Полтавской областей. В Запорожье прибыл очередной состав с гуманитарной помощью. Предотвращен теракт в Одессе, мощность взрывного устройства составляла пять килограмм тротила. Норманнская группа по урегулированию провела консультации по мирному процессу на территории Украины. Беженцы с Украины массово пересекают границу России пешком и на велосипедах, с российской стороны экстренно обустраиваются пункты...»

В реальности человек, который считает себя Богом, серьезно рискует либо встретиться с бригадой санитаров, либо стать лидером деструктивного культа. Но тут важно другое: если фантазию воспринимать как моделирование возможного развития событий, то, вероятно, может случиться и так, что модель окажется адекватной реальности. Если люди нарушают некие неписанные, но прекрасно известные им законы мироздания – следует ли удивляться,

что им «прилетает» в ответ? Мир не всегда прямолинеен и справедлив. Но в рассматриваемом случае, по-видимому, – да, да и еще раз да. И писатель тут предстает не в образе хирурга со скальпелем наперевес, а всего лишь как врач-диагност с медицинским справочником подмышкой.

«– Ну как долетел?

– Да нормально. Уж всяко лучше пассажиров ростовского рейса.

Васек промолчал. В доме повешенного не следовало говорить о веревке. Все знали, с чего началась российская гуманитарная интервенция на территории, которая некогда называлась Украиной. Хохлы сбили российский самолет, летевший из Антальи в Ростов, над нейтральными водами. Самолет упал в Черное море, все пассажиры погибли…

А после была попытка нанести удары «Точкой-У» по Таганрогу – до Таганрога ракеты не долетели, а вот несколько поселков натурально раздолбали в щебенку. А еще диверсионная группа проникла в Крым с Украины, грохнули местную ЛЭП и попыталась подорвать Крымский мост при помощи дронов. Было не очень понятно, зачем злочинной владе понадобилась столь провальная демонстрация силы, но итог этих невеселых событий состоял в том, что у России образовался казус белли, чем она незамедлительно и воспользовалась. Но так-то вообще Георгий подозревал, что про эти события они знали далеко не все».

При этом вся описанная картина – то ли будущего, то ли альтернативной истории сопредельных России территорий – не составляет основного содержания повести. Это скорее фон. В произведении есть полноценный сюжет, основанный, кстати, не только на реальных исторических фактах, но и на материалах настоящих уголовных дел. Сюжет детективный, но это тот самый случай, когда толком не знаешь, к кому бежать – то ли к полиции, то ли к священнику.

И развивается сюжет сразу в нескольких эпохах – тут и Малороссия XVIII века, и Колиивщина, и даже Пугачевское восстание, не говоря уже о современной Украине.

Кстати, такой необычный фон выбран не случайно – это иллюстрация того, что бывает, когда всякие упыри и недоупырки вылезают из своих нор и начинают злоумышлять против людей. И то, что обозначенные территории периодически скатываются в состояние Руины – это тоже не случайность, а малоисследованная общесистемная закономерность. Ну, или непостижимая мистическая тайна, кому что ближе.

«– Че это было? – спросил Георгий.

– Бандиты с большой дороги, вульгарис, – прокомментировать Санька. – Хорошо еще на исламистов не нарвались.

– А что у вас тут – и исламисты бегают?

– Бывает, что и бегают! Как зайцы. Чего ж им не бегать?

У Георгия исламисты как-то всегда ассоциировались с Ближним Востоком и Афганистаном, максимум – с Кавказом, но никак не с сопредельными территориями бывшей Украины. Судя по всему, он сильно отстал от жизни. Кто ж мог знать, что на этих территориях к тому времени, когда из власти будут изгнаны нацисты, начнется полный бардак, натурально «Средневековье, мракобесие и джаз», как пелось в одной песне. Впрочем, те, кто после падения ростовского самолета принимал решение о начале гуманитарной интервенции на Юго-Востоке, наверное, все прекрасно знали. Но не говорили никому.

Тогда ведь все прошло на удивление гладко, даже ПАСЕ носа не подточило. Современными ракетами ВКС за полчаса были уничтожены радары и реактивные установки ВСУ, нанесены массированные удары по военным и стратегическим объектам – аэродромам, танковым базам, складам с оружием и прочая. Все случилось быстро. Самолеты еще не отбомбились – а на федеральных каналах уже вовсю крутили красивую картинку. Удары были точечными и никак мирное население не затронули. Потом отряды спецназа взяли под контроль Южно-Украинскую и

Запорожскую АЭС – ходили слухи, что укродиверсанты намереваются подорвать их – и другие ядерные и химические объекты. Правда, не все. Кое-что украм все-таки удалось подорвать – объекты типа Ровенской атомной станции и каскада ГЭС на Днепре. Но в новостях на этом внимание не акцентировалось, а сильного заражения местности, как в Чернобыле, слава Богу, не случилось...»

Закономерность – это то, что мы думаем о мире. Случайность – это то, что мир думает о нас. Видимо, сейчас мир начал думать о нас как-то особенно интенсивно и громко – настолько, что даже людям слышно стало. В таких случаях говорят – ноосфера прохудилась. Для особо одаренных она начала подтекать достаточно давно – как оказалось, многие предвидели нынешние события, начиная с Пушкина и Тютчева и заканчивая Булгаковым и Паустовским. Я, конечно же, не Пушкин и даже не Паустовский, но внезапно тоже отметился в жанре спонтанных пророчеств.

Кстати, интересной в этом плане оказалась и другая моя повесть «Дело Вия» из сборника «Паны, холопы и Другие» упомянутого уже цикла «Тайная история Тартарии». Это сатира на майдан и пост-майдан. И предсказания там касаются в основном разных иностранных деятелей, погревших себе руки на украинских событиях, а теперь усердно делающих вид, что просто мимо проходили. Но Вия не обманешь. Не буду раскрывать спойлеры, но, похоже, тут мы тоже скоро увидим немало интересного.

«Ну а дальше события развивались со стремительностью несущегося с пригорка танка... Только с Днепропетровском пришлось попотеть, нацики там неплохо окопались. Ну и с Одессой – но там операция проводилась силами Черноморского флота и группировки из Приднестровья. Следом за этим посыпалась и Молдавия...

Георгий, конечно, подозревал, что и тут он знает далеко не все, и что, скорее всего, в отделившихся областях было сильное и глубоко законспирированное пророссийское

подполье, которое не удалось ликвидировать СБУ. В областях Севера и Запада Украины такого подполья не было, поэтому они к движению в сторону России не присоединились. Впрочем, этого никто особо и не ждал. Киев никто брать не собирался. Российские танки на Подоле так и остались плодом влажных укрофантазий. Зато туда, видимо, для острастки, выехало с десяток украинских абрамсов из тех, что были подарены Украине в рамках гуманитарной помощи из братской Американщины. Но то ли абрамсы те были уже давно списаны, то ли укротанкисты не справились с новой для них техникой, но тот выезд был фееричен: один танк заглох на майдане Незалежности, другой свалился с обрыва на крутом Владимирском спуске, еще один «поцеловался» со столбом на мосту через Днепр. На их эвакуацию ушло несколько дней, хорошо хоть не пострадал никто особо. От греха подальше сей мощный танковый бросок был остановлен самим руководством ВСУ.

Не было никаких массовых расстрелов в подвалах Лубянки, о которых грёзили некоторые русские патриоты. Для упорствующих в своих заблуждениях укров было придумано совсем другое наказание. Существовала такая древняя египетская казнь – «оставить наедине с собой». Хохлов именно так и оставили. Закрыли границы санитарными кордонами – и оставили. Фильтровали все, включая информацию. Георгий не мог похвастаться, что мало-мальски знает происходящее на той стороне. СМИ вещали про Руину отрывочно и явно в неполном формате. Но, по общему мнению, живые там отчаянно завидовали мертвым.

Еще не отзвучали бравурные реляции о добровольном присоединении к НФР новых городов и областей, как стало понятно, во что Россия ввязалась – безотносительно того воя, который раздался со стороны Запада, и различных санкций, на которые уже и внимание-то перестали обращать. Открылся, так сказать, истинный масштаб бедствия. Россия получила Новороссию практически разрушенной – и это даже без особых боевых действий. Георгий читал, что так же руинировано тут было все после войны. Но так то ж война! А тут… Теперешняя разруха

была следствием перманентного бардака, характерного для этих мест. Сами украинские территории, по мнению Георгия, были богатыми и плодородными, в России такие урожаи можно было собирать только на юге, да и то не всегда. Но отчего-то люди не могли тут жить по-человечески и все время испытывали страшную нужду, в чем Георгию виделись какие-то пока малоизвестные науке общесистемные закономерности.

Россия внезапно обрела, а точнее – вернула себе старые новые территории, хотя формально Новороссия была независимым и даже частично признанным государством. И бросить все это хозяйство у себя на границах уже нельзя было. Началась гуманитарная помощь, восстановление инфраструктуры, пошли разговоры о Союзном государстве. И завертелось...»

– И чем все закончилось?

– Где – в повести или в жизни?

В повести – закончится все, разумеется, хорошо. Не сразу и не для всех, но в целом скорее положительно. Зло не может получить полную власть над людьми и царствовать повсеместно, это своего рода флуктуация. Когда ее власть переходит пресловутые «красные линии», включаются совершенно другие механизмы, начинается «спецоперация» и система приводится к равновесию – пусть и через ужасы, кровь и смерть. Так это все работает испокон веков, мы вряд ли придумаем что-то новое. Энтропия и порядок находятся в неустойчивом равновесии: если где-то усиливается одно – то где-то автоматически берет верх другое. Мир же наш, таким образом, имеет форму сообщающихся сосудов.

Ну а если перейти к реальности, то не могу не отметить следующее. Украина последних лет декларировала, что она ориентируется на США и Европу. Я-то полагаю, что ни на что такое она в действительности не ориентировалась, ведь для этого надо быть не «шахматной доской», а как минимум субъектом международной политики. Ее тупо ориентировали – причем далеко не на заявленные образцы. Потому

что в таком случае Украину готовили бы не к тому, чтобы стать ножом в боку России, а к… федерализации. Поскольку и США, и некоторые страны Евросоюза (ФРГ, Австрия, Бельгия) являются федерациями. А есть еще так называемые региональные государства с сильной региональной автономией (Великобритания, Испания, Италия). Не говоря уже о том, что сам Евросоюз создан по конфедеративному принципу. И вместо того, чтобы строить развитое федеративное государство, на Украине было создано то, что уже просто не могло существовать далее.

Последние 8 лет разговоры о федерализации на Украине преследовались чуть ли не как государственная измена. Но это скоро закончится. Когда от разрушения процесс перейдет к созиданию, то начинать надо будет с решения ключевых вопросов, к которым, без сомнения, относится федерализация страны. Тем более что исторически территория, которая до недавнего времени находилась в границах Украины, всегда имела тенденцию к сильному регионализму – каждый крупный город, каждый полк самоуправлялся по большей части самостоятельно, не оглядываясь на Киев (Варшаву, Порту, Глухов – вставить нужное). И это именно то, что регионы просили у властей Украины все последние годы, и в чем им категорически было отказано.

А вот у Донбасса свой путь. Думаю, что после произошедшего ЛНР и ДНР на Украине либо в тех образованиях, которые возникнут на ее территории, просто нечего делать. Это Россия – была, есть и будет. Путь Донбасса домой оказался очень долгим, порядка ста лет. Но это, видать, судьба такая. Как написано в опять-таки моей старой повести «Сказание о сестре Софии и падении Константинополя»:

«Но однажды придет день, когда не Город ждать будет последнего своего часа, но весь род человеческий. Поднимется большая волна на Западе, но двинется навстречу ей такая же волна с Востока, вскипят валы с Юга – но встретятся они с такими же валами с Севера. Схлестнутся они, и ничто не устоит, а полю битвы снова быть здесь».

– Вы не только описываете западные рубежи России, но и активно участвуете в культурной жизни Донбасса. Вы являетесь рецензентом всех сборников Философского монтеневского общества, а в 2021 году стали автором альманаха «Территория слова», посвященного Славяносербии. Насколько важно формирование общего культурного пространства России и Донбасса?

– Скажу честно – до 2014 года с Донбассом меня ничего не связывало. Но этот год оказался судьбоносным – майдан, олимпиада, Крым, Одесса… Было бы хорошо, чтобы на этом все и остановилось. Но так не бывает. Потом случился Донбасс. И с тех пор я потерял покой: вроде бы живу и работаю в Москве – а душа где-то там, где бывал только проездом, где с неба падают снаряды и летят пули, а поди ж ты! Я внимательно отслеживал события, читал фронтовые сводки, переживал за всех – живых, мертвых и тех, кто находился между жизнью и смертью. Донецк, Славянск, Горловка, Волноваха… Эти названия навсегда врезались в память.

Некоторые из подхвативших синдром спонтанного миротворчества бегают и кричат, как им стыдно, начиная с 24 февраля 2022 года. А мне в этот день, напротив – перестало быть стыдно перед жителями Донбасса, впервые за 8 лет. Ведь это абсолютно ненормально и несправедливо: такие прекрасные, добрые и смелые люди – а живут под грохот снарядов и свист пуль. Безумно хотелось помочь им, защитить, согреть. Но увы – писатель может быть демиургом только в своих мирах, в этом он обычный человек. Разумеется, я пытался подбадривать их, максимально участвовал в совместных проектах, в том числе в упомянутых сборниках, координировал отправку гуманитарной помощи… Но этого было непозволительно мало. Так что начавшаяся в конце февраля спецоперация России на Украине избавила меня от мук совести, несмотря на высокую цену такого решения.

А теперь уже останавливаться нельзя. Остается идти вперед и только вперед, к победе. Состоятся демилитаризация и денацификация. Все мертвое уйдет в землю (как известно, то, что мертво, умереть не может), а живое – начнет расти и колоситься. Тогда и обнаружится, что наше общее с Донбассом и даже шире – с Украиной – культурное пространство никуда и не думало исчезать. Оно лишь затаилось на время. Нельзя перестать быть русским. Все попытки выковать из русских людей антирусских всегда заканчивались тем, что они переставали быть людьми. Надо заканчивать с этими экспериментами. Украинцы, когда придут в себя и поумнеют, поймут, что они на самом деле тоже русские, только с малороссийским колоритом. Также надеюсь, что однажды мы поприветствуем Луганскую и Донецкую республики в составе Российской Федерации.

– Расскажите о своих творческих планах, темах, замыслах.

– Кроме коварных планов по федерализации Украины, гражданин Задунайский занят еще целой кучей новых интересных проектов.

Во-первых, почти собран третий сборник из серии «Тайная история Тартарии», называться он будет «Что скрывает Глухомань?» Сборник выходит интересным, в чем-то парадоксальным. Потому что, ну кому эта глухомань нужна? Что там вообще может происходить? Авторы сборника попытались ответить на эти вопросы, и ответы эти не столь однозначны. Надеюсь, они будут интересны читателю. От меня в этом сборнике будет неожиданно легкая и даже, не побоюсь этого слова, романтическая вещь – «Чудовище с озера Бросно». Там нет ничего вселенского и остро политического. Хотя, конечно, как сказать...

Во-вторых, мы с единомышленниками вынашиваем идею возрождения конкурса «Наше дело правое». Как мне кажется, сейчас это именно то, что нужно. Специально под этот проект у меня написана большая повесть «Черта». Это

вещь серьезная, масштабная. Сюжет развивается сразу в четырех временных пластах: в 1612, 1812, 1941 и 1987 годах. А вот место действия одно и то же – скажем так, местность неподалеку от Москвы. Что там творилось в эти судьбоносные времена? А вот попробую напомнить.

Ну и, наконец, я уже упоминал, что мне хочется «вернутся» на Балканы, где лично меня ждет повесть «Гаврила и черт», а заодно и размышления о природе зла и истоках мировых войн. Надеюсь, все получится.

19 марта 2022 года

РАЗДЕЛ 3.

ОБЪЕМНОЕ ВИДЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ИНТЕРВЬЮ

ПРИОБЩАЙТЕСЬ К МОНТЕНЕВСКОМУ КРУГУ!

Арсентий Атоян
atoyannn@bk.ru

Интервью сайту луганской культуры «Одуванчик», приуроченное к выходу шестого сборника ФМО «Донбасс: философия фронтира» в 2021 году

– Каковы цели и задачи книги «Донбасс: философия фронтира»?

– «Донбасс: философия фронтира» представляет собой шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Как обычно ядро составляют прочитанные доклады за прошедший год работы Общества, а также доклады, планируемые к обсуждению в ближайшие месяцы. В книге приводятся рецензии, отклики, отзывы, заметки авторов и читателей на и доклады ФМО и опубликованные книги, список докладов. Новацией является поэтический комментарий ситуации в Донбассе – поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз», хотя стихи луганских поэтов не первые. Сборник объединяет понятие фронтира – жизни на границах территории, сферы, смыслов, поисков, пластов ментальности и психологии жителя нашего края в его поступках, мыслях, чувствах, сомнениях, грёзах, переживаниях, образах искусства.

Первый раздел о Донбассе как культурной границе открывает статья Виталия Даренского о новороссийской идентичности. Ставится вопрос: смогут ли новороссы выполнить свою великую историческую задачу удержания и наполнения огромных пространств от Прибалтики до Тихого океана, реинтеграции и возрождения Русского мира. Само слово Новороссия перестает быть термином чисто географическим, но становится глубоко жизненным, даже нравственным понятием-символом. Та часть населения Укра-

ины, которая не приемлет «евродеградацию» – это суть новороссы в нравственном смысле: это люди сопротивления. Новороссия всегда была и остается русским фронтиром, отодвигание и расширение которого в свое время и создало Россию как великое государство. На новом этапе и в иных формах то же самое происходит и сейчас – судьбы великой России решается именно здесь, считает В. Даренский.

Статья Н. Ищенко и Е. Заславской об образе Другого как структурной границе Русского мира проводит линию разграничения политики навязывания русско-культурному населению Украины новой украинской идентичности и поведения общности Донбасса как линии на сохранение идентичности. История с похищением княжны Анны Ярославны в российскую историю, как Порошенко отреагировал на исторический факт причастности королевы Франции к русскому миру, демонстрирует не столько комизм, сколько желание подменить и разрушить культурный код, показывая работу по стиранию общей идентичности, которая ведется на Украине на всех уровнях, в том числе политическом, образовательном, культурном. Но в статье монтеневцев системно анализируются способы разрушения, опасности проникновения культурного нигилизма в молодое сознание, что актуально в условиях того давления, которое оказывается на новые поколения. Попутно нужно отметить, что для читателей из РФ доступ к книгам луганских авторов на «Одуванчике» зачастую единственно возможный способ ознакомиться с новой литературой Донбасса до тех пор, пока она не попадет в другие сетевые библиотеки. Рассмотрение книг, опубликованных на сайте, с точки зрения их вклада в новую культуру Донбасса – дело, продвигаемое Н. Ищенко и Е. Заславской, выходящая за рамки опубликованных перечней дел ФМО, это достояние культуры Республики, которую хранят и наши сборники.

Во втором разделе интересна статья Игоря Грицких, рассматривающего политику как самодостаточный феномен социального общежития, обязательно сопричастный отношениям свободы и равенства, что созвучно определе-

нию политики в парадигме консенсусного разрешения противоречий. Но консенсус видится как взаимокомфортное распределение ресурсов и власти, что перемежается воспоминаниями о становлении представлений в рамках ФМО и роль луганчан как партнеров по пониманию политики данным автором. Это особенно интересно и нетрадиционно, когда живые люди из окружения автора и классики политической науки вступают в заочный диалог. Отрадно понимание луганчанами этого феномена как создания и сохранения неких правил общежития на основе свободы и равенства путем принятия консенсусных коллективных решений, ведущих к расслоению власти в многомерную полиархическую систему сдержек и противовесов. Это направления эволюции нашей республики, в этом есть перспектива. Развитие демократии блокирует война. Политика, как сфера деятельности по консенсусному социальному конструированию будущего, требуется более всего как навигатор, когда общественный корабль сбился с курса. И. Грицких дает абрис нового понимания политики, и это актуально для нас.

В еще одной статье Даренского, помещенной в разделе «Фокус осознания», речь идет о непризнанных государствах как гостях из будущего в связи с тезисом о русском народе как самом разделенном в рамках современного мира, но не только о возрождении народа внутри самой Российской Федерации, но и о защите и интеграции соотечественников, оказавшихся с 1991 года за ее пределами. В данном случае можно говорить об особой разновидности политики ирредентизма (от итал. irredento – «неосвобожденный») по объединению народа в рамках единого государства или единого цивилизационного пространства, что выражается в национальной мобилизации, при которой поднимается вопрос о воссоединении территории, на которой проживает народ-«ирредента», с титульным государством этого народа.

Рядом философско-религоведческий ракурс вечных ценностей. Владиир Ветов касается античной философии как предтечи Священного Писания, вводя в традиционную

тематику, что показалось нам интересным в свете соотношения веры и знания в поисках новой моральной парадигмы, устраняя противоречия между античной философией и христианским мировоззрением, чтобы найти истину, объединяющую всех. Постепенно и параллельно формировалась религиозная системность, основанная на сверхъестественных откровениях и рационализме.

Скептики-монтеневцы не только полемизируют, но и выслушивают оппонентов. Они за единение верующих и свободомыслящих на нравственной основе. Вне науки в истории часто разрешились некоторые противоречия между интеллектуальной деятельностью человека и задачами его жизнеобеспечения.

Андрей Кондауров делал доклад о таком явлении как социальная инфантильность, особенно важный для молодой аудитории. Социальная инфантильность может стать причиной формирования деструктивных форм социальных практик, гипотетически приводящих к комплексной деградации общества и, как следствие, культуры этого общества. Созидание гармоничной и развитой личности возможно только при целенаправленных волевых усилиях, приходит к выводу автор соответствующего доклада.

В третьем разделе «Спектр наших возможностей» анализируется книга «Локусы и фокусы современной литературы» (2020) философа и культуролога, писательницы и литературного критика, Нины Сергеевны Ищенко – заметное явление в духовной, творческой и интеллектуальной жизни Луганска. Интериоризация опыта чтения – постоянный мотив сайта «Одуванчик» – воплощен в самой фигуре автора. Облик его позволяет говорить о его укорененности в обстоятельствах здесь и сейчас. Перед нами живой человек: три поколения собирателей библиотеки, согласие с тем-то, несогласие с другим, чтение в момент, когда нет света, работы, воды… Условия военного города и желание остаться верным выбору и отбору того, что значимо лично для тебя, а не только для твоей общности… Собирая штрихи самохарактеристик автора, разбросанные в тексте, мы видим духовно

зрелого человека, адаптировавшегося к современным условиям книжника, переросшего привычные рамки книжной культуры, не чуждого аудиовизуальному миру и интернет-сообществу, автора полемичного, рационального, логичного, целеустремленного, обладающего тем, чего обычно нет у душевных людей, которых она не случайно выводит за пределы гностической классификации как несущественную разновидность, а именно людей с темпераментом и характером. Можно продолжить темы литературы, но за неимением места ограничимся сказанным. Изящны и выверены суждения из статей о Владимире Набокове Валентины Патерыкиной и Александра Мущинского. Трудно охватить все, что содержит сборник.

Есть еще четвертые раздел «Объемное видение» с Ольгой Бодрухиной, Александром Кондратьевым, другими интересными сообщениями и откликами, всех не перечислишь, но можно отметить разбор полетов нашего общества в обзоре Даренского, явившегося здесь в еще одной ипостаси. Даже предыдущий юбилейный сборник не отличался такой глубиной анализа собственной деятельности.

И пятый раздел. Поэтический комментарий – это целая книга! – поэма о Новороссии Елены Заславской – щемящая боль узнанности трагедии Донбасса в поэтическом отражении, крупное культурное явление Луганска. Говорить об этом произведении нужно бы отдельно.

Сборник, разумеется, имеет и недостатки при всей филигранной работе редакторов (Н. Ищенко и Е. Заславская едины во многих лицах!). Среди недостатков проделанной большим коллективом авторов работы надо бы отметить усложнение стиля изложения, с одной стороны и понятно – обретение ученых степеней, углубление в специальную литературу, «непрогнанность» некоторых тем через дискуссии под крышей, отсутствие диалога с противниками, упоение собственными интересами, известная отрешенность от ситуаций реальной жизни… все это может сузить эффект проделанной работы по привлечении читателей с другой стороны. Часто ведь боятся самого слова философия как зауми.

– Расскажите об авторах сборника.

– В сборнике указаны авторы с их регалиями, местами работы, чего мы первоначально не делали. Собственно, в Монтеневском Обществе может выступить всякий, кто не знает абсолютной истины, читал Монтеня, а выступив только два раза, он уже – член Совета нашего Общества. За 31 год никого не лишали слова, если он хотел выступить. Пока принимались и предложения напечататься, но портфель редакции растет, боюсь, что это продлится недолго. Совет начнет спорить, отбирать, авторы обижаться – редакционная суета, без которой пока обходились. Есть в данном сборнике профессиональные философы В. Ю. Даренский, В.В. Патерыкина, Н.С. Ищенко, поэт Е. Заславская, преподаватели ряда луганских вузов, писатель В. Ветов, аспиранты А. Кондауров и А. Мущинский. Чемпионка по тайскому боксу, выпускница индийского вуза, спортсменка и факир О. Бодрухина… А впрочем, я называл этих людей, отвечая на вопрос.

– В чем особенности содержания шестого сборника?

– Три особенности в сравнении с другими сборниками: выдвижение на первый план темы философии фронтира как объединяющей границы культурного средоточия не для одного выживания, но для полнокровного жизнетворчества, продвижения новороссийского проекта в новые сферы. Это важнейший поворотный пункт к реальности наших планов, к культурному освоению границы возможностей. Не уходим в себя, но привлекаем мир к нам… Во-вторых, это масштабный самоанализ проделанной с 2015 года работы, попытка отделить главное, а этим задать тон дальнейшим поискам. В-третьих, соединение разбора чужой и своей большой и малой культуры с творением самой луганской культуры на виду у всех – читайте поэму Елены Заславской! – поэзия была, но ничего подобного еще не было…

– Почему для Луганска важна книга «Донбасс: философия фронтира»?

– Лучшая защита – нападение. Мы находимся не только в само-стоянии, но и в противостоянии, идейная полемика вокруг идеологических вопросов, формирование боевой идентичности жителя нашего края, разъяснение актуальности того багажа с которым он идет в мир, подробнейшие экскурсы в ценности и достижения края и их защита от диверсии, пропаганды, пошлости, противодействие растерянности. Да, у нас не все в порядке. Нас душит блокада, ложь из-за бугра, нас мучают сомнения, бюрократизм и заорганизованность, но Республика живет всеми фибрами души, вбирает те запасы кислорода, которые пойдут на возвращение дыхания уже в настоящем, бытие в будущем.

– Как работает ФМО в условиях пандемии?

– Ох уж этот коронавирус! Как он замедляет нашу культурную жизнь! Но требования карантина мы призываем соблюдать, ибо жизни ценнее возможности обмениваться непосредственно лицом к лицу мнениями и соображениями. Медики шутят: гарантируем, что тот, кто вакцинируется, проживет пять лет… Сколько проживет тот, кто не вакцинируется, никто не знает. Медицинские нормы спасут человеческие жизни. Слов нет. Печально, что вирус выбивает почву из-под ног, что заставляет переходить на запасные пути. Мы скорее готовимся к возобновлению прежнего формата в Горьковской библиотеке, не собираемся переходить в онлайн, но наши редакторы работают на сайте «Одуванчик», где вы можете узнать все последние новости о нашем Обществе. Верим, что недалек и тот день, когда желающие вновь окунутся в атмосферу наших дискуссий, ибо философия – поход за истиной, которая нужна не одним только дипломированым или готовящимся получить дипломы. Приходите спорить, обсуждать, искать и находить. ФМО ждет посетителей с открытием библиотеки Горького. Возможны и презентации работ наших авторов вне Горьковки, но мы все же верны своим традициям и хотели бы обсуждений на своей территории.

СУДЬБЫ РУССКОГО МИРА НА ЛУГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Нина Ищенко
ninaofter@yandex.ru

«Русская периферия – это такая периферия, где рано или поздно решаются судьбы мира», – пишет в шестом сборнике Философского монтеневского общества «Донбасс: философия фронтира» московский писатель Вук Задунайский. Но Луганск – это не просто периферия, это пограничье, которые всегда сталкивалось с угрозами. Тема границы нашла отражение в шестом сборнике ФМО, вышедшем из печати в ноябре 2021 года.

В этой книге составители отступили от формального принципа соединения материала и сгруппировали тексты по содержанию. В предыдущих выпусках ФМО доклады делились на два раздела: «Слушали» и «В наших планах», где помещались доклады, прозвучавшие на заседаниях ФМО, и доклады, которые только планируются к обсуждению. В сборнике «Донбасс: философия фронтира» существует три содержательных раздела: «Донбасс как культурная граница», «ФМО – локус осознания» и «Спектр наших возможностей».

В первом разделе приводятся научные статьи участников ФМО о культурной границе. Так, раздел открывается статьей доктора философских наук Виталия Даренского «”Новороссийская” идентичность народа Донбасса», где автор анализирует процесс формирования народного самосознания в Донбассе наших дней, в условиях войны с Украиной и постепенной интеграции в русское культурное пространство. Продолжает этот раздел статья редакторов сборника Нины Ищенко и Елены Заславской «Образ Другого как структурная характеристика культурной границы на примере Украины и Донбасса». В статье анализируются формальные признаки пограничной культуры, определяются эти признаки на примере Украины и Донбасса, причем особое внимание уделяется пропагандистским методам

формирования образа русского как врага, применяемым на Украине с 2014 года. Авторы рассматривают украинские проекты «Пропагандариум» и «Ревизия истории», реализованные в 2019 году и нацеленные на изменение цивилизационной идентичности русских Украины. Таким образом, первый раздел сборника посвящен философскому осмыслению культурных процессов, идущих в зоне цивилизационного раскола на границе русской цивилизации, включающей и Донбасс, и Украину.

Если в первом разделе философы Луганска осмысляют реалии текущей войны, то раздел «ФМО – локус осознания» посвящен более общим проблемам политики и философии. Этот раздел содержит статью Игоря Грицких, кандидата исторических наук из Армавирского государственного педагогического университета, под названием «Политика как область консенсусного социального конструирования будущего», текст Виталия Даренского «Непризнанные государства: гости из будущего?», а также доклад Владимира Ветева о взаимосвязях античной философии и Священного писания, и статью Андрея Кондаурова, преподавателя Академии Матусовского о социальной инфантильности современных техногенных обществ.

Спектр возможностей ФМО демонстрируется в третьем разделе сборника, посвященном литературе и отражению реальности в литературных процессах. В этом разделе помещена критическая статья Арсентия Атояна, доктора философских наук, одного из основателей ФМО, о творчестве Нина Ищенко, где рассматривается не только книга «Локусы и фокусы современной литературы», опубликованная автором в 2020 году, но и дается очерк основных интенций и творческой работы луганского критика. Новой поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» посвящена статья Ольги Бодрухиной «Новороссия грёз: фэнтезийно-партизанское многобожие у подножия православного храма», где показан мифологических, поэтический и эпический аспект поэмы, отражающей события 2014 года в разных топосах: в Донбассе, Украине и Голландии. Разные локации позволяют совместить происходящее

в разных пластах реальности, повседневном и мифическом, и дать объемную панораму донбасской войны в разных ее аспектах.

Еще одним писателем, чье творчество привлекает внимание луганских философов и литературоведов, является Владимир Набоков. Его прозе также посвящены два текста: статья Валентины Патерыкиной, доктора философских наук, о двоемирии в романе «Приглашение на казнь» и историко-критический анализ восприятия ранней прозы Набокова в эмигрантской среде, результат работы Александа Мущинского, преподавателя ЛЭПЛИ. Так многоплановая панорама луганской философской жизни, отраженная в деятельности ФМО, начинается с осмысления конкретной ситуации военного Донбасса и завершается великой русской литературой, хранящей смыслы и ценности, которые защищает воюющий Донбасс.

Деятельность ФМО важна не только для Луганска, она имеет международный резонанс. Книги ФМО выходят маленькими тиражами, зато представлены в сети, их используют для научной и литературной работы философы и писатели как Донбасса, так и России. В разделе «Объемное видение» содержатся отзывы на разные сборники ФМО, а также очерки деятельности общества в Луганске. Среди отзывов публикуется очерк «Война, розы и Монтень» Вука Задунайского о значении ФМО для сохранения и трансляции русской культуры на границе Русского мира. В этом разделе также можно прочитать рецензию Татьяны Анпилоговой, кандидата исторических наук, на третий сборник ФМО «Донбасс в огне». Воспоминания о начальном этапе деятельности ФМО и о предвоенных встречах, вместе с анализом современной ситуации принадлежат Виталию Даренскому и Игорю Грицких. Авторы этого раздела очерчивают место ФМО в интеллектуальной жизни Луганска в течение последних тридцати лет, особо подчеркивая работу общества по сохранению культуры диалога и полифонии мнений в современной военной ситуации.

Книга завершается поэтическим комментарием к событиям 2014 года в Луганске, поэмой Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз». В этой поэме в образной форме показаны те идеи, которые направляют работу ФМО уже более тридцати лет: важность культурной памяти, ценность каждой человеческой жизни, любовь к родной земле.

ФМО существует в Луганске с 1990 года, то есть философы Луганска собирались для обсуждения философских тем при СССР, Украине и ЛНР, но только в Республике стали публиковать свои доклады. Война, начавшаяся в 2014 году, показала, что память дает Донбассу опору в самые сложные времена, и что кроме жителей Донбасса, сберечь ее некому. Заседания Философского монтеневского общества и его книги позволяют сохранить память места и культуру общения в те переломные времена, когда на периферии Русского мира в очередной раз творится история.

ФИЛОСОФИЯ НОВОРОССИЙСКОГО ПОЛИСА

Виталий Даренский
darenskiy1972@rambler.ru

Русская периферия – это такая периферия,
где рано или поздно решаются судьбы мира.
Вук Задунайский

200-страничная книга «Донбасс: философия фронтира», изданная в Луганске издательством «Блиц-информ» и составленная под редакцией Н.С. Ищенко и Е.А. Заславской в 2021 году, представляет собой шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. В него вошли избранные доклады 2002-2021 гг., а также рецензии и отзывы читателей на опубликованные книги и доклады ФМО, общий список докладов последних лет, поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз».

Выход этой книги представляет собой очередное знаменательное событие в культурной жизни Республики. Он является свидетельством регулярной и интересной интеллектуальной жизни в Луганске. Заседания Философского монтеневского общества Луганска регулярно проходят в отделе «Русский мир» Республиканской библиотеки имени Горького и уже традиционно привлекают большое число участников из числа гуманитариев и студентов. Особую активность Философское монтеневское общество развило после войны – именно с 2015 года впервые начали регулярно издаваться сборники его докладов в виде бумажных книг благодаря помощи спонсоров и активной работе Н.С. Ищенко и Е.А. Заславской, которую они ведут все эти годы.

Благодаря участию Н.С. Ищенко заседания Общества приобрели более системный и организованный характер, а благодаря участию Е.А. Заславской в сборнике появилась новая – поэтическая – рубрика. Сочетание научных и художественных текстов само по себе является интересным возрождением традиций, которые бытовали в классической культуре – стоит вспомнить, например, сборник Н.В. Гоголя «Арабески», в котором были объединены его художественные тексты, критические и научные наброски в области истории. Вот и в этом сборнике поэма Елены Заславской создает живой камертон эпохи, благодаря которому другие тексты воспринимаются глубже и ярче.

В философских текстах определенным общим концептуальным мотивом является переосмысление двух основополагающих для луганских философов проблем. Первая, локальная и практическая – рефлексия цивилизационной идентичности Донбасса. Вторая – чисто философская, но тоже глубоко связанная с проблемой идентичности – это переосмысление природы и специфики самого философского знания. Сборник открывается двумя статьями по первой теме – о новороссийской идентичности текст В. Даренского, и о цивилизационной границе, которая проходит через Украину, текст Н. Ищенко. Последний включает в себя обзор большого материала по истории культурной жизни Луганска после 2014 г. и построена как анализ универсалии

«Другого». Показано, что создание украинскими идеологами образа негативного Другого по отношению к Донбассу и Русскому миру в целом – является результатом общей культурной деградации украинской идентичности как маргинального и бесперспективного западного проекта.

В статьях Владимира Ветова «Классическая философия как предтеча Священного Писания» и Андрея Кондаурова «Социальная инфантильность как техногенная угроза современному миру» исследована экзистенциальная насущность философии в наше время. В первой показано, что без основы античной философии было бы невозможно ясное понимание и толкование Евангельской вести и создание христианской культуры. Вторая показывает важную грань современной цивилизационной катастрофы – примитивизацию современного человека техногенной цивилизации. Это самые кардинальные темы современной философской рефлексии.

Вторым важным содержательным блоком сборника являются тексты литературоведческой и культурологической тематики, представленные В. Патерыкиной, А. Мущинским, О. Бодрухиной и А. Атояном. Это большая традиция ФМО – исследование философской проблематики через ценные литературные тексты. Луганская философия вообще литературоцентрична и эстетична с самого момента своего возникновения в 1990-х.

Наконец, важнейший содержательный блок – это рефлексия и анализ того пути, который прошло ФМО за 30 лет. Среди этих текстов выделим статью И. Грицких – постоянного участника его заседаний в 2000-х годах, который сейчас живет и работает в России. Среди других текстов этого круга особый интерес представляет эссе Вука Задунайский, в котором находим смелый афоризм: «русская периферия – это такая периферия, где рано или поздно решаются судьбы мира» (с. 148). Не является ли это преувеличением? Нет, не является, поскольку судьба России всегда решалась ее провинцией, а судьбы мира уже полтысячелетия не решаются без участия России.

Поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз» – это политистилистический текст, сочетающий в себе поэзию, прозу и дневник. Как в свое время тексты В. Розанова, он создает непередаваемую атмосферу эпохи, которая благодаря таким текстам уже никогда не будет забыта.

Стоит отметить, что феномен современной луганской философии и современной луганской культуры вообще удивительным образом отсылает нас к ситуации рождения классической культуры в древнегреческом полисе. Действительно, а что такое ЛНР со столицей в Луганске с точки зрения известных моделей культуры и исторической жизни? Это не что иное, как классический полис – город-государство. (Городов у нас есть еще более десятка, но они теперь стали своего рода луганскими пригородами). И эта особая атмосфера полиса, которую не могли передать наши университетские учебники истории Древней Греции, сейчас нами переживается как нечто свое и родное. Из этого духа и рождается философия – как и две с половиной тысячи лет назад – потому что философия всегда рождается заново.

ШЕСТЬ МИРОВ ЛУГАНСКА

Андрей Кондауров
moregoods@mail.ru

Рецензия на шестой сборник ФМО
«Донбасс: философия фронтира» (2021)

«Донбасс: философия фронтира» – шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Число шесть, согласно философии буддизма, ассоциируется с шестью мирами сансары – круговорота рождения и смерти. Нарака-лока – мир низовых существ; Прета-лока – мир голодных духов; Тирьяка-лока – мир животных; Манака-лока – мир людей. Асура-лока – мир полубогов; и наконец Дэва-лока – это мир высших существ. Каждый из миров имеет свои особенности, которые в то же время достаточно хорошо подходят

и для описания интеллектуального отражения луганской философской жизни. И жизни Луганска вообще. Шесть миров основаны на границах, пересечения которых снизу вверх показывает путь усложнения и свободы.

Луганск в состоянии нарака-лока – это антигород, конструирующийся в украинских СМИ и репрезентируемый в форме сложной хореографии фейков и самых печальных фактов из жизни луганчан. Луганск в состоянии нарака-лока постоянно конструирует в своих философских книгах Александр Еременко, доктор философских наук, один из основателей ФМО, выбравший в 2014 году сторону Украины. В статье Елены Заславской и Нины Ищенко приводится отрывок из книги Александра Еременко «Размышления о луганской Вандее», где автор пытается анализировать конфликт Украины и Донбасса в категориях цивилизации и варварства, развитого и отсталого общества: «Прослойка сторонников единой Украины, продвигающейся по пути интеграции в Европу, в среде луганской интеллектуальной элиты была ничтожна… По нашим наблюдениям, жители Донбасса весьма слабо знакомы с европейскими ценностями и европейским образом жизни. Их сознание заполнено упрощенными стереотипами, своеобразными мифами о, якобы, «гнусной и развратной Европе». Прискорбно, что не только темная, косная, невежественная народная масса невосприимчива к европейским ценностям. Значительная часть донбасской интеллектуальной элиты относится к европейским ценностям, мягко говоря, прохладно и предпочитает им ценности «русского мира»… Почему так? Донбасские интеллектуалы плохо знают европейские ценности? Либо плохо, либо достаточно хорошо. Второй вариант ответа представляется нам более вероятным. Но это означает, что многие донбасские интеллектуалы, зная, что представляют собой европейские ценности, тем не менее, предпочитают им православно-советско-российско-имперские. Это не столкновение цивилизации с варварством, это столкновение разных цивилизаций». Александр Еременко видит решение проблем современного украинского общества в забвении истории и приятии новой украинской идентичности. Однако этот «цивилизованный» путь неприемлем для луганчан.

Луганск в состоянии прета-лока – это цитадель мести, подпитывающая свои стены гневом войны. Под этим городом сеть лабиринтов угольных шахт, с бурлящими тоннами красной крови, готовящейся пробить землю невыразимым гейзером. Это ощущение надвигающегося взрыва побудило Александра Кондратьева, выпускника ЛГПУ, обратиться к истории Теночтитлана, ацтекской цивилизации, практикующей человеческие жертвы. Пример ацтеков в поклонении смерти и приношении на алтари богов массы жертв показывает, что по итогу цивилизация достигнет той точки, где эта смерть станет тотальной и всеохватывающей, уничтожая ее. Следование за разрушающими идеалами чаще всего приводит к ликвидации системы, которая использует ее идеи и подходы. То есть, необходимо искать именно те идеи и позиции, которые будут вести общество, как локально, так и глобально к созиданию, а не разрушению.

Луганск в состоянии тирьяка-лока ест и спит, живя как существо в оковах конформизма. Этот слой представлен персонажами Владимира Набокова из романа «Приглашение на казнь», рассмотренном Валентиной Патерыкиной. Профессор Патерыкина показывает принципиальное двоемирие не только романа Набокова, но и жизни как таковой в ее глубинах. Конформизм и эгоизм противостоит миру духа, и эта идея актуальна в русской литературе и в жизни Луганска.

Луганск в состоянии манака-лока – это город биографий, с датами смертей и рождений. Город, исчисляющий свои ритмы в поколениях, волнами облетающих мир. В сборнике собраны отзывы участников ФМО о его деятельности, как научный анализ феномена философского общества в прифронтовом городе, так и личные впечатления любителей мудрости. Некоторые участники ФМО, как Евгений Гнатенко и Игорь Грицких, уехали из Луганска, другие же, как Арсентий Атоян, Виталий Даренский, Нина Ищенко, Елена Заславская, живут и работают в Луганске, участвуя в создании и жизни такого удивительного явления как Философское монтеневское общество.

Луганск в состоянии асура-лока – это город героизма, созданный бурными событиями и волей людей, город, которым мы гордимся. Этот город отражен в поэме Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз», служащей поэтическим

комментарием к ситуации в военном Донбассе. В книге «Донбасс: философия фронтира» помещается критическая статья Ольги Бодрухиной об этой поэме: «Елена Заславская не просто рисует картину Апокалипсиса 2014 года с точностью, которая достигается синтезом иконографии и батального жанра, она еще и наносит интерактивную карту, которая как стерео (переливающийся) календарик, содержит локации до- и послевойны. Под одним углом там люди живы и занимаются привычными делами в привычных местах, поверни еще на несколько градусов, и многих из них уже нет, вместо них – вспышка, вместо мест – воронка, Лавкрафтовские терриконы безумия. В христианской философии, в самой вере заложен приоритет человеческой воли, которой он наделен от Творца. Бог, который есть беспричинная любовь, есть и причина свободной воли в человеке. Это и есть его главное оружие в борьбе между Светом и Тьмой».

Наконец, Луганск в стоянии дэва-лока – это город мечты, где будут жить сегодняшние дети, когда вырастут и попадут в будущее. Эту часть истории напишут они, люди будущего, которые уже сейчас интересуются философией, историей, поэзией, осмыслением мира в разных его формах. Именно этому они могут научиться, читая книги Философского монтеневского общества и посещая его заседания.

Заседания Философского монтеневского общества в Луганске происходят таким образом, что отображают в зеркалах своих встреч все состояния Луганска. Выход в свет сборника «Донбасс: философия фронтира» дает большой слепок разных взглядов и позиций на один и тот же город, доказывая своим разнообразием, что речь явно идет о городе как минимум в шести модусах. Луганск – это несомненно место прохождения границы, то есть у нашего города есть все условия для того, чтобы в его биографии могло происходить все самое интересное: стояние на грани, переход за грань, состояние пограничья, другие культурные маневры. Похоже, что шестой сборник ФМО раскрыл истинный статус Луганска: Луганск – это город в суперпозиции, буддийский взгляд на который показывает как минимум шесть его составляющих. А судьба интерференции Луганска зависит уже от конструктивности или деструктивности прежде всего

интеллектуального вещества города. Культурная граница интерференций Луганска – это опасность, но и возможность. Фокусируя наше сознание на спектре наших возможностей, можно утверждать одно: пока существует в Луганске ФМО, город никогда не станет черной дырой.

MOTUS ANIMI CONTINUUS

Александр Мущинский
spliffo@mail.ru

Сверхчувственное – вздор,
Мир – постигаем,
Пусть познан до сих пор
Лишь самым краем.
Нет абсолютных истин,
Они – конкретны:
Когда с них шкурку счистим,
Храни, как ренты
Желательный оброк,
Ядро нутра:
Суть, добытая в срок,
Мудра.

Георгий Оболдуев

Предлагаемый сборник «Донбасс: философия фронтира» – это коллективный труд творческой интеллигенции, ведущих исследователей в области гуманитарных и философских наук, преподавателей и студентов вузов ЛНР.

Какие же цели преследуют авторы собранных в нечто целостное статей-пазлов и докладчики заседаний ФМО? Однозначно главной целью является развитие луганской независимой мысли. То, что мысль – начиная с 2014 года – обрела другой вектор для полета, – неоспоримо, об этом говорит каждый второй. Сегодня в «монтеневских полетах» можно поучаствовать, как правило, по средам в Луганской

областной универсальной научной библиотеке имени М. Горького. Темы, затрагиваемые авторами статей, разнообразны, широки, актуальны как для творческого населения, так и для широких масс.

Так, например, в первом разделе «Донбасс как культурная граница» рассматриваются вопросы, касающиеся территориального определения Донбасса, и предпринимаются на теоретическом уровне попытки расшифровать проблемы диалога и разграничения культур Украины и России. Так, например, В. Даренский, рассматривая термин «Новороссия», проводит краткий исторический экскурс, чтобы познакомить читателя с определяемым понятием и сформировать наиболее точное понимание рассматриваемого. Автор статьи «Новороссийская идентичность народа Донбасса (к вопросу о цивилизационной специфике региона)» утверждает, что «новоросс» – прежде всего – «…русский человек, судьбами Истории выпущенный скитаться по своей воле, никому и ничем не обязанный, лишенный памяти и корней». Таким образом, по прочтению статьи, читатель приходит к выводу, касающемуся тождества «русский-новоросс».

Ответить на вопрос, какое место занимает среди авторов статей литература и философия, значит, ответить на вопрос, касающийся основного направления ФМО. Совокупность литературных тенденций, к освещению которых склонны авторы, рекомендуется к рассмотрению и анализу на самых разных уровнях: от интертекстуальных связей до разбора исторических элементов в тех или иных художественных произведениях. Так, например, В. Патерыкина в своей статье «Двоемирие в романе Владимира Набокова "Приглашение на казнь"» рассматривает основные мотивы и категории творчества русско-американского писателя: двоемирие, отражения и прозрачность.

Пространство ФМО – это мир дискуссий, поиска компромиссов, решений проблемных вопросов и главное – свободы слова. За время существования данного философского общества не было отказано ни одному человеку, желающему выговориться, выступить с той темой, которая его волнует. Выступление каждого докладчика сопровождалось поддержкой, которая была выражена в

подтверждениях, дополнениях, подкреплениях, рекомендациях и компетентной оценке доклада как членов ФМО, так и обычных слушателей.

ФМО не стоит на месте, и даже не идет – летит. «Motus animi continuus» («непрестанное движение души») – как писал Томас Манн о внутреннем голосе писателя – свойственно каждому стремящемуся. Каждый член ФМО – стремящийся разобраться, берущий на себя обязанность перед самим собой не допустить, чтобы «слова заполнились молчаньем»; он ищет и всегда добирается к своей Итаке. Qui quaerit, reperit.

ЦВЕТИСТОЕ ПОЛОТНО ЛУГАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СБОРНИКЕ ФМО «ДОНБАСС: ФИЛОСОФИЯ ФРОНТИРА»

Валентина Патерыкина
zelenlist@mail.ru

Каждое поколение живущих выкристаллизовывает людей, ищущих ответы на проклятые вопросы бытия. История человечества преподносит имена славные, высокие, под которыми проживали порой чудаковатые, порой трагические, порой ироничные личности, но всегда с обостренным отточенным умом и болью за несовершенство мира. Имена, прославившие себя, свое время, свою страну. Их не может быть много, ибо не всем дано дотянуться до высот осмысления бытия в суете буден и поиске хлеба насущного. Но такие имена пассионарны, независимо от времени и места проживания. Пафосность такого утверждения оправдана тем, что в периферийном (но не провинциальном Луганске) вот уже тридцать лет здравствует Философское монтеневское общество.

Луганские пассионарии

Задача Философского монтеневского общества воистину блага и высока: манифестировать луганскую философско-культурную среду, прикоснуться к поиску истины,

ускользающей и манящей, просвещать, объединять мыслящих, неравнодушных к себе и к миру личностей. А в последние семь лет к этим задачам добавилась еще одна: показать, что интеллект Луганска жив, несмотря на инфернальное состояние территории, именуемой Донбассом. Именно об этой территории как о границе, о фронтире. повествует шестой сборник докладов и материалов ФМО «Донбасс: философия фронтира».

В этом порой теряющем опору жизни пространстве здравствует Мишель Эйкем де Монтень, пришедший из эпохи Возрождения и звучащий далеко от родной ему Франции. Общество луганских любомудров, названное в честь французского скептика, существует в Луганске более тридцати лет, и юбилейный сборник докладов вышел под названием «Монтень в Луганске». Попробуем разобраться, что же забыл Монтень в Луганске и актуальны ли его опыты здесь, на границе Русского мира, во время войны?

Букет Монтеня

Наброски размышлений Мишеля Монтеня свободной формы воплотились в эссе, давшем начало целому жанру эссеистики. Об «Опытах» (они же размышления или эссе) автор в духе присущей ему неподдельной скромности говорит, что эта книга – букет, составленный из чужих цветов, а ему принадлежит только ленточка, связавшая их. Размышления над размышлениями происходит без кокетства познания касаемо самого себя и мира. Не назидательно Мишель Монтень даже не учит, а просто размышляет над вечным вопросом счастья человека. «Личность – человек, умеющий наслаждаться жизнью и переносить несчастья», – сказано мыслителем в эпоху войн католиков и протестантов, когда проявилось умение Монтеня понимать и тех, и других. Отсюда проистекает значение мудрости, которая преподносит радостное восприятие жизни, хорошее расположение духа и состояние счастья, которое заключено в том, чтобы хорошо жить.

Ироничный Монтень сам избегал суетности, говоря о человеке, как изумительно суетном существе. Мыслитель

– человек не крайних решений, не допускавший ничего сверх меры. Отсюда проистекает отсутствие любви и ненависти к властям. Мишель Монтень вопрошает: разве не привлекательно повелевать, пусть даже на гумне? Результатом его литературной славы было избрание философа мэром Бордо, для мыслителя решение совершенно неожиданное и обременительное, поскольку в этом случае Мишель Монтень переходил на сторону повелевающих.

Понимая, как изменчивы человек и мир, Мишель Монтень не менторствует, а советует, пребывая в мудрых сомнениях со скептическими настроениями к невозможности познания. Размышлениям очень часто можно поучиться и у врага, поскольку жизнь – вместилище блага и зла. Сотканное из противоречий бытие позволяет прийти к заключениям: надо много учиться, чтобы осознать, что знаешь мало; лучший способ запомнить что-либо – постараться забыть; мы не освобождаемся от пороков, а меняем их на другие. Наблюдаемое и наблюдатель слились и, вместе с тем, разъединились в Монтене, поэтому он не трагичен, а оптимистичен, ведь человек страдает не столько оттого, что происходит, сколько оттого, как он оценивает, что с ним происходит. Будучи строгим к себе и порокам (уж больно вольно его воспитывали в детстве), Монтень все-таки задается вопросом о равенстве себе самому и нерастраченности своего целостного состояния, поскольку самая великая вещь на свете – уметь принадлежать себе. И вечная жажда познания: если хочешь излечиться от невежества, надо в нем признаться; нет стремления более естественного, чем стремление к знанию; очень полезно оттачивать свой ум об умы других. От мрачных характеров и от сварливых людей Монтень бежал как от чумы, не вмешиваясь в беседу.

Вот таким предстает Мишель Эйкем де Монтень, имя которого взяли для своего поля единомышленников луганские мыслители, объединившиеся в философское сообщество.

Донбасс: философия фронтира

Один из создателей Философского монтеневского общества в Луганске Арсентий Атоян дал такую характеристику своим сподвижникам: это сообщество ищущих, а не нашедших. Эта метафора звучит в каждом из сборником ФМО, в том числе и сборнике «Донбасс: философия фронтира».

Сборник – одно полотно: плотное, цветистое, избыточное. В нем бессмысленно разглядывать и выискивать скрепы плетения, узелки, сочленения, ибо теряется прелесть целостного восприятия. Вот уж поистине воплощение единства в многообразии и многообразия в единстве!

Однако меня зацепила одна мысль, высказанная одним из редакторов и авторов сборников ФМО Ниной Ищенко: является ли Луганск городом-интровертом? Будучи составителем сборников ФМО, литературно-художественным критиком, историком философии, Нина Ищенко утверждает, что Луганск город-интроверт, в культурном пространстве представляющий собой замкнутый локус, не стремящийся ничего транслировать вовне.

Позволю себе не согласиться! Луганск в самом лучшем своем исполнении – экстраверт, открыт миру, несмотря на незаживающую семь лет рану, нанесенную войной. Сборники ФМО, встречи единомышленников, дискуссии на такие, на первый и на второй взгляд, странные и отрешенные от реалий военного пограничья темы, как творчество Набокова, наследие ацтеков, культура барокко, социология воображения, являются подтверждением того, что тело, страдающее в войнах, несет в мир вечную мысль о поисках красоты и истины.

Поэтому мое пожелание членам монтеневского общества, которое прозвучит, возможно, несколько странно: быть в статусе ищущих, но не нашедших, ибо найдя, завершится поиск того, на чем стоит философия. А она бессмертна!

РАЗДЕЛ 4.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

ZAПИСКИ VETEPAHA АПОКАЛИПСИСА

Елена Заславская
zaslavskaja@gmail.com

1

Всё, что мне нужно: нож, кэш и нательный крестик,
Хотя достаточно и одного креста.
Это мой меч, оружие против бесов
В темные дни Апокалипсиса.

Это не гром пушек,
Это мир сбрасывает старую кожу,
Падают как игрушечные
Деревья, дома, прохожие.

«Войнушка! Войнушка!» – кричали дети,
То самое поколение «бумер».
Войнушка – всего лишь игра на планшете:
Движение пальцем, и враг твой умер.

На самом деле так и бывает,
Палец на крючке спусковом,
И прежде чем тебя убивают,
Ты успеваешь подумать о том –

Успел ли ты сохраниться?
В облаке, в доме, в родимых лицах?
В рыжем мальчишке, так на тебя похожем,
Может быть, в песне? Может быть в книжке?
Может быть, может быть, может быть...

Потом, прикрывая руками рану,
Ты падаешь в грязный февральский снег,
И кто-то живой свое дыхание
Тебе отдает при всех.

2

Ничего не оставляй на завтра!
Завтра война!
Мировая. Гибридная. Третья. Четвертая...
Сухпаек военторга съедая на завтрак,
Ты увидишь, как катятся к черту
Твои ипотеки, кредиты, пузатые хаты...
Карты биты.
Ты гол как сокол.
И не верится.
Ты лежишь среди дикого поля.

Под тобою Большой Суходол.
Над тобою Большая медведица.

3

Когда распадалась империя,
Как же мы верили
В мир, дружбу и жвачку,
Биг-мак, кока-колу,
Потертые джинсы,
Последней заначкой
За все эти прелести не дорожили.
Какими ж мы были наивными, глупыми, жадными!
Но мир этот сгинет,
Охваченный новым пожаром!

4

Завтра эвакуация.
Завтра мобилизация.
Поезд отходит от станции
Город Дебальцево.
Ну же, останься,
Не бойся,
Так уже было:
И бронебойными били,
И мы уходили
Без боя,

Чтобы вернуться
К своим алтарям и могилам,
Чтобы остаться,
Чтобы остаться
Собою.

5

Мне снится Зорро
В своем сомбреро!
А раньше снился город
Под минометным обстрелом.
Взорванная Горловка
И ее Мадонна.
И слезы во сне подступали к горлу,
А на иконе
Плакала Богородица.
А может, мне показалось.
И луч восходящего солнца
Сквозь тьму пробивался.

6

Окопная линия обороны.
Воды по колено и глина, глина...
Земля пропитана потом и кровью.
Господи, из этого месива ты создал мужчину?

Видны обнаженные корни,
И пролесок синий-синий.
Засмотрелся на цветок воин
И вспомнил глаза любимой.

7

Причастье битвой.
Причастие ветром.
Причастье светом
В бою со смертью.

Лети, молитва
Моя, сквозь тризны.
Дай силу в битвах
Сынам Отчизны.
Причастье верой
Во имя Жизни.

8

Когда наши возьмут Киев,
Мы станем другими.
Мы станем совсем другими.
Какими?
Я не знаю, что мне тебе ответить,
Но я верю в жизнь после смерти
И в мир после нашей победы!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список докладов Философского монтеневского общества за 2021–2022 гг.

22.09.2022. Трансгуманизм Пелевина: прогноз или провал? (А. С. Кондауров)

29.09.2022. Том Стоппард и его «Берег Утопии», или русские истоки интернационалов (А. И. Атоян)

6.10.2021. Прорывные технологии и будущее человечества – спасение или тупик? (Ю. М. Каныгин)

13.10.2022. Половецкая степь – евразийский перекресток (В. Ветов)

1.12.2022. Философия фронтира в Луганске. Презентация шестого сборника ФМО (Н. С. Ищенко, А. И. Атоян)

22.12.2022. Ценности человека. Игра и правила (И. Погорелов)

26.01.2022. Каково было тайное имя Рима? (Н. С. Ищенко)

2.02.2022. Взлет и падение жанра фэнтези. О новой книге Нины Ищенко «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (А. И. Атоян)

9.02.2022. Вокруг книги профессора Бойченко «Непонятная война» – разговор с автором (П. К. Бойченко)

22.03.2022. Экзистенциальный анализ понятия «немир» в творчестве Виктории Суханцевой (Н. С. Ищенко)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Атоян Арсентий – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского национального университета имени Владимира Даля, основатель и член совета Философского монтеневского общества с 1990. Докторская диссертация по теме «Универсальный человек в иберoамериканской эстетике».

atoyannn@bk.ru

Бодрухина Ольга – 3Д аниматор, ювелир, выпускница института йоги и философии санкхьи – The Yoga Institute, Santacruz, Mumbai. Четырехкратный чемпион Украины, чемпион Европы, вице-чемпион мира и обладатель Кубка мира по тайскому боксу и фулконтакту, ареалист (акробатика на шелке, в составе цирковых групп). Проживает в Индии. Профессионально выступает с огнем в собственных шоу и в составах огненных театров в странах Азии (Индия, Непал, Шри-Ланка, Турция).

bodrukhina@gmail.com

Ветов Владимир – луганский поэт, прозаик, публицист и религиовед, автор 21 книги поэзии, прозы и публицистики, печатался в периодических изданиях, получил дополнительную профессию социолога, окончил две библейские школы.

Вук Задунайский – юрист, писатель-фантаст, живет в Москве. Работает в жанрах мистический реализм, альтернативная история, хроноопера, криптоистория, сакральная фантастика – на балканском и византийском, а с недавнего времени – и на русском историческом материале. Автор книг «Балканский венец», «Балканский венец-2». Рассказы опубликованы в сборниках: «Наше дело правое» (цикл сборников по итогам одноименного конкурса); «Богатыри не мы», посвященном памяти Михаила Успенского (вышла

в 2016 году); «Паны, холопы и Другие» из цикла «Тайная история Тартарии» (вышел в 2021 году).
razgranichitel@yandex.ru

Даренский Виталий – доктор философских наук, профессор, автор более четырехсот научных и публицистических работ, двух сборников стихотворений. Член СП ЛНР, СП РФ. Преподает в Луганском государственном педагогическом университете.
darenskiy1972@rambler.ru

Заславская Елена – поэт, писатель, журналист. Автор девяти поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамині сльози» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыщь-мен и Ко» (2011), «Год войны» (2015), «Бумажный самолет» (2019), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Настя, приезжай» (2022) и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), а также книг для детей. Член СП ЛНР, СП РФ. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик».
zaslavskaja@gmail.com

Ищенко Нина – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой» (2020), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021).
ninaofter@yandex.ru

Кондауров Андрей – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и пиар-технологий Луганской государственной академии культуры и искусств

имени М. Матусовского. Просветитель, организатор студенческих Философских вечеров, ведущий литературного клуба имени Франца Кафки.
moregoods@mail.ru

Коробов-Латынцев Андрей – философ, к.ф.н., офицер армии ДНР.
a.k-l@mail.ru

Макеева Наталья – родилась и живет в Москве. Окончила Литературный институт имени Горького. Автор двух сборников прозы и одного поэтического. В 2014 году поддержала возвращение Крыма в состав России и борьбу народа Новороссии против киевских нацистов. Член Союза Писателей России и Союза Писателей ДНР, политолог, общественный деятель. В 2022 году поддержала начало Спецоперации.
nmakeeva2007@yandex.ru

Мущинский Александр – преподаватель II категории ГОУ ЛНР «ЛЭПЛИ», аспирант кафедры русской и мировой литературы.
spliffo@mail.ru

Патерыкина Валентина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Член национального Союза журналистов Украины, Действительный член Международной Академии биосферных наук (МАБИН). Докторская диссертация по теме «Проблема сакрального в культуре постмодерна». Автор поэтических сборников.
zelenlist@mail.ru

Погорелов Игорь – выпускник исторического факультета ЛГПУ по специальности «Всемирная история и социальная педагогика». Педагог-практик со стажем 28 лет. Национальный мастер спорта по шахматам. Организатор соревнований, энтузиаст по жизни, патриот родного края.
i_pogorelov@mail.ua

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГАХ ФМО

«На грани мира и войны» (2015)

Сборник докладов философского монтеневского общества за 2014-й год. ФМО существует в Луганске более двадцати лет, но доклады его ранее не публиковались под одной обложкой. Тематика докладов самая разнообразная и будет интересна всем, кто увлекается философией, социологией, политологией, эстетикой и другими гуманитарными науками. Это не сборник научных статей, а попытка общения с читателем вне академического формата. В сборнике помещены доклады военного 2014 года, прочитанные как при Украине, так и в ЛНР. Книга отражает интеллектуальный климат Луганска в переломный год начала войны.

«Четверть века с философией» (2015)

Сборник докладов ФМО, посвященный столько же философии, сколько и Луганску. В сборнике показано Философское монтеневское общество как историко-культурный феномен городской жизни. ФМО – это добровольная неформальная организация философов, которая существует в Луганске с 1990 года. В сборнике приведен полный список всех докладов общества вплоть до 2015 года, а также несколько докладов, отражающих спектр интересов ФМО.

«Донбасс в огне» (2017, второе издание 2019)

Сборник докладов и материалов ФМО, посвященный столетию Революции 1917 года и роли Донбасса в этих судьбоносных для России и для мира событиях. В книге собраны произведения исторического, поэтического, мемуарного характера как материал для философского осмысления истории. Книга состоит из трех разделов. Первый раздел «1917. Ветры буйные бушуют, тучи грозные плывут…» посвящен событиям столетней давности, их предыстории и развитию в ходе Гражданской войны на Донбассе. Второй раздел «2017. Русские с нами и красное знамя…» изображает современную войну, идущую здесь с 2014-го года. Третий раздел «Связь времен» представляет со-

бой попытку обнаружить какие-то общие черты происходящего, понять, что связывает эти две эпохи, разделенные целым веком: случайно ли вновь огонь вспыхнул именно здесь или тому были серьезные причины.

«Колышется русское поле… Внемли, Русский мир!» (2019)

Четвертый сборник докладов ФМО Луганска, объединяющий доклады, прочитанные в течение пятого года войны с Украиной. В завершение приводится поэтический комментарий военной и культурной ситуации в Донбассе – стихи Елены Заславской, луганского поэта, постоянной участницы ФМО. Основная тема книги – осмысление русской идентичности на границе Русского мира, размышления луганских философов о сути русской культуры, за которую борется Донбасс.

«Монтень в Луганске. Фокус осознания, спектр возможностей, периферическое видение» (2020)

Пятый сборник докладов Философского монтеневского общества посвящен тридцатилетию ФМО. В книге «Монтень в Луганске» рассказывается об идеях, концепциях, философских системах, поэтических образах, дискуссиях и даже сетевых спорах, которые отражают интеллектуальную жизнь Луганска, города на передовой, в нескольких километрах от линии фронта, на шестой год войны Украины с Донбассом.

«Донбасс: философия фронтира» (2021)

Книга представляет собой шестой сборник материалов Философского монтеневского общества Луганска. Сборник включает в себя прочитанные в течение 2002–2021 гг. доклады, а также доклады, планируемые к обсуждению на заседаниях общества. В книге приводятся рецензии и отзывы читателей на опубликованные книги и доклады ФМО, список докладов, прочитанных в 2020–2021 годах и поэтический комментарий ситуации в Донбассе – поэма Елены Заславской «Новороссия гроз. Новороссия грёз».

Читайте сборники ФМО на сайте www.oduvan.org и в сетевых библиотеках.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУГАНСКИЕ ФИЛОСОФЫ НА ВОЙНЕ 3

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФИЯ НА ВОЙНЕ

Виталий Даренский
ЧЕТВЕРТАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА –
ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ 6

Андрей Кондауров
ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ 20

Ольга Бодрухина
КАННИБАЛИЗМ КАК СРЕДСТВО
УКРАИНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 26

Наталья Макеева
ТОЧКА СБОРКИ РУССКОГО МИРА – ДОНБАСС 32

Андрей Коробов-Латынцев
ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ 37

РАЗДЕЛ 2. В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ

Елена Заславская
«ПОТЯНУЛИСЬ ПУШКИ ЧЕРЕЗ КРАСНОДОН» 46

Нина Ищенко
РОКЕР-ПРОМЕТЕЙ ПРОТИВ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЗЛА
В «ПЕСНЕ ПРО СОВЕТСКУЮ МИЛИЦИЮ»
ВЕНИ ДРКИНА 52

Ольга Бодрухина
«ДОЖДИСЬ ЛЕТА И ПОСМОТРИ, ЧТО БУДЕТ»
ИЛИ КАК ВЫРАСТАЕТ ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ 65

Арсентий Атоян
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ 70

Нина Ищенко
КАКОВО БЫЛО ТАЙНОЕ ИМЯ РИМА? 100

Владимир Ветов
ПОЛОВЕЦКОЕ ПОЛЕ – ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВОЙ ИСТОРИИ 122

Игорь Погорелов
ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ИГРА И ПРАВИЛА 135

Вук Задунайский
КУРГАН ТЕЛЕПЕНЬ КАК ZЕРКАЛО СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ 150

РАЗДЕЛ 3. ОБЪЕМНОЕ ВИДЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ИНТЕРВЬЮ

Арсентий Атоян
ПРИОБЩАЙТЕСЬ К МОНТЕНЕВСКОМУ КРУГУ! 168

Нина Ищенко
СУДЬБЫ РУССКОГО МИРА НА ЛУГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ 175

Виталий Даренский
ФИЛОСОФИЯ НОВОРОССИЙСКОГО ПОЛИСА 178

Андрей Кондауров
ШЕСТЬ МИРОВ ЛУГАНСКА 181

Александр Мущинский
MOTUS ANIMI CONTINUUS 185

Валентина Патерыкина
ЦВЕТИСТОЕ ПОЛОТНО ЛУГАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СБОРНИКЕ ФМО «ДОНБАСС: ФИЛОСОФИЯ ФРОНТИРА» 187

РАЗДЕЛ 4. ПОЭТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Елена Заславская
ZАПИСКИ VЕТЕРАНА АПОКАЛИПСИСА 192

ПРИЛОЖЕНИЕ 196

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 197

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГАХ ФМО 200

ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ

Сборник материалов
Философского монтеневского общества

Редакторы-составители – Ищенко Н. С.,
Заславская Е. А.

Компьютерная верстка – Котова Е. В.
Фото и дизайн обложки – Бодрухина О. И.

Подписано в печать 10.11.2022.
Формат 60x84/16.
Типограф. гарнитура Georgia.
Печать. RISO. Усл.-печ. л. 11,86.
Тираж 100 экз.